

№7
Июль 2011

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№7 (69)
Июль 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПОЭТЫ – ВСЕГДА МИРОТВОРЦЫ ЭПОХИ	6
	КЛАСС МАСТЕРА	11
	ПО СВОЕМУ ВЫБОРУ	16
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	20
ГАСТРОЛИ	БУДЕМ ДРУЖИТЬ ТЕАТРАМИ	24
ДАТА	ПОМНИТЕ!	27
НАСЛЕДИЕ	ПУТЬ ВОИНА	28
О, СПОРТ!	ЛЕТОПИСЕЦ В ШАХМАТНОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ	30
РУССКИЙ МИР	В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	34
ПОЗИЦИЯ	ДВА ДРУГА, ОДНА ЦЕЛЬ	36
СВЕРХЗАДАЧА	ПУСТЬ ПАЦИЕНТЫ НЕ ВОЛНУЮТСЯ	40
ТВОРЧЕСТВО	НОВЕЛЛЫ ИРИНЫ ДЖОРБЕНАДЗЕ	43
ПАЛИТРА	СВОБОДНЫЙ ВЫБОР – ЭТО ПРИВИЛЕГИЯ	46
ВЕРНИСАЖ	МИРОЛЮБИВЫЙ ХУДОЖНИК	50
ПАМЯТЬ	ВОЗВРАЩЕНИЕ	52
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	НЕСТИРАЕМЫЙ ВРЕМЕНЕМ СЛЕД	54

На обложке - картина Олега Тимченко из серии «Ностальгия»

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалде, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалде, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетухуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кагарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полжанина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

от ДО

ПРИКУСИ СЕБЕ ЯЗЫК

Таковой была неофициальная заповедь сотрудников частного сысканого агентства Алана Пинкертонна. Этот легендарный человек за свою жизнь узнал множество чужих секретов. Он организовал в США знаменитую службу охраны и сыска, существующую по сей день. Их лозунг «Мы никогда не спим» переключался на герб современной ФБР. Пинкертон боролся с гангстерами, конокрадами, грабителями поездов. В годы войны Севера с Югом именно на базе его сысканого агентства президент Авраам Линкольн создал контрразведку против агентов Юга. В последние годы жизни Алан Пинкертон стал не только знаковой фигурой, но и одним из самых влиятельных людей США. Угадайте, как умер этот незаурядный человек? Он, споткнувшись, прикусил себе язык и умер 1 июля 1884 г. от заражения крови. Сам себе накаркал.

КТО ПРИДУМАЛ ТУРИЗМ?

Столь понятное и приятное времяпрепровождение – поездки в интересные города и страны, на отдых или к достопримечательностям – глубоко привычно для всех нас. Но так было не всегда. Ровно 170 лет назад английский баптистский проповедник Томас Кук наметил поездку для членов своего кружка борьбы с пьянством. Он организовал поездку в соседний город, тем самым объясняя несознательным рабочим, что ежели потратить деньги не на «поллитру», а на железнодорожный билет, можно получить гораздо больше удовольствия. Железнодорожная компания, очевидно, в рекламных целях, поддержала ретивого баптиста, сделала скидку для его подопечных, а газеты об этом растрезвонили. О событии узнала вся Англия, и Томас Кук за 30 лет довел число путешественников – клиентов своего туристического агентства, уже далеко не только трезвенников – до 3 000 000. Но, как известно, новое – это хорошо забытое старое, и первыми туристическими группами по справедливости стоит считать группы паломников, отправляющихся к Святым местам.

ЖИВОЙ МИР КУКОЛ

Каждый день, ровно в полдень, в Москве к одному большому дому на Садовом кольце устремляются бабушки с внуками, воспитательницы детских садов с детишками и просто зеваки. Почему? Потому что ровно в 12 часов на огромных фасадных часах кукольного театра Образцова открываются сразу все окошки с забавными зверьями. Эти часы уже несколько десятилетий – символ театра Образцова, в котором 5 июля отметили 110-летие со дня рождения своего основателя – легендарного артиста-кукольника, режиссера и театрального деятеля Сергея Образцова. Люди разных

поколений не только в России, но и во всем мире, выросли на его сказочных спектаклях – «Волшебная лампа Аладдина», «Необыкновенный концерт», «Божественная комедия» и других. На сцене были не люди, а куклы, которые удивительно доходчивым языком на разных языках мира говорили со своими маленькими и взрослыми зрителями об очень важных вещах. Всех вас с днем рождения Сергея Владимировича!

А за несколько дней до дня рождения Образцова, 29 июня, отметил свое 75-летие еще один замечательный кукольник, создатель тбилисского театра марионеток, Резо Габриадзе, которого мы знаем как писателя, режиссера и киносценариста. С днем рождения, батона Резо!

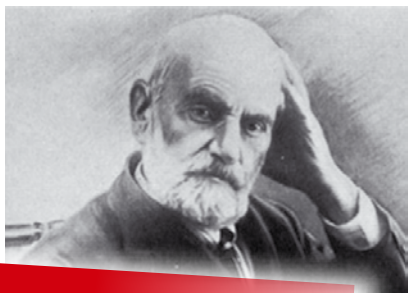
ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

7 июля 1891 г. курьерская служба American Express торжественно сообщила в газетах, что счастливые путешественники теперь могут не рисковать своей наличностью, а пользоваться новым запатентованным изобретением – дорожным чеком. Перед дальней дорогой нужно зайти в ближайшее отделение АЕ, сдать деньги в кассу, взамен получить хрустящую бумажку, предъявив которую в другом отделении за несколько тысяч километров, получить свои деньги назад. И никаких тебе карманных воров и грабителей в поездах. Но как говорил пророк Экклезиаст, «все уже было в веках»... Такими дорожными чеками пользовались еще за много сотен лет до этого изобретения и арабские купцы, и генуэзские банкиры, и тамплиеры с их «дорожными письмами».

БАБУШКА, ИЛИКО, ИЛЛАРИОН И Я... НОДАР

14 июля исполнилось бы 83 года блестящему грузинскому писателю с мировым именем – Нодару Думбадзе. Но прожил он всего 56 лет. Этот человек стал, наверное, самым знаменитым писателем Грузии не только в тогдашнем Советском Союзе, но, пожалуй, и во всем мире. Его произведения печатались в разных странах, ставились на сценах театров и даже экранизировались. Его мудрые, грустные, но остроумные персонажи запомнились нарицательными – например, кривой Илико из «Я, бабушка, Илико и Илларион» или Чичико-Гоголь из «Белых флагов». Этот писатель жил в эпоху застоя и безвременья, оттого и ему, и его персонажам было душно. Но неизменно в авторской позиции Думбадзе было одно: абсолютный и деятельный оптимизм. Он любил жизнь, он любил людей, и сумел им об этом рассказать с талантом и добротой. За то мы его и любим.

ПЕРВЫЙ РЕКТОР

11 июля 1850 г. в Тбилиси родился выдающийся грузинский химик, член-корреспондент Академии наук Петр Меликишвили. Он учился в Одесском университете и больше 30 лет был его профессором. После образования Грузинской Республики вернулся на родину и стал одним из основателей и первым ректором Грузинского университета. Как химик, он прославился открытием глицидных кислот, а также впервые получил перекись аммония. Его научными трудами до сих пор пользуются современные ученые.

150 ЛЕТ НАЗАД

26 июля Грузия отмечает 150-летие со дня рождения Луки Павловича Разикашвили – великого грузинского поэта Важа Пшавела. Родился он в глубинке, в семье священнослужителя и сам учился в духовном училище г.Телави, работал учителем, но познал и тяжелый крестьянский труд – занимался земледелием и пас овец в горах. Пытался поступить в Петербургский университет – отказали. По возвращении на родину Важа Пшавела не сумел устроиться на государственную службу и проработал учителем до конца своих дней. И никто бы не вспомнил о человеке с такой скромной судьбой, если бы он не оставил нам потрясающие стихотворения и поэмы, настоящие жемчужины грузинской поэзии – «Гость и хозяин», «Раненый барс», «Змееед», «Алуда Кетелаури» и др. Русскому читателю его произведения стали известны благодаря переводам Марины Цветаевой, Николая Заболоцкого, Бориса Пастернака.

ДВЕ ЖИЗНИ, ДВА ЮБИЛЕА

8 июля отмечают круглые даты у двух знаменитых людей: в 1621 году родился знаменитый французский баснописец Жан де Лафонтен, а в 1851 году – знаменитый британский археолог Артур Эванс. Что касается Лафонтена, то его вклад в мировую культуру трудно переоценить. Буквально каждый национальный поэт, пишущий басни, начинал с того, что переводил с французского языка на родной его творения. Этот человек за жизнь много чего написал, но в истории остались только его басни. Лафонтен был беден, остроумен и несерьезен. Он был тусовщиком и приживалой в домах французских аристократов-участников Фронды – принца Конде, Ларошфуко, мадам де Лафайет. Поэтому и не был приближен ко двору, и звание академика получил ближе к старости. Он шутил, ерничал, читал стихи – и не заметил, как прожил целую жизнь, шагнув сразу в Вечность.

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

27 июля – печальная дата в истории русской литературы. В этот день 170 лет назад на дуэли погиб великий поэт М.Ю.Лермонтов, потомок шотландского барда Лермонта и знаменитых дворянских родов Московской Руси. Он был воспитан своей бабушкой, Анной Арсеньевой, в сытости и довольстве, и, получив блестящее воспитание, стал офицером-гвардейцем. Рано проявил поэтический дар, но после своего знаменитого стихотворения «На смерть поэта» сослан на Кавказ. Он был очень храбрым человеком и бросался в самую гущу боя, в самое пекло. Современники с ужасом следили за его подвигами, считая, что он ищет смерти. Когда он только написал свои бесчисленные поэтические и прозаические шедевры? И вот, дуэль с довольно близким знакомым закончилась гибелью поэта и пожизненным позором убийце, майору Мартынову, который, к слову, вовсе не хотел дуэли. Пал еще один «невольник чести»...

БИКИНИ

Жарким июльским днем в послевоенном Париже во время одного из редких показов мод почти произошел скандал. Молодой модельер Луи Риар вывел на подиум очаровательную женщину, вся одежда которой состояла из двух полосочек материи, как выяснили потом журналисты, общей площадью 7 квадратных дециметров. Так на свете появился знаменитый купальник бикини. Невзирая на первый шок, новинка понравилась всем: как женщинам – приятно загорать, так и, естественно, мужчинам.

Роб АВАДЯЕВ

ПОЭТЫ – ВСЕГДА МИРОТВОРЦЫ ЭПОХИ

С 6 по 15 июня по маршруту Батуми-Поти-Цхалтубо-Мцхета-Тбилиси, с заездами в Поти и Рустави, прошел V Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «Сны о Грузии».

По традиции участников фестиваля приветствовали главы Грузинской и Русской Православных Церквей – Католикос-Патриарх всея Грузии, архиепископ Мцхетский и Тбилисский, митрополит Пицундский и Цхум-Абхазский Илия II и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. А участников на этот фестиваль собралось рекордное количество – более 70 поэтов, переводчиков, деятелей культуры, организаторов международных поэтических фестивалей, редакторов, издателей и журналистов из 32 стран мира. И ведущие грузинские поэты и переводчики.

Организаторы фестиваля – Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (президент Николай Свентицкий) и Международная федерация русскоязычных писателей (президент Олег Воловик) так сформулировали задачи этого форума: поддерживать современные литературные взаимосвязи, восстановить былые высокие стандарты художественного перевода, а также разработать дальнейшие совместные литературные проекты и новые формы сотрудничества. Немало проектов и перспективных творческих планов обсуждалось во время состоявшихся в рамках фестиваля семинаров, круглых столов, презентаций; в перерывах, до или после музыкальных и поэтических вечеров. И фестивальные дни, по единодушному мнению, не только способствовали положительному имиджу Грузии как страны

с древней культурой и литературными традициями, но и установлению тесных творческих контактов грузинских литераторов с их зарубежными коллегами. Открытие фестиваля состоялось на этот раз не в Тбилиси, а на Черноморском побережье.

К торжественному открытию фестиваля, состоявшемуся вечером 7 июня в Батумском государственном драматическом театре имени И.Чавчавадзе, состав участников, в том числе подтянувшихся из Тбилиси, был полностью укомплектован. Открывая форум, заслуженный деятель искусств России Николай Свентицкий откровенно признался, что в 2007 году организаторы вовсе не были уверены в том, что через пять лет он будет праздновать первый, пусть и не круглый, но все-таки юбилей, и что все эти годы он неуклонно будет творчески обогащаться и набирать международный авторитет. «Гостями фестиваля за эти годы стали более 500 поэтов из 50 стран, и это уже – та юбилейная статистика, которую скромной никак не назовешь. Русско-грузинский поэтический фестиваль обрел достойное место в международном литературном процессе, привнес свою, не оставшуюся незаметной, лепту в непрекращающийся

творческий диалог между русскими и грузинскими литераторами. Фестиваль сыграл значительную роль в процессе восстановления культуры перевода. И, когда мы видим переводы грузинских поэтов на страницах «толстых» журналов других стран, для нас это больше, чем награда», - сказал в своем приветствен-

ном слове президент МКПС «Русский клуб».

Николай Свентицкий выразил особую благодарность благотворительному фонду «Карту» и другим меценатам, не остающимся равнодушными к этому проекту, за возможность дарить праздник поэзии всем стихотворцам и почитателям таланта достойных представителей русского и грузинского поэтического слова.

Выступавшие председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили и московский поэт Елена Иванова-Верховская вспомнили о взаимных поэтических посвящениях:

Не глядя, принимала нас Кура,
Когда Москва, не глядя, отпускала...

Метафоричным получилось выступление Маквалы Гонашвили. Она рассказала о том, что по дороге на церемонию открытия фестиваля прошла мимо стайки голубей, в генах которых не заложено страха перед человеком, и они не улетают при нашем приближении. Так и мы встречаемся с чистым сердцем и светлыми помышлениями, направленными на творческое созидание...

В унисон коллеге по грузинскому писательскому цеху выступили и Белла Кебурия, и Давид Тедорадзе, жители Батуми, остающегося источником вдохновения русских мастеров художественного слова, ведь здесь творили Есенин и Пастернак, Булгаков и Катаев, Ахмадулина и Гандлевский...

Отметим выступления и других грузинских участников – поэтов Бесо Хведелидзе, Ники Джорджанели, Темо Джавахишвили, Като Джавахишвили, Шалвы Бакурадзе, Гурама Одишария, пишущего как по-грузински, так и по-русски Давида Чихладзе, Давида Турашвили, чье остроумное выступление многим представителям среднего и старшего поколения напомнило забытое удовольствие от телевизионных рассказов Ираклия Андроникова...

О любви к Грузии, неразрывности нашего культурного и литературного пространства, говорили «русский сын земли литовской» Юрий Кобрин, готовая «пешком одолеть путь из Молдовы в Грузию» Олеся Рудягина, лауреат Русской премии - 2011, одессит Борис Херсонский и его супруга, Людмила Херсонская, их киевский земляк Александр Кабанов...

В этот гармоничный строй вливались голоса гостей из далекой Средней Азии – поэта и философа Евгения Абдуллаева, Павла Банникова из Казахстана, ленинградца, парижанина, пражанина Александра Радашкевича с его врезавшейся в память строкой «Свети, Светицховели!», поэта, переводчика, эллиниста, автора исторических романов Олега Цыбенко из Греции, и выпускника Тбилисского театрального института, прибывшего из Франции Юрия Юрченко, и представшего перед публикой в футболке «Барселона», Павла Лукьянова из Испании, и автора знаковых «Записок о Петербурге» Елены Игнатовой из Иерусалима...

«Какой призыв можно придумать, чтобы люди обратились к поэзии?» - задает вопрос поэт, переводчик и журналист Надя Попова из Болгарии, и сама же отвечает на него: «Читай стихи и будь человеком». А слова представившего на фестивале Россию узбека Вадима Муратханова близки для многих участников как по роду их деятельности, так и по духу: «Авторы, пишущие на русском, но при этом ощущающие тесную связь с родной культурой, способны сегодня служить медиумами между Западом и Востоком». Таким же медиумом между двумя реками дружбы и поэзии – Дунаем и Мтквари – выступает и гость из Словакии Валерий Купка.

Знакомство батумских любителей поэзии с участни-

ками фестиваля продолжалось два дня, и пришедший 8 июня на смену Николаю Свентицкому ведущий Олег Воловик, находил сколь лаконичные, столь и красочные формы представления выступавших. «Баку» означает «удар ветра». Может быть, отчасти поэтому в стихах нашей гостьи Алины Талыбовой из Азербайджана так часто слышится веянье ветра...

Легенды гласят, что имя городу «Ереван» дало воскливание Ноя «Еревац!» («Она появилась!») - так приветствовал Ной показавшуюся из воды вершину Малого Арарата. Это символичное напутствие ведущего предшествовало появлению на сцене Каринэ Халатовой из Армении.

Сменяя друг друга, выходили на сцену со своими поэтическими «визитными карточками» россияне Елена Исаева, Дмитрий Кузьмин, Елена Фанайлова, Александр Герасимов, Заур Квижинадзе... Образцы своей лирики прочитали посланница Эстонии и невестка Грузии Елена Скульская, живущие в Дании, Польше, Австрии, Великобритании, Германии, Швеции, Сербии, Латвии, Финляндии. Арсений Ровинский, Анастасия Векшина, Надя Ульбль, супруги Равиль Бухараев и Лидия Григорьева, Вальдемар Вебер и Манана Менабде, Хелена Томассон, Злата Коич, Сергей Пичугин, Татьяна Перцева...

Покидая Грузию в прошлом году, поэт, издатель и главный редактор нескольких солидных российских изданий Евгений Степанов обещал: «В ближайших номерах международного литературно-художественного журнала «Дети Ра» мы представим участников фестиваля, русских и грузинских поэтов. Впереди много работы. Культурные связи между Россией и Грузией не прерываются». Свое слово Евгений Степанов сдержал. Со страниц журнала с русскоязычным читателем заговорили замечательные грузинские поэты.

Аплодисментами наградили зрители поэта из Беларуси Валентину Поликанину, строка из стихотворения которой – «За четырнадцать дней до войны» - стала названием итогового сборника III фестиваля, завершившегося накануне августовской войны 2008 года.

Подлинным литературным созвездием V русско-грузинского поэтического фестиваля стали Бахыт Кенжеев, Юрий Ряшенцев, Алексей Цветков и подъехавшие ближе к окончанию форума Юлий Ким и Евгений Рейн. Все они – властители дум не одного поколения.

Для многих присутствовавших стала приятным открытием иная – не популярно-кино-песенная (из фильмов «Три мушкетера», «Гардемарины» и др.) сторона творчества Юрия Ряшенцева, а та, с которой он познакомил публику со сцены Батумского театра.

А программа фестиваля шла своим чередом и плавно переместилась в конференц-зал «Бетлеми» обновленной гостиницы «Интурист», где проживали участники фестиваля. И вновь бразды правления взял в руки Олег Воловик, пригласивший участников на встречу-презентацию «МФРП – вчера, сегодня, завтра. К пятилетию Международной федерации русскоязычных писателей».

Олег Воловик рассказал об истории рождения возглавляемой им писательской организации. С самого начала одним из главных пунктов устава МФРП стала максимальная независимость от официальной России и от любого рода политических веяний. Строилась и была выстроена надгосударственная общественная структура, связанная с постсоветским пространством только русским языком и общими литературно-культурными достижениями.

Президент МФРП привел любопытную статистику:

«Представительства нашей организации существуют уже в 58 странах, на пяти континентах. Организаций-учредителей у нас шесть – в Великобритании, Венгрии, Грузии, Израиле, Литве, России. Индивидуальных членов около 700. По сравнению с Союзом писателей СССР это немного, но по нынешним временам – вполне достаточно. К тому же мы ведем прием не по принципу личной преданности или идеологической близости. Нас прежде всего интересует качество дарования. Среди членов МФРП много выпускников советских вузов, и даже более десяти глав государств и правительств, блестяще говорящих и пишущих по-русски. Это – мощное лобби, они – одновременно действующее и потенциальное звено поддержки наших идей и проектов, - сказал Олег Воловик. На презентации О. Воловик вручил ордена «Культурное наследие» главному редактору журнала «Знамя» С. Чупринину, поэту и переводчику Ю. Ряшенцеву (Россия), поэту М. Гонашвили (Грузия). Медали за сохранение русского языка и развитие межнациональных культурных связей была удостоена Т. Перцева (Финляндия). Награда «Мастер словесности» присуждена поэту, переводчику, журналисту В. Саривили (Грузия) и литератору, издателю М.Ляшенко (Грузия).

Секретарь СП Москвы А. Герасимов вручил президенту МФРП благодарственную грамоту от своей организации за выдающийся вклад в дело сохранения и продвижения русского языка и в связи с пятилетним юбилеем возглавляемой им организации.

На следующий день участники фестиваля разбились на две группы. Одна отправилась в Поты, на встречу с общественностью и представителями литературных, научных и культурных кругов города. Другая – в Рустави, спустя два дня.

Главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин провел круглый стол на тему «Поэзия прежде всего?». Открывая встречу, Сергей Иванович отметил, что русско-грузинский поэтический фестиваль – не только праздник, но и своего рода передвижная лаборатория.

В оживленной дискуссии приняли участие О. Воловик, Ю. Ряшенцев, Р. Бухараев, Л. Григорьева, А. Талыбова, Е. Абдуллаев, А. Цветков, Б. Херсонский и другие. Автор этих строк, как переводчик многих грузинских поэтов – как молодых, так и «шестидесятников», мог отнюдь не голословно заявить, что в грузинской поэзии XX-XXI вв. традиция любовной лирики продолжает процветать, хотя и несколько «потесненная» той самой «диалектикой частного» или, проще говоря, эгоистическим «самокопанием».

Творческий вечер-семинар поэта, прозаика, киносценариста, мастера мюзикла Юрия Ряшенцева на берегах Черного моря, конечно же, не мог начаться иначе, чем с неувядаемой песни аргонавтов из популярнейшего телемюзикла «Веселая хроника опасного путешествия». Юрий Евгеньевич с теплом вспоминал работу с композитором Александром Басилая, а затем плавно перешел на разговор о другом «вечнозеленом» творении – многосерийном телефильме «Д'Артаньян и три мушкетера». Поэт вспомнил одноименный аншлаговый спектакль тбилисца Сандро Товстоногова, поставленный в московском ТЮЗе, где звучали эти песни. А ведущая Елена Исаева заметила, что как бы ни были прекрасны в этом фильме Михаил Боярский и его коллеги, как бы ни была удачна постановка, музыка, подбор костюмов – без текстов Юрия Ряшенцева фильм бы неизбежно потускнел.

- Я никогда не опасался писать тексты к произведе-

ниям классических авторов, даже к «Преступлению и наказанию», - делился со зрителем Юрий Ряшенцев. – Я даже думаю, что Достоевский создан для пения. Классика – это всегда подсказка автору текстов песен для спектакля. Но есть обязательное условие – стихи для кино и театра должны быть вняты и просты. Я не считаю, что «Романс Обломова» на мои слова расходится с духом и даже буквой текста Гончарова. Это – гимн любимому домашнему халату...

Немало тем еще затронули на этом памятном вечере его участники. И одной из главных были, конечно, переводы Юрием Ряшенцевым грузинской поэзии, его запомнившиеся знатокам и любителям грузинской литературы творческие удачи в интерпретации стихотворений Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, его перевод «Мерани» Николоза Бараташвили, отмеченный как одна из лучших версий этого, по глубинной сути, непереводаемого шедевра. Вспомнили и цитировали строки из его сборника «Иверская сторона», объединившего переводы и циклы стихов о Грузии...

А сразу за встречей с Юрием Ряшенцевым авторский подиум в «Бетлеми» заняли замечательная исполнительница русских и грузинских городских романсов, мастер авторской песни, человек разносторонних дарований Манана Менабде, и легендарный поэт, композитор, драматург, сценарист и бард Юлий Ким. Их творческий вечер стал достойным апофеозом батумской части фестиваля.

Родившаяся в знаменитой в Грузии семье певиц сестер Ишхнели, Манана Менабде, одаренная богатейшей музыкальностью, прославилась своеобразной трактовкой как находящихся на слуху почитателей творений великих бардов, так и собственными композициями на слова классиков грузинской литературы. Всем этим разнообразием репертуара певица щедро, но ненавязчиво, одарила благодарную публику. И, демонстрируя преемственность поколений, исполняла многие песни в ансамбле с сестрой Тинатин Менабде и племянником Отто Соломоном.

Ну, а затем настал черед легенды советского диссидентского и правозащитного движения Юлия Кима, на стихах, а еще чаще – песнях, любимых тысячами и тысячами поклонников, выросло несколько поколений.

Юлий Ким, отмечающий в этом году 75-летие, в Грузию приехал ВПЕРВЫЕ! А на вечере во всем блеске своего искусства исполнил лучшие свои песни, знакомые нам и по репертуару звезд театра и кино: Андрея Миронова и Валерия Золотухина, Михаила Боярского и Алисы Фрейндлих... можно легко продолжить. И если в песнях на слова Юрия Ряшенцева определяющим можно назвать Символ – к примеру, тот же халат Обломова, то в своих песнях Юлий Ким создает Характеры – и здесь уже требуется синтез текста, мелодии, интонации, тембра...

- Не могу похвастаться, подобно великим переводчикам – Пастернаку, Заболоцкому, Ряшенцеву, крупным вкладом в дело перевода грузинской поэзии на русский язык, но с удовольствием вспоминаю спектакль «Чинчрака» по пьесе Георгия Нахуцришвили, который шел в московском Центральном детском театре, - поведал зрителям Юлий Ким. - Собираясь в Грузию, я вспомнил, что написал к «Чинчраке» не только стихи, но и музыку. Царевну Лали играла в этом спектакле Ирина Муравьева, и сыграла так хорошо, что режиссер Леонид Эйшлин немедленно на ней женился. Зато могу похвастаться тем, что некоторые мои песни объявлялись народными. Например, песня «Бестолковая любовь», прозвучавшая в пору расцвета таланта Никиты Михалкова, в фильме

«Пять вечеров». В «Кинопанораме» ее окрестили народной».

По окончании вечера Олег Воловик вручил Юлию Киму орден МФРП «Культурное наследие».

И вновь поэты в пути – на этот раз - в Цхалтубо, где их ждал полторакилометровый маршрут по пещерам Прометея. Это настоящее чудо природы – подземный город из сталактито-сталагмитовых пород, был обустроен для экскурсионного обзора при поддержке благотворительного фонда «Карту» и оформлен мастерами художественного дизайна из Германии. Случилось это буквально чуть более месяца назад, так что наша «экспедиция» оказалась в числе первых сотен посетителей. «Вергилием» поэтов в этом подземном царстве был один из руководителей проекта возрождения пещер, режиссер Темури Чочуа. По его словам, идея обустройства пещер Прометея для посещения туристами принадлежала президенту Грузии Михаилу Саакашвили. Так возник проект «Золотое руно», который был воплощен в жизнь в течение трех лет, хотя и не в полной мере – несмотря на то, что уникальный карстовый комплекс открыт для туристов, предстоит еще немало работы по его усовершенствованию.

Эти пещеры уже наделены зарубежными экспертами статусом международного значения. Как по габаритам, так и по богатству карстовых образований, сформировавшихся в течение миллионов лет.

Все это, посредством синтеза света, музыки и лазерного шоу обустроено в самую современную европейскую туристическую инфраструктуру. А с прилегающей к пещерам территории видна гора Хвамли, где, согласно легенде, был прикован Прометей.

И вот мы снова в автобусе, и через несколько часов – уже в Тбилиси. Отдых недолог – гостей ждет в Тбилиси дегустация 22 сортов грузинских вин в зале «Киндзмараулис марани». А вечером Евгений Рейн приглашает на вечер поэзии в обновленном после капитального ремонта Большом зале Тбилисского государственного русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. И здесь талантами гостей, как, впрочем, и грузинских литераторов, сполна насладились любители литературы столицы Грузии. Особенно впечатлили новые стихи Бахыта Кенжеева.

«Земной поклон – ветеранам» - под таким девизом прошла презентация сборника военных художественно-документальных рассказов «22 июня», изданного «Русским клубом» к 70-летию начала Великой Отечественной войны.

Ведущая вечера, театровед и журналист Вера Церетели предоставила слово автору и составителю сборника, заслуженному журналисту Грузии Арсену Еремяню, который рассказал об истории создания книги и представил гостей презентации – героев книги и их детей, которые выступили с воспоминаниями.

Это – не первое издание из серии книг о ВОВ, выпущенных «Русским клубом». В прошлом году, в канун IV поэтического фестиваля, увидел свет сборник «Обелиск», в который вошли стихотворения грузинских поэтов, посвященных трагедии жесточайшей в истории мировой войны. Как сказал на презентации известный грузинский поэт, лауреат премии имени Шота Руставели Джансуг Чарквиани, «бытует мнение, что это была война

за СССР, но для меня это была Отечественная война, ведь известно, что Гитлер вынашивал план переселения грузин и заселения на «освобожденную территорию» семей офицеров и солдат вермахта».

- Все рассказы и стихи, включенные в книгу, записывались со слов очевидцев и участников событий тех дней. Мы хотели показать – кто, как, при каких обстоятельствах встретил этот трагический день. И мы посвящаем эту книгу всем нашим героям - и живым, и мертвым, - сказал автор сборника.

Собравшиеся на презентацию ветераны делились своими воспоминаниями о «сороковых, пороховых» и их огненном отблеске, легшем на всю дальнейшую жизнь. Известный поэт и лауреат Государственной премии Грузии Эмзар Квитаишвили рассказал о том, как война отразилась на судьбах его поколения и его семьи. Лауреат Государственной премии имени Шота Руставели Лия Стураа прочитала свое стихотворение «Женщины 1941 года» в переводе Евгения Евтушенко. О тяжелейших испытаниях, выпавших на долю того героического поколения, рассказывали ветераны: участник боев под

Сталинградом и Москвой Давид Якобашвили, чемпион СССР по греко-римской борьбе, полковник в отставке Мераб Гудушаури, Лиана Гудушаури, дочь выдающегося советского боксера, двукратного чемпиона СССР Левана Гудушаури, защищавшего Москву зимой 1941 года, и другие. Ведущий актер Грибоедовского театра Валерий Харютченко, родившийся на Дальнем Востоке в семье военнослужащего, прочитал стихотворение Джансуга Чарквиани «Иринола», посвященное 15-летней девушке-грузинке, погибшей в Польше в борьбе с фашизмом.

Украшением встречи стали выступления музыканта-виртуоза Роберта Мерабова и поэта, барда Гоги Чкония.

Вечером того же дня на сцене Грибоедовского театра выступил, теперь уже для тбилисцев - Юлий КИМ. Он исполнил свои песни, которые зрители узнавали с первых нот и приветствовали дружными аплодисментами. Концерт стал настоящим украшением фестиваля и огромным подарком для всех поклонников его творчества.

Завершилась фестивальная программа церемонией награждения участников первого Конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии. Автор этих строк, по совместительству ведущий этой церемонии и член жюри конкурса, огласил список дипломантов и лауреатов во всех четырех номинациях. А также особой номинации «Надежда». К сожалению, некоторые из них на сцену не вышли по уважительной причине – находились за пределами Грузии.

Большинство наград вручали российские гости. Дипломы «Надежда» конкурсантам и диплом лауреата Марине Ламар (Чачуа) в номинации «Драматургия» передала московский поэт и драматург Елена Исаева; дипломы отличившимся и награду лауреата в номинации «Проза» Самире Кузнецовой вручил сопредседатель московского жюри конкурса, главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин; в номинации «Художественный перевод» Юрий Ряшенцев, Анне Григ (Григалашвили). Дипломы и награду лауреата Анне Лобовой-Кубецовой в номинации «Поэзия» вручила сопредседатель тбилисского жюри конкурса, председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили. Все лауреаты конкурса стали обладателями нед-буков.

И, наконец, Гран-при конкурса был вручен поэту и драматургу Сусанне Армянян. Вручал его Юлий Ким. А материальным воплощением высшей награды конкурса станет издание сборника произведений Сусанны Армянян. Заключительный сюрприз озвучил поднявшийся на сцену известный украинский поэт Александр Кабанов, пригласивший лауреата Гран-при на литературный фестиваль «Киевские лавры».

В рамках программы участники фестиваля посетили древнюю столицу Грузии Мцхета. А на заключительном торжественном приеме от имени «Русского клуба» звучали не только слова дружбы, но и твердые обещания встретиться на грузинской земле через год – на очередном русско-грузинском поэтическом фестивале. «Возьми, Кура, мои стихотворенья...», — звучали стихи Алины Тальбовой. «Солнечная Колхида, не отпускай меня», - читала Елена Исаева. Маквала Гонашвили (Грузия): «Нам предстоит целый год тоски друг по другу»...

Фестиваль завершен, да здравствует фестиваль!

Владимир САРИШВИЛИ

КЛАСС МАСТЕРА

Юрий Ряшенцев

Юрий Ряшенцев – блестящий лирический поэт. Классическая безупречность в наши дни делает его последним из могикан – последователей «неслыханной простоты». Ирония, парадоксальное метафорическое мышление, трагико-саркастическое отношение к миру, масштаб и своеобразие художественного видения позволяют оставаться современным в культуре XXI века. Личность – всегда современна, Явление – всегда актуально.

Ряшенцев знаменит еще и тем, что является одним из немногих высоко чтимых профессионалами и горячо любимых публикой паролые – мастером написания поэтического текста для музыкального номера в спектакле или фильме. Но поэт облагородил и возвысил искусство паролые – стало ясно, что это высший класс, работа, требующая серьезной классификации, отменных профессиональных навыков. А еще – это должно быть, как говорится, дано. А если не дано – за это дело нечего и браться.

В рамках V Международного русско-грузинского фестиваля «Сны о Грузии» прошел поэтический семинар Юрия Ряшенцева «Поэзия в театре и кино». Ведущей встречи стала поэт, драматург Елена Исаева.

Елена Исаева. Дорогие друзья! Сегодня мы встречаемся с человеком-легендой. Пусть он не смущается и не слушает меня строго, я говорю то, что думаю. Мы сейчас видели на экране фрагменты из фильмов, на которых он работал, и, конечно, у каждого из вас что-то защемило в душе, потому что вы вернулись не просто в свое детство, отрочество или юность, а вспомнили счастливые моменты жизни. Я смотрела отрывки из «Трех мушкетеров» и думала, что основой всему – прекрасные слова, и как бы ни был прекрасен Бо-

ярский, замечательны костюмы, отлично выстроены мизансцены, но если бы стихи были иными, мы и не стали бы смотреть это кино. Юрий Ряшенцев – основа нашего музыкального кино. Это замечательно, когда в массовом искусстве работает настоящий мастер, который является серьезным, большим поэтом. Именно тогда массовое искусство становится достойным и прекрасным.

Юрий Ряшенцев. Спасибо. Я не знаю, что такое мастер-класс, мне нечему вас учить, я сам с удовольствием поучился бы у каждого из вас, у Лены, например, которая сидит рядом со мной.

Е.И. Не будем нарушать субординацию.

Ю.Р. Друзья, мы поговорим сегодня о такой странной профессии, как паролые. Меня этому слову научил Юлий Ким, и я им теперь с удовольствием пользуюсь. Вы заметили, что стихи, которые поют с экрана замечательные актеры, очень мало похожи на мои лирические стихи. Я поэт мрачный, меланхоличный, а для кино пишу то, что хочет режиссер и то, что удобно петь актерам. Профессия лирического поэта не располагает к счастливой жизни, в первую очередь, к жизни безбедной. Я не пижон и понимаю, что небожителство – вещь хорошая, но надо кормиться самому и кормить детей. Поэтому я рекомендую вам приглядеться к профессии паролые.

Чем отличаются стихи театральные от стихов не-театральных? Прежде всего, они должны быть вняты и просты. Как бы вы здорово ни закрутили, если текст не доходит до зрителя и слушателя – именно до них, а не до читателя – ничего не получится. Паролые должны четко знать, что он хочет сказать. В этом – главное различие. Если вы лирический поэт и очень хорошо знаете,

что вы хотите сказать в своем стихотворении, то лучше его не писать. Тогда оно превращается из сочинения в изложение. И если я знаю, что скажу в конце, я никогда не буду писать лирическое стихотворение. Поэтому так часто стихи – даже очень хорошие – не понятны читателю. Поэту стало понятно, и он поставил точку, а читателю – еще надо думать и понимать...

Хотя простота и внятность текста натываются иногда на некоторые безобразия. Наши первые театральные работы с Марком Розовским были посвящены серьезным писателям – Толстому, Достоевскому, Карамзину. Я помню историю со спектаклем «История лошади» в БДТ. Розовский сделал инсценировку, я написал зонги. И вот мы, два пацана из Москвы, приехали в Ленинград. Нас называли «георгиевские мальчишки», имея в виду Георгия Товстоногова. Замечательный артист Евгений Лебедев играл в спектакле Холстомера. Лебедев не хотел петь мой текст – «хочу играть Толстого в чистом виде». А у нас был зонг, который начинался со слов «хозяин мой богат и молод». Несложно, правда? Но Лебедев никогда не мог спеть эту строчку правильно. Нарочно, конечно, - демонстрируя нам, где, мол, Толстой, а где вы. Он пел «хозяин мой велик и важен», «высок и статен» и так далее. И никогда не ошибался, у него всегда было два слова по два слога, точно уложенных в строчку. В итоге он спел все возможные варианты, осталось только спеть, как надо – «хозяин мой богат и молод». Но Лебедев выкрутился. Он спел «хозяин мой богат и беден». Так что простота, кроме всего прочего, требует хороших отношений с режиссером и актером...

В спектакле «История лошади» каждый из героев – Милья, Вязопуриха, Князь – пели свои куплеты. Но, кроме того, нужно было написать четыре строки - как бы обращение и от театра, и от Толстого. Это была сложная задача, и я считаю, что это стало одной из моих удач. Товстоногов даже сказал, что будет читать эти строчки сам: «Мироздание! Чье же ты слово,/ Если нет у творца твоего/Ничего беззащитней живого,/Беспощадней живых никого». Он читал эти стихи в притихшем зале... А я получил, чем очень горжусь, комплимент от замечательного критика Александра Свободина, который считал, что в этих стихах больше Тютчева, чем Толстого. Но это тоже неплохо, я бы сказал. Самое важное, в этих четырех строчках нет ничего, чего бы не было у Толстого. Все правильно.

Е.И. Я тогда еще не знала, кто такой Ряшенцев, но дуэт Вязопурихи и Холстомера пела наизусть - «Ах, как светит солнышко горячо. Положи мне голову на плечо...»

Ю.Р. В спектакле князь, роль которого блестяще играл Олег Басилашвили, пел романс, совсем другой по фактуре: «Я пил, не зная жажды,/ и пьян всего однажды./ Лишь тем нужна душа,/ чья плоть нехороша./ Эх, да без Матфея, без Луки./ Пробка – словно птица./ Лягут на глазницы пятаки./ Поздно будет веселиться./ Сколько звезд в ночной реке?/ Аль спасешь их всех?/ Всю-то жизнь мы во грехе./ Да велик ли грех?/ Христос простил Иуде./ А мы простые люди./ Неужто в судный час/ не пожалеет нас?/» Ничего из того, что написано Толстым, не нарушено. Хотя главная атака на нас, и на меня, в частности, велась по поводу того, что мы искажаем Толстого.

Еще одна большая работа, которую мы делали с Розовским и Кончаловским на музыку Артемьева, в итоге вылилась в оперу, которая к моему счастью, записана - есть диск. Это «Преступление и наказание». Первой реакцией у людей, узнававших, что мы делаем Достоевского, было изумление: Достоевского – петь?!

Как это возможно? А мне кажется, что Достоевский создан для пения. Я даже рискну вам на ухо сказать, что Достоевский создан и для рока.

Я прочту вам две песни, которые поет персонаж этого спектакля, Господин из увеселительного сада – это, в общем-то, Свидригайлов. В первом произведении сперва мной был написан текст, а потом композитор написал музыку. Это романс Свидригайлова, человека, который отрицает мораль, устал от нее: «Одни фантазии в ходу./ Разврат, по крайности, природен./ В увеселительном саду/ в своих движеньях всяк свободен./ Уж так замыслил нас господь,/ что всякий день мы на охоте./ Ничто не остановит плоть,/ хотящую отвратить плоти.../ По мне забавней чувства нет,/ когда она почти ребенок,/ но яд соблазна сладок, тонок,/ ей поднесен в пятнадцать лет./ Когда ж, беспомощно греша,/ погибнет юность в час неровен,/ я удручен, но невинен./ Зачем она так хороша?»

А второй текст был написан на готовую музыку, и он обладает таким ритмическим рисунком, в каком я бы и не написал никогда, если бы не имел готовой музыки. Это трагический момент за пять минут до смерти Свидригайлова, когда он прощает Раскольникова, и становится ясно, что сейчас он покончит с собой. «С молодых ногтей пугают нас пороком./ И муки обещают за грехи./ И тут, и там талдычат о высококом,/ а смертный должен ждать, пока взойдут из плоти лопухи./ Но где залог, что там, за облаками,/ блаженный рай без подлого труда./ А что, как вечность – ерунда?/ А что, когда, а что, когда/ все это вздор, все это бред,/ ни райских кущ, ни сада нет,/ а там – одна лишь банька с пауками?/»

Е.И. Как вы любите больше работать - писать на готовую музыку или сперва сочинять текст?

Ю.Р. Абсолютно все равно. Хотя в последнее время, как ни странно, я больше люблю подтекстовывать, то есть писать на музыку. Вы знаете, это презируемая работа, и виноваты в этом подтекстовщики, которых развелось очень много. Про одного поэта, известного подтекстовщика, не хочу называть фамилии, рассказывали: подходит к нему композитор и просит написать текст на его музыку. Поэт просит напеть мелодию, потом вытаскивает из кармана текст – у него на все случаи жизни были заготовлены тексты. Подобные случаи и рожают определенное отношение к нашей профессии. На самом деле это трудная работа. Я знаю много хороших поэтов, которые мне говорили: «Черт ногу сломит, связался с композитором, ничего у меня не получается, возьми, сделай эту работу». Видимо, к подтекстовкам должна быть какая-то особенная predisposition.

Я хочу сказать об одном моменте, который важен и в котором не часто разбираются – это стилизация. Вот в зале сидит автор замечательных стилизаций, Юлий Ким, и многие его песни поют, как народные – «Ходят кони», «Губы окаянные»... Прием стилизации может быть очень широким. Например, популярная песня «Ланфрен-ланфра» из фильма «Гардемарины, вперед!» - стилизация под старую французскую песню. Меня, кстати, часто спрашивают, что значит «ланфрен-ланфра»? Это вокализное слово, как «рэро» или «ай-люли». Есть у меня стилизации и другого рода. Понимаете, я был мальчиком с не очень обычной биографией. Мои сестры – филологички из Ленинградского университета. Знакомство с Мандельштамом, Гумилевым. Ахматова в доме. А когда я выходил во двор нашего дома фабрики «Красная роза», я слышал «гоп со смыком» и прочие песни народов СССР. Если бы во дворе я заикнулся и сказал: «Слава тебе, безысходная боль! Умер вчера сероглазый король», на меня бы выпучили

глаза. Но все это запало в меня и, видимо, сохранилось в характере, поэтому я часто прибегал к воровской стилизации, например, в спектакле «Гамбринус» у Марка Розовского.

Как-то я зашел к Розовскому на спектакль «Песни нашего двора», который играется во дворе, на крышах. И парень с крыши пел песню, которая показалась мне знакомой – оказалось, моя. Она была написана для спектакля Гончарова «Леди Макбет Мценского уезда». Кандальная песня: «Ой, выходит карта/ да все бубновый туз/ Красная, не черная,/Что за жизнь такая,/ Горькая на вкус,Ягодка моченая./Что-сь звенит, да, чай, не полный штоф./Не стопочка хрустальная, А то ли от часов,/А то ли цепь кандальная...»

Это использование хорошо знакомых мне блатных интонаций, которые я знал и любил с детства, чего совершенно не стыжусь, потому что это очень плодотворный слой в нашей культуре.

Обратите внимание, как в высокий жанр проникают интонации пусть не блатные, но уличные. В опере «Преступление и наказание» есть персонажи Радио Сенной площади. Понятно, что никакого радио тогда не было, но в этой опере любая новость, которая случается на Сенной, мгновенно озвучивается толпой: «Тут в переулке по соседству/ старушка деньги в рост дает./ Она берет ужасный процент,/ ну прям сказать, как волк с овцы./ Отдай в заклад часы, колечки,/ ой злое дело ты, нужда,/ сколь много духу в человечке,/ а вот без пищи – никуда./ Тут в переулке по соседству/ случился грех ночной порой,/ убили старую старуху/ с ее несчастною сестрой./ Убийца был, видать, прилежный,/ не как другие – тяп да ляп./ Он и убил, он и ограбил,/ и никаких тебе улик». И так далее. Это вызвало гнев не только у посетителей интернета, но и у профессиональных критиков. Писали, что Ряшенцев разучился рифмовать. Было даже замечание, очень меня порадовавшее. Дело в том, что у Достоевского есть стихи, как ни странно. Не тот знаменитый «Жил на свете таракан», а другие. Они начинаются со строчек «Ты мой будочник прекрасный, ты не бей меня напрасно». Я их дописал, а критики прошли как раз по первым двум строчкам. (Из интервью Эдуарда Артемьева «Российской газете»: «Ряшенцев написал, по-моему, потрясающие белые стихи. Он продемонстрировал виртуозное мастерство: почти не меняя текст Достоевского, сумел его ритмически организовать» - Н.З.)

Кстати, с подтекстовкой у меня была смешная история. В 1955 году по приглашению моего друга Пети Фоменко я работал в одном спектакле. Фоменко не нравилась пьеса, и он потихоньку от автора придумал персонаж, который ходил по сцене и говорил стихами. Я должен был написать и стихи, и песни. Музыку написал Модест Табачников, прекрасный композитор, замечательный мелодист. Я приезжаю к нему домой, он сидит за роялем, очень сосредоточенный. Ставит мой текст на пюпитр, играет, и говорит со своим ярким одесским акцентом: «Ты знаешь, что ты мне написал? Так только Сема Кирсанов мог, и то потому, что он со мной из одного города». Зовет жену: «Рита, иди сюда, посмотри, что мне этот пацан написал», играет, они оба поют, я сижу в кресле, очень довольный. Жена говорит: «Молодой человек, вы знаете, что вы написали настоящий шлягер?» Я тогда впервые услышал слово «шлягер». «Принеси этому пацану кофе», - говорит Табачников. Он продолжает играть и вдруг восклицает: «Ты что мне написал?!» Я гордо отвечаю: «Шлягер». Зовет жену: «Рита, иди сюда, посмотри, этот пацан мне написал – «я шел». Жена кричит: «Как?! Молодой человек, вы нам написали «я шел?!» Я говорю: «Что же

в этом дурного?» «Молодой человек, вы не знаете, что в Советском Союзе певиц в четыре раза больше, чем певцов? Какие же авторские мы будем получать?» Я предлагаю: «А может быть, напишем «я шла»? «Это уже лучше! Рита, принеси ему кофе! А вообще-то, молодой человек, лучше пишите «я иду»... Этот совет я запомнил на всю жизнь и повторяю всем молодым поэтам.

Была у меня история с композитором в театре у Андрея Гончарова. Я ему дал текст, через день он звонит и приглашает послушать написанное. Играет, и я с удивлением говорю: «Да это же «Ехал на ярмарку ухарь-купец». Композитор немедленно ответил: «Да! Но в миноре!»

Е.И. А как началось ваше сотрудничество с театром? Вы же заканчивали педагогический институт?

Ю.Р. Да, и Петя Фоменко, который также заканчивал педагогический, первым меня и пригласил. А вообще я занимался волейболом, ухаживал за девушками, и долгое время не писал ни стихов, ни подтекстовок. В 1962 году я пришел в редакцию журнала «Юность» - меня позвал Олег Чухонцев, и с тех пор профессионально работаю со стихами.

Счастливая для меня работа была связана с Грузией. Это «Веселое путешествие аргонатов», мюзикл Саши Басилая, замечательного композитора, которого, увы, больше нет с нами. Была хорошая дружба, хорошая музыка, отличные музыканты. Грузинские друзья меня постоянно разыгрывали - всюду, куда я ни входил, играли «Арго», мне уже бежать хотелось отовсюду. В этом мюзикле много прекрасных мелодий, и у меня получилось сделать некоторые вещи, которыми я горжусь. Сейчас с ходу сложно рассказать об этом, но я, например, использовал некоторые грузинские слова в русских текстах...

У меня есть несколько номеров, которые я очень люблю. Один из них - из фильма «Рецепт ее молодости» в исполнении Олега Борисова. В этом тексте удачно найден шлягворд, высказывание, которое организует весь текст – «Зато цивилизация за нас»: «Нет, хищник не ругательное слово./Есть в хищниках высокая корысть./Есть в хищниках здоровая основа./Желанье и обязанность загрызть! /В нас, хищниках, счастливая натура -/Когтям так близко все, что видит глаз./Быть может, против хищников культура -/Зато цивилизация за нас!» Борисов делал это вместе с Люсей Гурченко, и делал прекрасно.

Е.И. А вы дружили с ними?

Ю.Р. Об общении с Гурченко можно написать трагическую повесть. При всем своем невероятном даровании, она в съемочной группе выбирала себе «врага» и начинала соответственно себя вести. Меня она любила, написала обо мне хорошие слова в своей книге, но в какой-то момент я не пошел у нее на поводу. Я вообще имею такую нехорошую и бесполезную привычку – отстаивать свою точку зрения. Как правило, я уступаю по мелочам, но в каких-то вещах я уступать ей не захотел. Я сразу для нее стал врагом и дураком.

Е.И. А что, она пыталась слова переделывать?

Ю.Р. Нет, она понимала, что у меня получается лучше, но тянула меня на расхожие интонации. Я не стесняюсь расхожих интонаций, но когда поппа – я категорически против. Гурченко – замечательный человек и делала совершенно уникальные вещи. Я сам удивлялся, на что я шел. Например, я написал все зонги в фильм «Рецепт ее молодости». Все было сделано, можно отдыхать. Приятный момент для автора - артисты поют, а я могу слушать и наслаждаться. Вдруг она подскакивает ко мне с горящими глазами – мы тогда

были в хороших отношениях – «Ты, знаешь, что я придумала? Я буду отвечать каждому из героев не в своей музыке, а в его музыке!» Если кто видел фильм, помнит, что там есть эпизод, где она обращается в своей песне к каждому из героев. Представляете, что это такое? Заново написать, перетекстовать все! Я спрашиваю: «Когда это сделать?» Она отвечает: «Сейчас!» И вдруг я, слыша себя со стороны, отвечаю: «Помощника режиссера, комнату, бумагу и карандаш». Все на меня смотрели с ужасом, но я за это взялся. Как это было? Я пишу первый куплет, помощник бежит, относит ей в рубку, она поет, записывается, я в это время пишу второй. И так далее до конца. Конечно, я был мокрый. Когда она вышла из студии, то крикнула мне: «Браво, Ряшенцев!» Честное слово, я эти слова, как орден, ношу. Потому что она-то знала толк в этом деле.

Еще один номер, который я люблю, даже не знаю, за что. «Романс Обломова». Надо сказать, что мне это очень дорого, потому что в школе учительница называла меня Илья Ильич. Я лентяй был большой. Посмотрите, расхожусь ли я с классиком:

Ты, может быть, и не Сократ.
Ты, может быть, ума палата.
А все ж с восхода по закат
Цени объятия халата.
Сюртук все делает дела,
А фрак все ищет развлеченияй.
Халат живет вдали от зла,

Юрий Ряшенцев и Юлий Ким

И не страшась разоблачений.
Мундир и груб, и нагловат.
Поддевка вас продаст и купит.
Один халат, один халат
Одеждам царским не уступит.
Ему и орден ни к чему.
Его карманы не для денег.
Но никогда не верь тому,
Кто говорит: халат – бездельник.
Халат – спаситель тех людей,
Кто до пустейших дел нелаком.
Он покровитель тех идей,
Какие и не снились фраккам.
Хотел бы только одного:
Прожить без почестей и злата,
Не задевая никого
Свободным рукавом халата.

Я хотел бы сказать, друзья мои, о перспективе. Лирические стихи, в общем-то, нужны вам и двум вашим товарищам. Действительно, путей существования в этом мире для стихотворца очень мало – это перевод или эстрадная песня, которую я, например, писать не умею и мне это совершенно не интересно.

Реплика из зала: Умеете!

Ю.Р. Нет. То, что написано для мюзиклов, сделано совершенно по другим законам. Так вот, театр и кино предоставляют некоторые возможности. Подумайте об этом, и возможно, кто-то из вас найдет в себе силы и способности этим заняться.

Е.И. Может быть, есть вопросы?

Евгений Абдуллаев: Вы работали с огромным количеством композиторов. С кем вам работалось легче всего, с кем – тяжелее?

Ю.Р. Есть одна особенность у композитора Тухманова – он не пишет музыки без стихов. Именно так была написана опера «Царица» о Екатерине Великой. Он ни запятой не изменил в моих текстах. Очень легко работается с Лешей Артемьевым (его настоящее имя Эдуард, но друзья зовут его Алексей). Это вообще святой человек, он совершенно лишен зависти. Тяжелее всего работать с теми, кто сам пишет стихи – с Рязановым, например, хоть он и не композитор. Он на каждую строку предлагает по десять вариантов – и все хуже, чем написано. А режиссер замечательный и работать с ним интересно. Вообще, ребята, талантливые люди – это счастье.

Из зала: Есть произведение из классики, с которым вам хотелось бы поработать?

Ю.Р. Больше всего мне хочется, чтобы осуществилось то, что уже написано – сказочный мюзикл «Цветы для робота», сказка по Лескову, совсем новый вариант «Мизантропа», который мы перевели с Галиной Полиди... Перечислять можно долго.

В заключение я хочу прочесть вам стихотворение, которое не имеет отношения к сегодняшней теме... Эти стихи я за что-то люблю. «Лужа».

Все снега февраля в этой мартовской сгнули луже.
Может, Ладога глубже немного, но все-таки уже.

Что за лужа!.. За ней чуть видна там, на месте сугроба,

Цепь огней: казино, пиццерия? Ну, словом, Европа.
Петербург, Нижний Новгород, Миргород – так ли уж важно?

Океанская рябь дышит вольно, загадочно, влажно...
Подгоняем неделю, эпоху – проклятое ралли.
Вся древлянская кровь устремилась к июню, к Ивану Купале.

Для чего, если в каждой эпохе и в каждом пейзаже
И все та же судьба, да и лужа вот эта все та же?

Бросьте, та, да не та. Я нагнулся – и что в отраженьи?

Старый хрыч, для которого новость – всегда поражение.

А ведь в прошлом году отраженьи мое мне явило
Человека, в котором была невеселая сила.

Над бескрайней водой снова Путь обозначился
Млечный.

Боль потери моей, неужели ты можешь быть вечной?

Все не вечно у нас, кроме нашего вечного гимна.

Я его не люблю, ибо знаю, что это взаимно.

Подготовила Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

«Русский клуб» от всей души поздравляет Юрия Евгеньевича с юбилеем и желает ему здоровья, благополучия и творческой радости!

ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ. СТИХОТВОРЕНИЯ

ВИД НА ТБИЛИСИ С ГОРЫ МТАЦМИНДА

Когда уже Мама-Давид
меня забыл в пыли дорожной,
то я не так смотрел на вид,
как слушал звук какой-то сложный.

Едва он снизу добегал,
я различал, клянусь ушами,
как пел гудок, шипел мангал,
лилось вино, плащи шуршали.

Не понимаю, почему,
но я в вечернем этом граде
почуял вдруг, как гость в доме,
что дом хорош не гостя ради.

Все в норме: грешники грешат,
творцы творят, враги враждуют,
герои подвиги вершат,
когда лентяи в ус не дуют.

Так отчего же дураком
стою – и вдоха не хватает,
и в горле то растает ком,
то будто снова вырастает?

Молчит Мтацминда. С этих плеч,
наверно, шепотом иль криком
я должен что-нибудь изречь,
покаяться в чем-нибудь великом.

Но ей со мной не повезло:
она гора и мне не ровня.
... Из города идет тепло,
как будто там, внизу, жаровня.

ОБЪЯСНЕНИЕ С ТИФЛИСОМ

Удержусь от слова, не от жеста,
дотянусь до свежего листа.
Ах, какое все-таки блаженство –
возвращаться в милые места!

На балконе иверском высоком
изучать без нужды и не впрок
дивный кавардак тифлиских окон –
их письмо, не знающее строк.

Вот проснусь от дружеского клика,
и опять – в огне Мама-Давид:
это тихо, розово и дико
дерево иудино горит.

А внизу со скрипом окаянным
мчат авто, и все – на свой манер!
И скворцом в скворешнике стеклянном
над толпой живет милиционер.

И, как встарь, на женские колени
с чурбачка взирает тяжело,
полон темперамента и лени,
замерший со щетками Ило.

Пластика юнцов, идущих мимо,
спор старушек – все это одна
гениальнейшая пантомима
в странной режиссуре болтуна.

И душой, являемой не сразу,
северной медлительной душой,
вдруг прижмусь я к тесному Кавказу,
к толкотне – неужто же чужой?

Посули мне сдержанность, удачу.
Но, слова от жестов оградив,
все равно ведь плачу, снова плачу
на хевсурский давешний мотив.

Так неожидан был и нов
акцент тбилисских воробьев.
В сомненье: что за птица? –
я наблюдал черты страны,
где лица женские скромны,
горды мужские лица.

Я направлялся по утрам
к углу, где Кошуэтский храм
с грузинкою-мадонной.
Во всем вокруг сквозила страсть:
не свет – а блеск, не цвет – а масть,
не тень – провал бездонный.

Но все смягчал хозяйский клан,
к полудню предлагавший план
поистине духовный.
Шел жаркий спор: когда – куда,
пока не гаркнет тамада
своей приговор верховный.

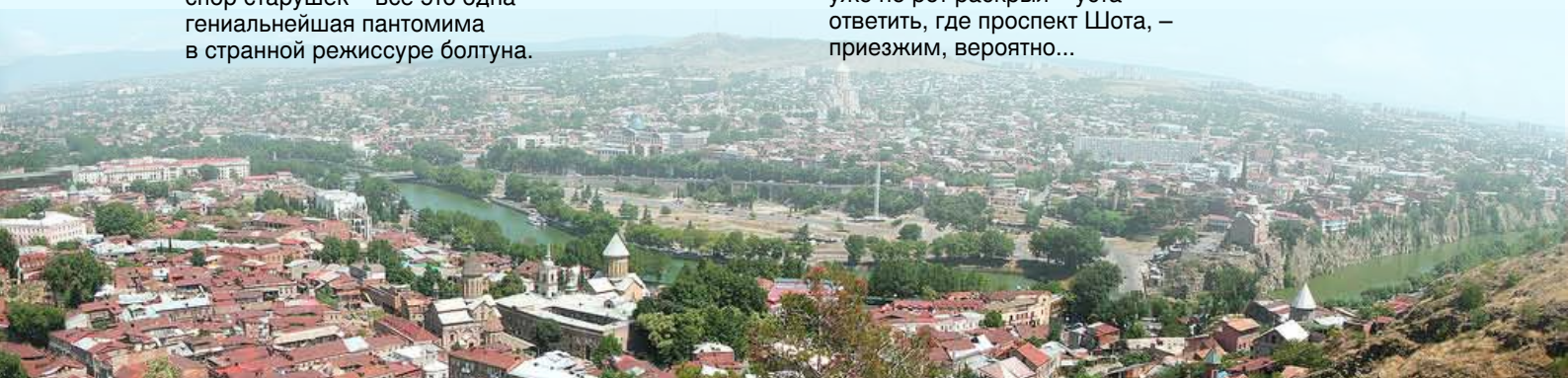
И каждый раз меня всего
кидало в дрожь от одного
незначущего факта:
ведь вот безделица, мура,
и знаю сам – забыть пора, –
да не выходит как-то.

Всяк тот, кто, следуя добру,
меня водил, как ко двору,
к высокой кисти, иль перу,
иль к их родне, тем паче, –
служил творцам, как верный Сид,
весь дух свой вкладывал в их быт,
но – Тициан, Ладос, Давид
их звал – и не иначе.

Какой-то в этом был ответ,
Живет без отчества поэт
(не всякий раз, но часто),
порой кому-то подчинен,
но никому на свете он
зато уж не начальство!

Творцам простят их старики.
Благодаря иль вопреки
отцу талант поэта –
ответьте, если не секрет:
что Афанасьичем был Фет –
уж так ли важно это?

А властный зов: «Идем к Ладос!» –
так всех нас возвышал зато,
что я, идя обратно,
уже не рот раскрыл – уста –
ответить, где проспект Шота, –
приедем, вероятно...

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН – ПОЭТ,
ПЕРЕВОДЧИК, ИЗДАТЕЛЬ. КАНДИДАТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК. ОСНОВАТЕЛЬ
СОЮЗА МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ
«ВАВИЛОН». ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА «АРГО-РИСК». ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР ЖУРНАЛА ПОЭЗИИ «ВОЗДУХ».
СОСТАВИТЕЛЬ АНТОЛОГИЙ ПОЭЗИИ.
ЛАУРЕАТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ.

ПО СВОЕМУ ВЫБОРУ

- Дмитрий, в вас чувствуется мягкость, доброжелательность и готовность к беседе. При этом я знаю, что вы – человек бесстрашный. А когда вы вышли на сцену, казалось, предполагали, что вас могут не принять или не понять...

- Я думаю, что мягкость человека во всем принципиальном должна быть прямо пропорциональна его твердости во всем существенном. И мудрость состоит в том, чтобы отличать существенное от несущественного. А бесстрашие – это не более как способ реализации. Принципиальное сейчас – это, как ни крути, поэтический фестиваль. Принципиальным для фестиваля является качество звучащей на нем поэзии. А все прочие обстоятельства, например, географический охват, благорасположенность участников друг к другу и многое другое – это вещи хорошие, но не главные. Меня всегда смущает, когда главное оказывается в подчиненном положении по отношению к не столь существенному. Давайте скажем прямо: уровень собравшихся здесь авторов довольно различен. Сколько бы мы ни делали вид, что этого нет, сколько бы мы друг другу мило ни улыбались, мы все это знаем. Когда мы, выходя на сцену, продолжаем улыбаться и делать, что этого нет, кого мы обманываем? Не себя. И не друга. А публику, слушателей. Зачем же нам обманывать слушателей? Хорошо ли это?

- Может быть, мы просто стараемся быть вежливыми?

- Вежливость – это свойство хорошее. Но подчиненное. Люди приходят слушать наши стихи с доверием. Они думают, что на такой авторитетной сцене в рамках такого авторитетного мероприятия – все всерьез. И действительно, среди участников фестиваля есть выдающиеся поэты и молодые авторы, подающие большие надежды по самому строгому счету. Мне кажется, что доверием слушателя нельзя злоупотреблять, надо стремиться к максимальной честности, даже если она кому-то и неприятна. Надо войти в положение слушателей, которые, может быть, не особо-то имеют, с кем сравнить. Если бы дело происходило в Москве или Нью-Йорке, было бы так: не нравится этот фестиваль – пойдите на другой, третий и так далее. А тут – что есть, то есть. Можно понять стремление организаторов показать разное. Но не надо делать вид, что разное – это одно и то же. Кроме того, не стоит представлять слушателю дело так, как будто в царстве поэзии – идеальное благополучие,

все друг другом довольны и все хорошо. Дело даже не в том, что это неправда. Это еще и по существу важно. Что за такая область деятельности, где абсолютно все всеми довольны? Живая ли это область деятельности?

Как раз то, что внутри профессионального цеха есть напряжение, набор противоречий, борьба взглядов, - это то, что нужно не скрывать, а показывать. А люди сами выберут. Или не выберут. Но главное – будут понимать, что поэты относятся к этому всерьез.

- К борьбе, которая происходит внутри поэтического дела, вы относитесь всерьез?

- Боюсь, что да.

- А как вам такая точка зрения – из дневника Блока – «если надо объяснять, то не надо объяснять»?

- Я думаю, что это неправильно. Если мы считаем, что есть что-то судьбоносное и сущностное в нашем занятии искусством, то возникает необходимость понять, что служит вечному предназначению искусства, а что не служит и только прикидывается. Чем серьезнее мы относимся к поэтическому слову, тем серьезнее вынуждены относиться к спорам о том, каким оно должно быть. В блоковской формуле опущено очень важное звено – объяснять кому? Если Блоку – то, может быть, и не надо объяснять. И то на практике бывает не так. Потому что дерево не только русской, но и мировой поэзии - разветвленное, и те, кто находится на разных ветвях, могут и не улавливать, что происходит у соседей.

- Аукаться приходится...

- Да. Хорошо, что Блок с первого слова понимает, что, зачем и почему, скажем, у Андрея Белого, при всех их сложных отношениях. А если у Хлебникова? Твердо ли Александр Александрович мог быть уверен, что у Хлебникова ему все понятно? Я сомневаюсь.

- А если Блок имел в виду не творчество? Например, ситуацию, связанную тоже с Андреем Белым, когда он со стороны наблюдал за его романом с Любовью Дмитриевной и не вмешивался, не объяснял?

- Это совсем не то, про что сказана фраза Блока. У него, я думаю, все-таки про стихи и про то, что поэзия некоторым образом должна быть понятной.

- Тогда, может быть, он писал о тех бестолковых читателях, которые его часто спрашивали «что вы имели в виду»?

- И такое может быть. Блоковская фраза амбивалентная. Но опять – кому «не надо объяснять»? Обычному читателю, который не подготовлен к уровню сложности, может быть, не грех и объяснить.

- Вы бы объяснили?

- Это вопрос доброй воли и внутренних установок человека, который связан не только с поэзией. Есть люди, стремящиеся непонятное понять. А есть те, которые

стремятся от непонятого отмахнуться.

- Какое у вас отношение к читателю-слушателю?

- Я думаю, что тому, кто действительно хочет понять, нужно объяснять настолько, насколько это возможно. Это наша драма, потому что в русской культуре механизм диалога с читателем совершенно не развит. У нас и литературные критики, исторически так сложилось, говорят не с читателями, а с авторами или друг с другом, что совершенно неправильно. Хороший критик – посредник между автором и читателем. Сама технология разговора с читателем о том, что ему, читателю, пока не понятно, у нас, к большому сожалению, очень слаба. Читателю дают намек, что он - высший судья, и ежели чего не понимает, так то и ерунда. Мы помним, из какого русского классического произведения пришел такой подход – из «Недоросля» Фонвизина. Все вздор, чего не знает Митрофанушка. В то время как настоящее искусство – то, которое заставляет к себе тянуться. Ты должен до него возрастать. Тогда оно срабатывает, и человек на выходе становится лучше, умнее...

- Свободнее.

- Конечно. Для этого и стоит затеваться. А то, что вы говорили об отношениях Блока и Белого – тоже очень интересная тема, хоть и имеющая к литературе не прямое, а косвенное отношение. Я думаю, что мы привыкли строить нашу частную жизнь в рамках готовых схем. Например, правильно – заключить брак и жить в нем определенным образом, устроиться на работу, завести свой дом, обустроить его... Я не говорю, что все это неправильно, это было бы заявлением по принципу «до основания мы разрушим».

- А затем?

- А затем, как правило, ничего и не бывает. Но каждый раз, когда мы сталкиваемся с прописями, мы должны отдавать себе отчет в том, что они не с неба упали, а сложились в ходе развития человеческого общества и культуры.

- Может быть, это не прописи, а нравственные категории?

- Что лежит в корне слова «нравственность»? Нрав, нравы, то есть – обычаи. Не более того. Возникают обычаи, которые потом закрепляются моральной нормой. Но жизнь-то идет. Обычаи меняются. И получается, что наша нравственная норма сформирована обычаями наших предков столетней или тысячелетней давности. Причем, нам кажется, что мы удерживаем эту нравственность незыблемой. Это отчасти иллюзия. 150 лет назад в России было отменено крепостное право. Много ли народу 200 лет назад считали крепостное право безнравственным? Лучшие умы, люди, в чьей высокой душе нет никаких сомнений, в целом считали, что это - в порядке вещей.

- Иметь крепостных, жить с крепостными девками и приживать от них детей...

- Да-да... И мы не можем предъявить им претензии. Мы живем позже на двести лет, но их не умнее ничуть. Мы, как Ньютон нам обещал, стоим на плечах гигантов. Это нас учит пониманию того, что мораль, произведенную от обычая, не надо фетишизировать. Она меняется. И мы должны каждый раз задаваться вопросом – делает ли эта мораль людей счастливее, их труд, творчество эффективнее? Главным вопросом является не «почему?», а «зачем?» А мораль – это всегда «почему?», апелляция к причине, которая может не называться или называться неверно – например, отсылкой к авторитету Евангелия.

- Вообще-то, это довод.

- Сильный довод. Но он влечет за собой ряд вопросов, потому что в Священном Писании много чего сказано, и далеко не все из сказанного мы сегодня вспоминаем. Непростая история. Одно дело – слова Иисуса в Нагорной проповеди, а другое – сказанное в книге

Дмитрий Кузьмин

Левит, что если кто наденет смешанную одежду, одновременно животного и растительного происхождения, тот грешник и его следует побить камнями. Ну кто сегодня всерьез об этом подумает? Поэтому надо ставить вопрос «зачем?»

- Вы ставите перед собой этот вопрос?

- Каждый раз.

- Легко отвечаете?

- Легко, потому что я отвечаю на него уже добрых 25 лет. Это вопрос, который волнует меня больше всего – зачем мы должны жить таким способом, а не каким-либо иным?

- «Мы» или «Я»?

- Прекрасный вопрос. Вероятно, есть какие-то нормы, которые человек принимает для себя и только для себя. Но если мы думаем о судьбоносных вещах и что-то открываем, то разве не является нашей обязанностью обнаруживать открытия? Если ты думаешь, что дошел до каких-то истин...

- Поделись?

- Конечно. Может быть, тебя оспорят, опровергнут, побьют камнями... Но ты - неотделимая часть человечества, а не просто отдельно взятый субъект, который никому ничего не должен. Да и как ты можешь быть никому не должен? Ты не с неба упал в готовом виде. Ты создан другими людьми. Это и папа с мамой, и школьный учитель, и Шекспир, и Гомер – тебя создали огромное количество людей. Следует отплатить. И если ты сам можешь что-то создать, до чего-то додуматься, то твоя прямая обязанность идти с этим к людям.

- Вам важен ответ или важно задать вопрос?

- Мне, конечно, важен ответ. Но я понимаю, что ответы могут быть разные. Я думаю, что мой – правильный, и готов дискутировать. Самое сложное и печальное – это люди, которые не готовы задавать вопрос. С ними и дискутировать невозможно. А если вопрос общий, а ответы расходятся – есть пространство для полемики.

- С каким чувством вы выходите к публике читать стихи?

- Так ведь люди-то людям рознь.

- Я понимаю. Но большой зал, многоголовая гидра, пойди разбери, кто там сидит. С каким настроением вы идете читать?

- Я понимаю, на что вы намекаете. Был старый стихок советского поэта Симонова «Я вышел на трибуну, в зал, Мне зал напоминал войну». Если публика своя, которая читала примерно то же, что и я, думает примерно о том же, о чем и я, то я выхожу поговорить о том, что нам одинаково важно и интересно. Другое дело – незнакомая публика, про которую ты предполагаешь, что это люди с другим бэкграундом. Задачей выхода к такой публике может быть создание дискомфорта. Дискомфорт – важное для меня слово, это стимул к развитию. Если тебе комфортно и ты доволен, то не нужно никуда двигаться. Это не то, для чего существует искусство. В частности бывает по-разному, но генеральная задача искусства – будить в людях потребность развиваться.

- То есть для этого они хотя бы должны начать нервничать?

- Они должны понять, что все не так просто и очевидно, что в происходящем есть нерв. В Батуми у каждого из нас, выступавших, было по пять минут, а значит, был один из двух способов выступить – или по шерсти, или против. 90 процентов выступавших гладили по шерсти, кроме двух-трех авторов, мною нежно любимых – Цветкова, Фанайловой, с которыми мы из одной оперы, хотя они поэты первого ряда, а я – второго с половиной. Задача этих авторов в том, чтобы растревожить. Разумеется, я мог выбрать что-нибудь невинное, лирическое, мило улынуться...

- Вы поступили иначе. Даже внешне...

- Если человек выходит так, как он выходит, значит,

он что-то имеет в виду. Внешнее есть проявление внутреннего. Человек не просто перышки распускает, а анализирует о чем-то. В этом сигнале апелляция скорее к младшему поколению, чем к старшему. Есть и отсылка к некоторым субкультурным особенностям, к «детям-цветам». Я никак не принадлежу к хиппи, их давно и нет, но сдвиг в системе понятий они произвели – это та самая молодежная революция 68-го года, вместо которой при Советском Союзе было вторжение в Чехословакию. Совсем необязательно, чтобы все, кто меня видит, это считывали. Но я стараюсь задать общий настрой отклонения от шаблона, начиная со своего внешнего вида.

- Вы не задаетесь пошлым вопросом – я понравился или не понравился?

- Нет, не задаюсь. В идеологии всего моего поведения, начиная с внешнего вида, - поляризация. Кому-то будет нравиться, а кому-то, конечно, наоборот. И это естественно.

- Вы выступили перед публикой в трех ипостасях – издатель, переводчик, поэт. Каковы ваши отношения с читателем в качестве, например, издателя? Такие же?

- Такие же. И это более важно. Я считаю себя вполне второстепенным поэтом, что неплохо, потому что синдроматика собственной гениальности – вещь болезненная и мало у кого подкрепленная реальными основаниями. Это опять история про дерево с ветками. В начале 20 века, и чем дальше, тем больше, единый ствол поэзии пошел во все стороны, и на каждой ветке есть свои ключевые фигуры. Человек сидит на дальней веточке и говорит: «Я великий». По отношению к кому? По отношению к трем с половиной веточкам. Поэтому сегодняшнему автору приличествует некоторая здоровая скромность. Я хорошо понимаю – то, чем я занят в поэзии, находится на уровне с несколькими сотнями других сегодняшних русских авторов. Это совсем не мало – входить в топ-500 великой национальной литературы. А вот издателей у нас не 500, а немерено, но что они там издают – бог им судья. А вот экспертов, которые систематически занимаются современной русской поэзией, – полтора человека. Поэтому моя работа как издателя гораздо более важная и существенная.

- И что же делает издатель? Летает вокруг литературного дерева, высматривая таланты?

- По-разному. Он может сказать – эта ветка моя, действовать сообразно этому. И в этом нет ничего плохого, если он свою ветку холит и лелеет.

- А вы как поступаете?

- Я стараюсь действовать иначе. Моя задача - отслеживать места, где появляется новый росток.

- То есть вы обращаете внимание на молодых авторов?

- Конечно. И это рискованно. Такого, чтобы я, так сказать, благословил как издатель молодого автора и потом пожалел, не было. Но было, к сожалению, не один раз: появляется молодой, яркий, талантливый автор, я выпускаю его первую книжку – и все.

- Стихи у него кончились?

- Кончились. И он начинает заниматься другими вещами. Ужасно досадно. После Артюра Рембо – это не новость. Так бывает. И все же, когда это происходит у тебя на глазах, очень обидно. Вообще, в издательской задаче есть свои сложности и противоречия. Например, хорошо, когда ты имеешь дело с молодым автором, у которого есть собственные идеи, глядишь, дальше будут развиваться. Хорошо, когда ты работаешь с 30-40-летним автором, который вышел к творческой зрелости. А если ты имеешь дело с живым классиком, 60-70-летним поэтом, который прекрасен, замечателен, но то, что он имел сказать, он уже сказал... Новые стихи не хуже старых, но...

- Но такие же...

- Да, и это проблема для издателя. Я все равно счи-

таю себя и вправе, и обязанным издавать такие книги. И некоторые замечательны. Хотя иногда другие видят то, чего не вижу я. Два месяца назад я выпустил новый сборник стихов Натальи Горбаневской. Я издаю ее книжки последние 15 лет. Считаю это для себя огромной честью, потому что когда мне было 15 лет, отец дал мне самиздатский сборник ее стихов, и они стали одним из самых сильных поэтических впечатлений моей юности. Она поразительный автор, к тому же очень открытый и внимательный в отношении к тому, что пишут люди, которые годятся ей в дети и внуки. Я напечатал ее книжку, а про себя подумал - сказать, что мы открыли новую страницу в русской поэзии, нет большой возможности. Но выходит рецензия хорошего, тонкого критика Валерия Шубинского, и он пишет прямо противоположное – мы стихи Горбаневской знаем и любим более 40 лет, и только с последней книгой поняли, к чему все шло.

- *И не ясно, кто из вас прав.*

- Конечно! И на этом уровне разговора любое разногласие – праздник.

- *Вы филолог. Это как-то отражается на вашей деятельности?*

- В большей степени - на издательской и критической. Хотя и на переводческой тоже, тем более дипломная работа у меня была по художественному переводу - по творческому наследию моей бабушки, известной русской переводчицы Норы Галь. Она перевела «Маленького принца», который и стал темой моей дипломной. Небольшой текст Экзюпери я разобрал построчно. Я понял на уровне материи, как это делается, и сам начал переводить только после этого. Я думаю, что хорошее филологическое образование поэту тоже помогает. Конечно, когда пишешь, ни о какой филологии не думаешь. Но она все равно внутри тебя сидит. Не в беспамятстве же ты пишешь!

- *Не в беспамятстве?*

- Момент измененного сознания присутствует, но твоя личность остается твоей личностью. И когда ты смотришь на то, что написал, лучше, если твой взгляд будет вооружен. Боязнь филологизма – искусственна. Она порождена советскими реалиями, когда литература была инструментом общей идеологической работы, а поэзия должна была быть понятной народу. А народ университетов не кончал, и всякий лишний признак образованности автора...

- *Больно умный, как говорится.*

- Именно. А ведь испокон веков было наоборот. Люди, которые что-то сочиняли, были и первыми аналитиками. Николая Буало свой трактат о том, каковы стихи должны быть, в стихах и написал. В идеале искусство писать и искусство читать должны идти рука об руку. Ведь искусство понимать – вещь не интуитивная.

- *Вы пишете критические статьи...*

- Да, но мало и недостаточно. Невозможно успеть все.

- *Вам трудно угодить?*

- Мне так не кажется. Но тут есть некоторые нюансы. Как мне отделить в себе издателя от читателя? Как у читателя, у меня есть очень небольшой круг авторов, которые особенно берут меня за душу не потому, что эти авторы лучше, а потому что с ними - большее совпадение. Когда происходит попадание в точку, до слез на глазах, когда понимаешь – это про меня...

- *Назвать этих авторов, не можете, конечно?*

- Конечно, не могу. Это очень личное дело, и я не могу из этого журнал составить. Почему другие люди должны читать журнал из стихов, от которых у какого-то Кузьмина мурашки по коже? Как издатель, я обязан быть шире, подходить со строгим критерием и, в том числе, отбирать стихи, к которым субъективно безразличен, но объективно понимаю, что это большая поэзия.

- *У вас растроение личности....*

- Так и есть. Но целостность и ценность личности – это одна история, а наше позиционное мышление – другая. Мы по-разному думаем и чувствуем, в зависимости от того, в какую позицию себя помещаем. В культуре мы должны отдавать себе в этом отчет. Когда мы откладываем собственное перо и начинаем читать чужие тексты, мы меняем позицию и должны переключиться. Когда замечательный поэт пишет ужасные критические статьи и грубо травит тех, кто на него не похож, значит, не переключился.

- *Вы упомянули вашу легендарную бабушку. Расскажите о родителях – им ведь надо сказать спасибо за ваш генетический код.*

- Я глубоко благодарен всем своим предкам. При том, что я больше верю в родство по выбору, чем в родство по крови. В целом для меня самое главное – собственный выбор. Все, что человек не выбирал, – не вполне настоящее. Поэтому я настороженно отношусь, например, к национальной принадлежности. Но лично в моей судьбе, конечно, вся моя родня сыграла огромную роль. Прежде всего - в общем умонастроении, что надо работать, а не ваньку валять.

- *Это бабушкина закваска?*

- Конечно. Ее муж, мой дед Борис Кузьмин был литературовед. Начинаящий. Он погиб на войне. Их дочь, моя мама Эдварда Кузьмина всю жизнь проработала редактором в издательстве «Книга». Она редактировала книги Лотмана, Эйдельмана... Она была и критиком, печаталась в «Знамени», «Новым мире», написала одну из самых первых статей о творчестве Шукшина в 60-е годы. Так что редакторский опыт возни со словом я наблюдал у себя дома с детства.

- *Таких родственников и выбрать можно.*

- Согласен. Отец мой – Владимир Легошин, извест-

ный архитектор, лауреат Государственной премии СССР. А вообще отцовская линия - музыкальная. Бабушка – пианистка, дед, также погибший на войне, был виолончелистом. И это тоже важный, внутренне напряженный для меня сюжет – литература и музыка, литература или музыка. У Роберта Фроста есть замечательное стихотворение «The road not taken» - «Невыбранная дорога». Путник выходит на поляну в лес, перед ним - две тропинки. Он выбирает одну из них. И потом все очень хорошо, но ему все время вспоминается невыбранная тропинка – а она-то к чему бы привела? Для меня это очень важное стихотворение. Что-то у меня получилось, что-то не получилось, но видит бог, я доволен – я занимаюсь своим делом. Но вторая-то тропинка? А если бы я был музыкантом?... Всегда остается невыбранный вариант, и как бы ты ни был уверен в том, что выбрал правильно, все равно – «один в уме», все могло быть иначе...

С Павлом Банниковым

С Б.Херсонским и А.Ровинским

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

СВЕЖИЙ ВЕТЕРОК ГАСТРОЛЕЙ БАКИНСКОГО РУССКОГО ТЕАТРА ИМ. САМЕДА ВУРГУНА ДОЛЕТЕЛ ДО ТБИЛИСИ. ПРАВДА, СПУСТЯ 30 ЛЕТ ПОСЛЕ ЕГО ПОСЛЕДНИХ ГАСТРОЛЕЙ В ГРУЗИНСКОЙ СТОЛИЦЕ. ПРОЧНЫЕ НИТИ, ИЗДАВНА СВЯЗЫВАВШИЕ ГРУЗИЮ И АЗЕРБАЙДЖАН, ПОСЛЕ РАЗВАЛА СОЮЗА НЕ СКОЛЬКО ОСЛАБЛИ, НО ТВОРЧЕСКАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТЯГА ОСТАЛАСЬ. ГАСТРОЛИ – ЭТО ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ, А ОН ДЛЯ ЛЮБОГО ТЕАТРА НЕОБХОДИМОСТЬ, БЕЗ КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНА ОБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА РАБОТЫ – НИ СВОЕЙ, НИ ЧУЖОЙ. О РУССКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ В БАКУ МЫ БЕСЕДУЕМ С ЕГО ГЛАВНЫМ РЕЖИССЕРОМ, НАРОДНЫМ АРТИСТОМ АЗЕРБАЙДЖАНА АЛЕКСАНДРОМ ШАРОВСКИМ.

Александр Шаровский

- Вы привезли спектакль «Хочу купить мужа» по пьесе Михаила Задорного, который уже ставили когда-то. Почему сейчас вы вновь обратились к нему?

- Обычно я не возвращаюсь к прежним постановкам. Но тут случай особый. Этот спектакль я поставил первый раз 16 лет назад. Музыка к нему написал мой друг, покойный Леонид Вайнштейн. Сын Вайнштейна, известный продюсер в Москве, хотел большими торжествами отметить 65-летие отца и предложил мне восстановить спектакль. Я сделал практически новый спектакль с другими исполнителями и с новой аранжировкой. Конечно, архаика второго действия сейчас несколько иначе воспринимается, а тогда это казалось нормально. Но в спектакле остался внутренний заряд нежности, тонкий сантимент с юмором, публике спектакль нравится.

- Из чего сегодня складывается репертуар русского театра?

- Как говорил известный футбольный тренер, надо найти паритет между защитой и нападением. Так как зрительский ареал не увеличивается, это не Москва и не Питер, поэтому надо делать спектакли на все социальные группы. Есть те, кому подавай современную

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

И.Апакидзе, А.Шаровский, А.Варсимашвили

После спектакля

Аплодисменты, аплодисменты

комедию с пошлятиной - съедят и не поперхнутся. Есть люди, которые этого абсолютно не приемлют – их интересует «Чайка», «Король Лир», «Федра». В этом году появилась «Мирандолина», хотя здесь я поозорничал в области формы, острого рисунка. Иначе я не могу, я очень плохо понимаю стоячий говорящий театр. Если говорить, что такое режиссура, то по Эйзенштейну, постановочная режиссура - это искусство амплификации, сверхпреувеличения. А по Маяковскому «театр - это не отображающее зеркало, а увеличительное стекло». Ситуацию на сцене надо доводить до огромного пузыря, и тогда что-то взорвется. Ни одна бытовая ситуация неадекватна сценической. Я всегда пытаюсь взорвать ситуацию. Режиссер, на которого я молюсь, Мейерхольд. Я изучал режиссуру по описанию его спектаклей.

- Это в принципе близко и грузинской театральной школе, где яркое внешнее выражает глубинное внутреннее. Но вернемся к репертуару. Сколько премьер появляется в сезон?

- В среднем пять-шесть.

- Как вам это удается? Государственное финанси-

вание позволяет?

- Если бы я задумывался о деньгах, театр бы остановился. Нет денег – значит, две тряпки на костюмы, есть деньги – будут шикарные тряпки. Театр держится на дотации. А кроме того, есть еще система госзаказов, когда 2-3 раза в год выдают достаточно крупные суммы на значительные постановки – «Братья Карамазовы», «Федра». В 2012 году будет отмечаться 200-летие со дня рождения Мирзы Фатали Ахундова – мы готовим большой мюзикл «Мусье Жордан ботаник и дервиш Маштали Шах, колдун». Музыка будет писать наш известный композитор Вагиф Герай-заде. Русские театры в постсоветском пространстве – это особая статья. Чтобы их сохранить, нужны усилия. Единственное, чем можно удержать популярность театра, это вечным движением. Получился спектакль – он долго идет, не получился – его быстро снимают. Сейчас наступают страшные времена – я боюсь, что вообще может уйти репертуарный театр.

- Да, и в России идет полемика о театральной реформе, а ведущие режиссеры и руководители театров уже громко говорят, что репертуарный театр надо спасать. Всем ясно, что даже самые кассовые театры без дотации не выживут. Но и без зрителя тоже. Публика. Какова она в Баку в прошлом и сейчас? Что изменилось?

- Прошлое Баку легендарное. Первый нефтяной бум конца XIX - начала XX века вытащил в Баку не только Нобелей, но и огромное количество высокообразованных интеллигентных людей из России – врачей, учителей, музыкантов. Появился оперный театр, консерватория, была создана школа классического фортепиано, был даже организован зоопарк. Этот период и сложил тот уникальный Баку, который, на мой взгляд, неистребим, невзирая на любые перемены. Потому что это был благотворный соус, где родились Ландау, Кара-Караев, Ростропович, Таир Салахов, Рихард Зорге... Мало того, специалисты приезжали туда на время, а оставались навсегда. Удивительно многонациональный город, впрочем, как и Тбилиси. Но со своим уклоном: русский язык стал языком межнационального общения, и элита говорила только на русском. Пьеса Максуда Ибрагимбекова «Нефтяной бум улыбается всем», которая идет у нас, как раз об этом времени. Если бы не было страшной Октябрьской революции, это была бы фантастическая картина – «картина маслом». Я думаю, востребованность русского театра идет оттуда, это генетически сидит, потому и сейчас наш театр остается самым популярным в Баку.

- Несмотря на времена всеобщего развала и «лихие 90-е»?

- В Азербайджан беда пришла раньше, в конце 80-х, после карабахского конфликта. А когда в январе 90-го года в Баку появились танки, люди вообще рванули из города. Страну покинула публика, знавшая и ценившая наш театр. Надо было завоевывать новую. Когда меня назначили главным режиссером, на спектаклях сидело человек двенадцать. Веселенькое было время. Но тщеславие победило. Приняв театр, я сделал вещи несусветные - стал заниматься детьми и молодежью, соединил функции ТЮЗа и молодежного театра. Ставил огромное количество сказок, пародии на мильные оперы – меня окрестили в Баку «королем капустников». А потом детки, сидевшие на спектаклях, потянули в театр родителей. Таким образом, за достаточно короткий срок, года за три, нам удалось вернуть в театр стабильных сто тысяч зрителей в год.

- И каков нынешний зритель вашего театра?

- Зритель всегда зритель. В какое время ты живешь, такой и зритель.

- Для молодежных, озорных, мобильных спектаклей нужны яркие молодые актеры. Как вам удалось сохранить актерскую школу и привлечь хореографов? В ваших постановках замечательно работает пластика.

- Это хореографы, которые работают у нас в театре. Я пытаюсь набирать артистов преимущественно с хореографическим образованием, потому что, как говорил Мейерхольд, труднее всего организовать жест. Когда я принял театр, была большая группа молодежи последнего выпуска института искусств, который тогда еще был очень сильным. За счет собственного пота и крови они стали отличными профессионалами, и лучшие стали потихоньку уезжать. Одним было трудно выживать, другим поступали хорошие предложения, в том числе из московских театров. Но на место уехавших уже подтягивалась другая молодежь, это студенты Бакинского института искусств и хореографического училища.

- В институте есть актерская группа на русском языке?

- Нет. Я и не прошу ее открывать. В театре есть постоянно действующая студия, которая финансируется министерством культуры. Я ее запускаю, если нужна молодежь. Артисты-педагоги обучают их - сценическая речь, пластика, сценический бой, вокал, наша завлит читает им лекции по теории театра. Я убежден, что актер может родиться только на сцене, вне театра его нельзя выучить. Поэтому обязательно их участие в массовках - пение, хореография, эпизоды. Глядишь, кого-то Бог отметил, и со временем появляются Треплев и дочери короля Лира. Актерское дело - это ремесло: текст, ритм, ушки, ножки, ручки. Что выживет, то и выживет. Мне кажется, обучение в театральных вузах даже отрывает их от театра. Хорошо, что сейчас тенденция меняется - театры стали приглашать талантливых студентов. А раньше и близко не подпускали, за это даже исключали из вузов.

- Перспектива появления образованной, элитарной театральной публики возможна? Повсюду катастрофический отток таковой - и в России, и в Грузии.

- Если спектакль получился, если там есть секунда катарсиса, элита приходит. И когда приезжают гастролеры с громкими именами, например, Лановой - элита тут как тут, ее снобизм мгновенно вылезает. Поэтому с элитой всегда трудно. Мы каждые три месяца приглаша-

ем театральные труппы из разных стран, нельзя, чтобы публика варилась в собственном соку. Эту идею поддерживает наш министр культуры Абульфас Гараев, и эти приглашения обеспечиваются материально. Кроме того, мы можем приглашать на постановки режиссеров, сценографов, художников по свету, по костюму из других стран. Это тоже поддерживается министерством. Например, я пригласил режиссера Валерия Беляковича, он поставил пьесу Рэя Куни «Слишком женатый таксист». Идут спектакли еще двух молодых режиссеров - Искандер Сакаев приехал по рекомендации министра культуры России и поставил «Сон в летнюю ночь». Недавний спектакль «Мирандолина» оформляла замечательный американский художник Ира Кружилина, давно уехавшая и получившая художественное образование в США. У нее особый взгляд на костюм, она для каждого персонажа постепенно прибавляет детали, и это работает на характер. Новые интересные люди в театре всегда освежают ситуацию, нам нельзя замыкаться на себе.

- Что привлекает зрителя в театр?

- Очень давно Павел Осипович Хомский, ставивший спектакль в бакинском ТЮЗе, где я тогда работал актером, рассказывал, что после смерти Сталина собрали высший художественный совет страны. Обсуждали вопрос - что делать - публика в театры не ходит, театры серые, неинтересные. Дошла очередь до Николая Павловича Акимова: «Знаете, я обожаю аквариумных рыб. Прихожу домой после работы, моя больная нервная система успокаивается, я смотрю, какие они разные, непохожие. Вот если их слить в чугунок, получится уха. Как ее сделать, я знаю, а как обратно - не знаю». Из этого я для себя сделал вывод, что театр - искусство площадное. Именно разноцветье - жанровое, исполнительское - оно и привлекает. И мы все время в поиске, придумываем, пробуем разные жанры.

- Судя по показанному спектаклю, актеры это принимают, даже молодые. При этом они умудряются оставаться органичными. Очень хотелось бы посмотреть «Федру» с Натальей Шаровской - она интересная актриса и, судя по ролям, разноплановая.

- Знаете, когда приезжают гости, я говорю, что жена главного режиссера, естественно, главная героиня в спектаклях, но добавляю: мне повезло, она хорошая актриса. Она была еще студенткой второго курса и играла Наташу в «На дне» Горького, а я играл Васю Пепла, и не давал ей возможности играть, она зажималась, нервничала. А последние 12 лет, что мы вместе, все буйно расцвело.

- И на репертуаре это сказывается, он у вас на редкость разнообразный.

- Мы стараемся. Из серьезной классики у нас ставили чеховскую «Чайку», «Братья Карамазовы» Достоевского, две пьесы Островского (одну - «Волки и овцы» - ставит Тимур Насиров из Санкт-Петербурга), идет «Федра» Расина, «Сон в летнюю ночь» и «Двенадцатая ночь» Шекспира. Есть также «Король Лир» с уникальным артистом, которому 85 лет, он работал в Александрии, снимался в фильме «На дальних берегах», но сейчас он временно не может играть, и спектакль пока законсервирован. В нашем репертуаре и современная зарубежная драматургия, и, конечно, азербайджанская: «Роллс-ройс Ее Величества» Максуда Ибрагимбекова, два спектакля Эльчина. Идут комедии Михаила Задорного, Олега Ернева. К сожалению, современной русской драматургии почти нет - все чернушное, а я это не

принимаю.

- Как вы думаете, театральное искусство умирает или есть надежда?

- Я надеюсь, что оно бессмертно. Только я боюсь заилья пройдох. Сейчас у кого есть деньги, тот может называть себя режиссером, делать шумные антрепризы, а это сильно бьет по нашему ремеслу, уровню профессионализма. Снижается планка мастерства, общая концепция театра. Когда-то в разговоре с Чабуа Амирзджиби на мой вопрос «Почему в Грузии хорошее кино?», он ответил: «Потому что мы на киностудии не пропускаем плохих сценариев». Так оно и было, и не имело значения имя автора, зависело все от качества. Тогда невозможно было «протолкнуть» бездарность.

- Интересна ваша биография. Ведь вы закончили иняз, а откуда возник театр?

- Да, по образованию я филолог, педагог. Но провел всего два урока в жизни и навсегда возненавидел это. Нет, я не педагог. А вот складывать, сочинять из текста живые картинки мне нравилось всегда. Все время хотелось играть.

- Этот импровизационный момент у вас очень чувствуется, и он легко передается актерам. И куда же вы пошли «играться» после иняз?

- История началась до иняз. Я из ортодоксальной еврейской семьи, и родители хотели видеть сына врачом. Но мне, малышке, нравилась девушка, которая работала в ТЮЗе концертмейстером, она, кстати, грузинка по отцу. Я в школе занимался в драмкружке и пришел в ТЮЗ, чтобы ее поразить. Явился к главному режиссеру и сказал, что хочу быть артистом. Был просмотр, я прочитал басню и стишок, и меня неожиданно взяли в театр. Я побежал к ней за кулисы с этим известием, она хлопнулась в обморок, а через несколько дней у нас была свадьба, родители даже не знали об этом. Мы прожили 13 лет, потом разошлись. Когда меня приняли в ТЮЗ, я там и остался, хотя отцу сказал, что я в театре на два дня. Поступил в иняз на вечерний, благополучно закончил, но театр остался навсегда.

- Как вы из актера превратились в режиссера?

- Сначала я превратился в первого артиста ТЮЗа, играл дон Гуана, а сыграв д'Артаньяна, проснулся знаменитым. Но меня не устраивали режиссеры, мне все время хотелось что-то поправить, придумать свое. Так и втянулся в режиссуру. Я мечтал работать в театре русской драмы. И когда там произошла смена руководства, меня туда взяли. Ставили спектакль «Святой и грешный» Варфоломеева, (режиссер Константин Адамов). Во время репетиции исполнитель главной роли Михаил Лезгишвили говорит режиссеру, показывая на меня: «Ты, Константин, посиди, подожди, а вот он знает, что делать». Котик оказался человеком объективным, когда спектакль был готов, он повел меня к директору и сказал: «Спектакль поставил он». У директора шары на лоб. Так в спектакле значились два режиссера-постановщика - Адамов и Шаровский. Меня сразу же тарифицировали и зачислили в режиссеры. Но при этом я продолжал много играть. А когда наступили лихие времена, министром культуры стал Полад Бюль-Бюль оглы, и он назначил меня главным режиссером. И вот уже почти 20 лет я остаюсь им.

- Что для вас особенно важно в режиссерской профессии?

- Для меня важна режиссерская заразительность, принятая актером. От чего заражается актер - от неожиданного приспособления. В принципе, это сочини-

тельство, фантазия, в какой-то момент надо подбросить актеру точную задачу, к примеру, «у тебя сейчас сильно болит желудок», и его поведение моментально меняется. И, конечно, важны детали постановочного решения, когда длинный прозрачный тюль в «Федре» становится то морем, то крыльями Федры. Режиссура – это не постановка текста. Важнее придумать что-то удивительное, необычное. В этом для меня весь кайф и нескончаемая радость. Сочинение спектакля – это поиски эквивалентов игры, сценическое хулиганство, когда создаешь, импровизируя. Вот большой монолог Федры – признание женщины, одержимой неуправляемой греховной страстью к своему пасынку. У нас в спектакле это еще и танец эксбиционизма, танец раздевания, открытого порока, бесстыдства – и монолог получился. Разумеется, для главного режиссера важен и результат, и он есть - сегодня наш театр самый посещаемый в городе.

- Но самое важное, что русскому театру уделяется большое внимание, поддержка со стороны государства.

- Да, благодаря Гейдару Алиеву театр выжил в страшные времена, когда казалось, что нашего театра вообще не будет. А сейчас линию бережного, внимательного отношения продолжает его сын, президент Ильхам Алиев. Ровно три года назад 26 мая он практически подарил нам новый театр. Он вручил мне орден Славы «Шохрат», а на открытии сказал: «Русский театр в Азербайджане навсегда».

- Вашему театру несказанно повезло. К сожалению, в наши дни этим могут похвастаться немногие русские театры постсоветских государств. Ваши нынешние гастроли в Тбилиси после стольких лет перерыва оказались не просто успешными, но и перспективными для дальнейшего общения двух русских театров – старейшего в Закавказье театра им. Грибоедова и Бакинского театра им. Самеда Вургуня.

- Да, директора наших театров Николай Свентицкий

Тбилисские зрители

и Адалет Гаджиев договорились о ежегодном обмене гастролями, намечены перспективы совместных проектов, творческих обменов. Теперь есть надежда, что театры будут связывать прочные творческие отношения. А человеческие связи между Грузией и Азербайджаном как были, так и останутся навсегда.

Беседу вела Вера ЦЕРЕТЕЛИ

ГАСТРОЛИ

БУДЕМ ДРУЖИТЬ ТЕАТРАМИ

В марте на сцене Азербайджанского государственного русского драматического театра им. Самеда Вургуну с успехом прошли гастроли грибоедовцев – театр из Тбилиси показал спектакль «Эмигранты» Славомира Мрожека в постановке Ираклия Апакидзе. Он же сыграл одну из ролей, а его партнером в дуэте стал Слава Натенадзе. «Пропитанный ядом иронии циник под именем «икс», которого играет сам режиссер, и его сосед по убогому жилищу («игрек») – в исполнении актера Славы Натенадзе - простодушный практик, считающий себя великим хитрецом, которому удается прятать на-

житые деньги в истрепанную мягкую игрушку. Предел его мечтаний - устроить жизнь по принятым стандартам достатка – построить большой красивый каменный дом, красиво одеваться и дразнить всем этим окружающих. В своей трактовке пьесы Славомира Мрожека, грузинский режиссер и актер Ираклий Апакидзе, не отступая от текста и диалогов авторитетного драматурга, возвышает уровень разногласий между персонажами до общечеловеческих проблем. Этим он находит отклик в среде современных зрителей, способных за житейскими, бытовыми подробностями видеть философский смысл того, что происходит с нами. Где-то конкретно, а в чем-то опосредованно один из героев его спектакля осуждает человечество за пороки, культивируемые в качестве ориентиров», писала бакинская пресса.

И вот – ответные гастроли. На открытии гостей приветствовал управляющий и художественный руководитель театра им. А. С. Грибоедова Автандил Варсимашвили. Зрителям сообщили, что директор театра, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий договорился с бакинскими коллегами о сотрудничестве между театрами на долгосрочной основе.

На сцене Тбилисского академического русского драматического театра им. А. С. Грибоедова (проект Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб») азербайджанские гости показали комедию «Хочу купить мужа» по пьесе Михаила Задорнова в постановке главного режиссера театра, народного артиста Азербайджана Александра Шаровского. По жанру это мюзикл (композитор Леонид Вайнштейн), столь любимый зрителями. Да и комедия положений, как правило, обеспечивает безусловный успех у публики. Тем более, если разыгрывается актерами, хорошо владеющими своей профессией, способными увлечь аудиторию. Замечательные артисты театра им.С.Вургуня увлекли.

Фабула, прямо скажем, водевильная. Елена (ведущая актриса театра Наталья Шаровская) собиралась отметить двадцатилетний юбилей совместной жизни с мужем: торт испекла, привела себя в порядок. Тут раздается звонок в дверь, и Лена вместо мужа Андрея Васильевича (его играет актер острого рисунка Фoad Османов) видит на пороге юную особу по имени Оксана (Мария Дубовицкая), которая хладнокровно, с непосредственностью молодости, сообщает, что она уже два года любовница ее мужа, и выражает намерение купить любимого, причем готова выложить за него кругленькую сумму в 200 тысяч долларов!

Публика, пришедшая на спектакль бакинцев, живо реагировала не только на хлесткие диалоги и афористичные высказывания героев на житейские темы типа «женщину только тогда можно считать умной, когда она позволяет мужу считать себя душой», но и на пантомимические и хореографические интермедии (их разыгрывают Хаджар Агаева и Мурад Мамедов), разбавляющие словесную игру. А также зонги на стихи А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой в достойном исполнении Н. Шаровской, М. Дубовицкой, Ф. Османова... Иногда диалоги соединяются с хореографическими элементами. Интересно решена сцена, в которой в танце одновременно выступают две пары – главные герои и артисты, занятые в интермедиях. В спектакле также использован видеоряд. Все эти моменты превращают спектакль в яркое представление. Отмечу также работу сценографа Арифа Абдурахманова и художника по костюмам Ольги Аббасовой.

После спектакля – несколько вопросов исполнителям главных ролей.

«ЖЕНЩИНА ПРАВИТ МИРОМ...»

Заслуженная артистка Азербайджана **Наталья Шаровская**:

- Честно говоря, Михаила Задорнова как сатирика я не очень люблю. Но пьесу он написал замечательную. Она не новая и, тем не менее, тема в ней затронута вечная. Что может быть актуальнее любви и любовного треугольника? Но, слава богу, у меня такой ситуации не было и, надеюсь, не будет.

- Вы могли бы проявлять себя так же хладнокровно, как ваша героиня?

- Разве Елена хладнокровно себя проявляет? Да, без истерик. Но мы этого и добивались. В жизни я более эмоциональный человек и никогда бы не простила измену, предательство. Как бы ни любила... Но, возможно, моя Елена и правильно поступила, простив мужа. В любом случае, актриса должна искать оправдание своей героине и в плохом, и в хорошем ее проявлении. Елена – человек во всех отношениях положительный, но это характер не мой! Хотя на преодолении всегда интересно работать. Мной тоже привнесено в этот образ нечто свое. Вся боль, которая существует во втором действии спектакля, - это, конечно, от моей природы! Мне вообще нравятся женские образы, которым свойственны яркие чувства. Люблю драматические, трагические роли. Уже год я играю в нашем театре Федру... Хотелось бы показать этот спектакль тбилисскому зрителю. Расин в переводе Брюсова – это просто величайшее произведение! И спектакль у нас получился... Мы показали нашу «Федру» на фестивале русских театров «Соотечественники» в Саранске, его смотрели московские критики. Вот в этом материале кипят настоящие страсти! Мне это очень близко – люблю страсти на разрыв аорты... Хотя и комедии люблю. Вот только что сыграла Мирандолину в спектакле по знаменитой пьесе Гольдони. Но опять же – женщина! И победа женщины над мужчиной... Женщина правит миром – в плане чувств, во всяком случае. И она может сделать с мужчиной все что угодно...

- Ваша творческая жизнь складывается удачно?

- Да... Есть, конечно, несыгранные роли, и, тем не менее, у меня неплохой послужной список – Гонерилья в «Короле Лире» Шекспира, Зоя Васильевна в

Бакинский театр им. Самеда Вургуня

спектакле «Красавец-мужчина» Островского, Аркадина в чеховской «Чайке»...

- Ваш супруг Александр Шаровский – главный режиссер театра. Вам это мешает или помогает?

- У нас негласное правило – дома мы не говорим о работе. Что касается театра, то с меня, конечно, спрос больше. И, конечно, на репетиции он заставляет меня работать больше других. У Александра замечательный глаз, он не только прекрасный режиссер, но и великолепный актер. У нас шел «Мнимый больной» Мольера, в котором он играл Аргана, а я – Туанетту. И я буквально купалась в своей роли, потому что такого партнера еще поискать! А партнерство на сцене – самое главное. Когда видишь живые глаза актера, это способствует творческому самоощущению, идет взаимный процесс... Что касается взаимоотношений актриса – режиссер, то и здесь все хорошо. Мы друг друга понимаем. Я актриса. И абсолютно вежда, потому что уверена в том, что Александр точно знает, что делает. Мне просто нужно сказать: сделай это! А режиссировать я никогда не стремлюсь.

- Каковы ваши впечатления от нынешних гастролей?

- Замечательные! Символично, что ровно тридцать лет назад я была со своим театром на гастролях в Тбилиси, играла на грибоедовской сцене. Я тогда училась на втором курсе института, но уже принимала участие в спектаклях нашего театра... Это были первые в моей

жизни гастроли – я играла Наташу в «На дне». Мы открывали и закрывали этим спектаклем наши гастроли.

«НУЖНО ВОСПИТЫВАТЬ ВКУС!»

Заслуженный артист Азербайджана **Фоад**

Османов:

- Как вы считаете, ваш герой стоит 200 тысяч долларов?

- Не важно, сколько стоит сам человек. Главное, сколько за него заплатят. Девушка, которая в него влюблена, решила, что мой герой стоит этих денег и готова отдать ему все. Хотя, возможно, он стоит не больше 100 долларов...

- Как вы относитесь к своему незадачливому Андрею?

- Я не берусь утверждать, что мой герой положительный, но он и не отрицательный. Человек как человек – он просто запутался в своих отношениях. Зрителю решать, каков он, а мне просто интересно играть эту роль. Мне вообще ближе комедийные, характерные образы.

- У кого учились?

- У народной артистки Азербайджана Шафиги Мамедовой... И сразу после института пришел в театр русской драмы имени Самеда Вургуня. Здесь я играю Эдгара в «Короле Лире», Терамена в «Федре», Мориса в яркой комедии «Мою жену зовут Морис», графа в «Хозяйке гостиницы», сэра Тоби в «Двенадцатой ночи». Так что у меня довольно насыщенный и разнообразный репертуар. Причем я играю маленькие, средние и большие роли – ни от чего не отказываюсь! Что касается спектакля «Хочу купить мужа», то он, конечно, не претендует на особую глубину. Но есть в нем и глубокие моменты, особенно во втором акте, когда герои осознают, что двадцать совместно прожитых лет – это срок. Понятно, что они уже не могут жить друг без друга.

- Никогда не мечтали о режиссуре?

- Пока нет. Во многих спектаклях я делаю постановку пластики, хореографии. По первой профессии я хореограф, окончил Бакинское хореографическое училище, был артистом ансамбля народного танца. Готовил себя к другой стезе, но в итоге стал драматическим актером. И дочь моя, окончившая хореографическое училище, сейчас завершает учебу в Московском театральном училище имени Б. Щукина. Младшая, которой всего девять лет, уже играет в пяти спектаклях Бакинского театра русской драмы... Гены!

- Какой театр нужен, на ваш взгляд, сегодняшнему зрителю?

- Идти за вкусами публики нельзя. Да, сегодня мы переживаем непростой для театра период и в какой-то степени идем на поводу у зрителей. Но мы стараемся и свое им диктовать: «Смотрите и это, и то, и другое! А не только то, что вы хотите». В противном случае, театр развалится. Чаще всего зритель предпочитает комедию или, во всяком случае, что-то легкое. Жизнь-то тяжелая – хочется прийти в театр и расслабиться. Но нужен и Достоевский, и Шекспир, и Островский...

- Словом, нужен баланс?

- Да. Есть в нашем репертуаре кассовые спектакли – французские или итальянские комедии. Они идут на аншлагах. Но параллельно мы ставим «Чайку», «Двенадцатую ночь», «Короля Лира». Стараемся играть и русскую, и зарубежную классику. Нужно воспитывать зрительский вкус.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Сцены из спектакля «Хочу купить мужа»

ПОМНИТЕ!

«Если завтра война, если враг нападет, если темная сила нагрянет...» 22 июня 1941 года, в 4 часа утра, эта страшная возможность, о которой пели наши отцы и старшие братья, стала реальностью.

В кабинет начальника Генштаба Георгия Константиновича Жукова звонили командующие округами – враг бомбил города Белоруссии, Украины, Каунас...

Как один человек, народ встал на священную защиту отечества. Война принесла неисчислимые бедствия, огромные людские потери, коснулась обжигающей болью каждой семьи.

Только из Грузии на фронт ушло 700 тысяч бойцов, более трехсот тысяч из них не вернулись домой.

Газета «Правда» в передовице 1942 года писала: «...Семнадцать братьев было в семье грузинского колхозника Абесадзе. Четырнадцать из них дерутся на фронтах Отечественной войны. Дома остались только несовершеннолетние, пехотинец Владимир Абесадзе и кавалерист Ладос защищают Ленинград, пограничник Ванос бьется на Западном фронте, зенитчик Василий служит на Черноморском флоте, Арчил, Тедо, Шахро и их семеро братьев воюют в горах, отстаивая свой родной Кавказ, свою любимую Грузию, свою советскую Родину».

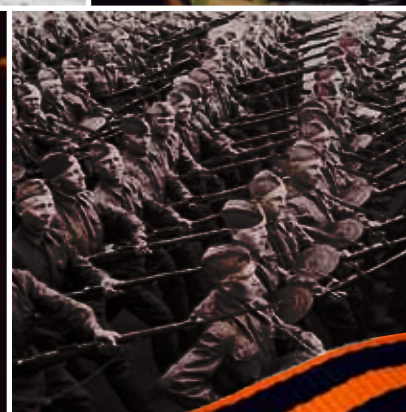
22 июня 2011 года, в 4 часа утра, ровно через 70 лет после начала Великой Отечественной войны, в День памяти и скорби, телерадиокомпания «Мир» позвала на акцию «Моя вахта памяти» жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Баку, Алматы, Душанбе, Еревана, Минска, Риги и многих других городов бывшего СССР – зажечь свечи и почтить память своих дедов и прадедов и сказать «Спасибо!» всем участникам ВОВ за сохранение мира на земле.

В Парке Победы собрались представители многих районов грузинской столицы, преимущественно молодые люди, к которым была обращена акция. У мемориала павшим воинам были зажжены свечи. В скорбном молчании стояли участники акции. Горели свечи, освещая лица молодых и ветеранов. Звучал «Реквием» Роберта Рождественского в исполнении известных российских артистов:

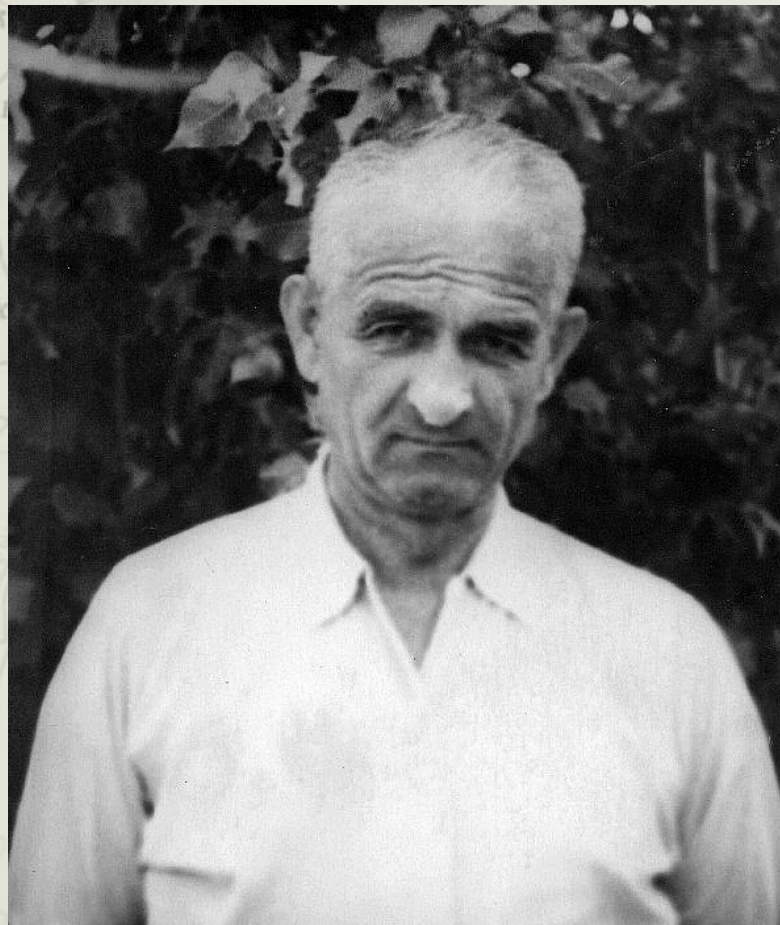
Помните!
 Через века,
 через года, -
 помните!
 О тех,
 кто уже не придет
 никогда, -
 помните!

Тбилисским участникам акции «Моя вахта памяти» были розданы экземпляры книги Арсена Еремяна «22 июня» - сборника художественно-документальных рассказов и очерков, выпущенной Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» (руководитель проекта – Николай Свентицкий, заслуженный деятель искусств РФ) при поддержке Благотворительного фонда «Карту» и ВТБ.

Соб.инф.

ПУТЬ ВОИНА

Георгий Джапаридзе

Жизнь учит нас тому, что абсолютной исторической правды не существует! История трактуется только в контексте сегодняшнего времени. За последние десятилетия мы не раз наблюдали как историческое «белое» становилось «черным» и наоборот. Даже значение Великой Отечественной войны неоднократно ставилось под сомнение. Однако независимо от трактовки событий из бурлящего раствора истории во все времена, как драгоценные камни, выкристаллизовывались ИМЕНА и далее существовали самостоятельно вне всякого контекста. Путь этих людей, их поступки формировали нравственность нескольких поколений, их моральные ценности в историческом временном масштабе.

Одно из таких имен – Георгий Джапаридзе. Человек, песню о котором, написанную Оскаром Фельцманом и Евгением Добронравовым, несколько десятилетий вместе с Иосифом Кобзоном и Людмилой Зыкиной пела вся страна. И слезы стояли на глазах!

Песня «Помнят люди» о реальных событиях из жизни рядового Георгия Джапаридзе брала самый высокий, самый пронзительный аккорд человеческой нравственности. В ней звучали мужество, бесстрашие, бесконечная вера в людей, умение помнить добро, истинная наднациональная дружба. Люди нескольких поколений слушали и понимали, почему их страна непобедима, а дети в безопасности.

Геолог Георгий Джапаридзе в первые дни войны стал рядовым 67-го кавалерийского полка 21-й дивизии. В любой войне много гротеска. В 1941 году кавалерийская дивизия была брошена на защиту Белоруссии против танковой армии Гудериана. Несмотря на от-

чаянную храбрость бойцов, в считанные дни кавалерия была смята танками, а оставшиеся в живых оказались в глубоком тылу у врага.

Война – есть провокация не только зла, но мужества и добра. Воинские подвиги многообразны и не бесспорны, поскольку всегда связаны с гибелью людей. Но только один – является проявлением высшей воинской доблести и имеет непреходящую ценность со времен легионов Древнего Рима, Наполеона и до наших дней – спасение с поля боя полковых регалий и боевого знамени, ибо утрата знамени во все времена считалась позором и вела к расформированию подразделения.

Спасти два боевых знамени полка и вынести их из вражеского тыла было поручено рядовому Джапаридзе. Обмотав тело полотнищами, переодевшись в крестьянскую одежду, воин грузин прошел 200 километров по дремучим белорусским лесам. В какой-то момент он оказался на краю захваченного фашистами села. Деревенские женщины, косившие траву, заметили измученного человека, вышедшего из леса. Одна из них обратилась к Георгию по-грузински. Оказалось, что она с мужем 13 лет работала в Боржоми и тепло вспоминала те годы. Женщина вызвалась накормить обессиленного бойца, и он пошел с ней в село, не подозревая, что провидение дает ему шанс. Уже через несколько часов в лесу Георгий нарвется на вражеский патруль и, рискуя быть расстрелянным на месте, под дулами автоматов приведет его к дому женщины, громко, чтобы та услышала, утверждая, что идет из соседней деревни к своей родной сестре. Открывает дверь, женщина только на секунду застынет на пороге,

а потом с плачем бросится ему на шею, обескуражив своей искренностью даже врагов. Бесконечная вера в людей спасла ему жизнь и стала сюжетом песни!

Поблагодарив женщину, Георгий снова уйдет в лес, даже не узнав ее имени. Выйдет из окружения и передаст знамена командованию армией. За что одним из первых с начала войны получит боевой орден Красной Звезды, а в последующие годы и другие ордена за оборону Сталинграда и форсирование Днепра. Доблестный путь воина! Уцелев на фронте, герой-победитель вернулся домой! Казалось, дальнейшая его жизнь должна была пройти в ореоле славы. Как много мы знаем ветеранов, в жизни которых самым ярким событием была война. Для Георгия Джапаридзе война - лишь прелюдия яркой жизни. В ней всего было много - и славы, и борьбы, и предательства и настоящей дружбы. Воин по рождению, он прожил всю жизнь напряженно, постоянно ощущая прикосновение знамени к телу.

В мирной жизни его жизненная позиция и поступки порой не очень нравились начальству. В бывшей советской стране легендарных героев предпочитали видеть мертвыми! Поскольку энергетика и напор живых героев пугали. Но он спокойно реагировал на злобных и мелочных чиновников: «Я видел столько величия человеческого духа, что не стану обращать внимание на плесень!»

Он защитил кандидатскую диссертацию и вскоре возглавил геологическую организацию, которая вела изыскания по всему Советскому Союзу. Активно участвовал в экспедициях в Закарпатье, на Северном Кавказе и в Средней Азии. Живописные фотографии из семейного альбома, на которых в горах Таджикистана двухметровый Георгий Джапаридзе возвышается над своими сотрудниками как горная вершина.

Наверное, людям рядом с ним было одновременно и очень надежно и очень непросто. Очень надежно потому, что любая человеческая помощь поступала мгновенно, как только в ней была необходимость. Никто лучше него не знал цену мгновениям! Очень непросто, потому что каждый как на войне должен был показывать свой максимум. Хорошие люди рядом с ним становились отважными.

Его бесконечная вера в людей, помнящих добро, в мирное время подвела. По ложному доносу и клевете проворовавшихся начальников партии, работавших в туркменской пустыне, Георгий Джапаридзе и несколько руководящих сотрудников были арестованы, осуждены судом Туркменской ССР и три года провели на зоне в Ашхабаде. Хорошо известное «дело грузинских геологов».

Пусть останется на совести Министерства юстиции Грузинской ССР тот факт, что, не разобравшись в обвинении, они сдали своих ведущих геологов и позволили осудить в другой республике.

Жизнь все ставит на свои места! Георгий Васильевич и его коллеги прошли достойно свой лагерный путь и пользовались на зоне большим уважением, поскольку еще до их прибытия, пришла молва, за что осудили людей и как достойно держались они на суде, приняв чужую вину. Освободившись из заключения, все они в дальнейшем стали известными специалистами и возглавили геологические службы крупнейших объектов. Чрезвычайно интересны и показательны фотографии Георгия Васильевича.

Вычеканенное лицо с глубокими складками на лбу

и на щеках. Жестко сжатые губы, орлиный профиль и спокойный пронизывающий взгляд. Костюм, белоснежная сорочка и галстук! Такого зэка никогда еще не видели! Думаю, что именно в лагере в нем созрел декан геологического факультета. Именно там пришло осознание, что недостаточно верить в людей, надо их сначала вырастить. И не отдельные личности, а целый современный пласт.

Так и случилось! По возвращении Георгий Джапаридзе возглавил геологический факультет Грузинского политехнического института и стал его легендарным деканом. В шестидесятых годах в Грузии начиналось строительство объектов-гигантов - каскада Ингури ГЭС с самой высокой в мире арочной плотиной, Жинвали ГЭС, первой очереди Тбилисского метрополитена, новых железнодорожных веток и многих других. Он был консультантом на каждом из объектов, под его руководством проводились геологические изыскания для обоснования проектов метрополитена. Студенты принимали в них участие. Декан считал необходимым, чтобы лучшие из них прошли практику у лучших геологов - его личных друзей, в том числе и по зоне. Все эти десятилетия на факультете царил удивительная атмосфера. Каждый студент с любой личной проблемой мог войти в кабинет декана, уверенный, что получит мгновенную поддержку. По всему институту ходили разговоры, что часто декан достает из кармана все свои деньги и отдает их нуждающемуся в помощи.

Георгий Джапаридзе умер очень рано от инфаркта. Почти мгновенно, и во дворе геологического факультета, в окружении студентов. Он до конца прошел свой путь воина, успев создать современный пласт - армию молодых людей, которых, помимо любви к профессии, он научил мужественно проходить через все испытания, подготовленные жизнью. Эти знания так пригоди-

Г.Джапаридзе с друзьями

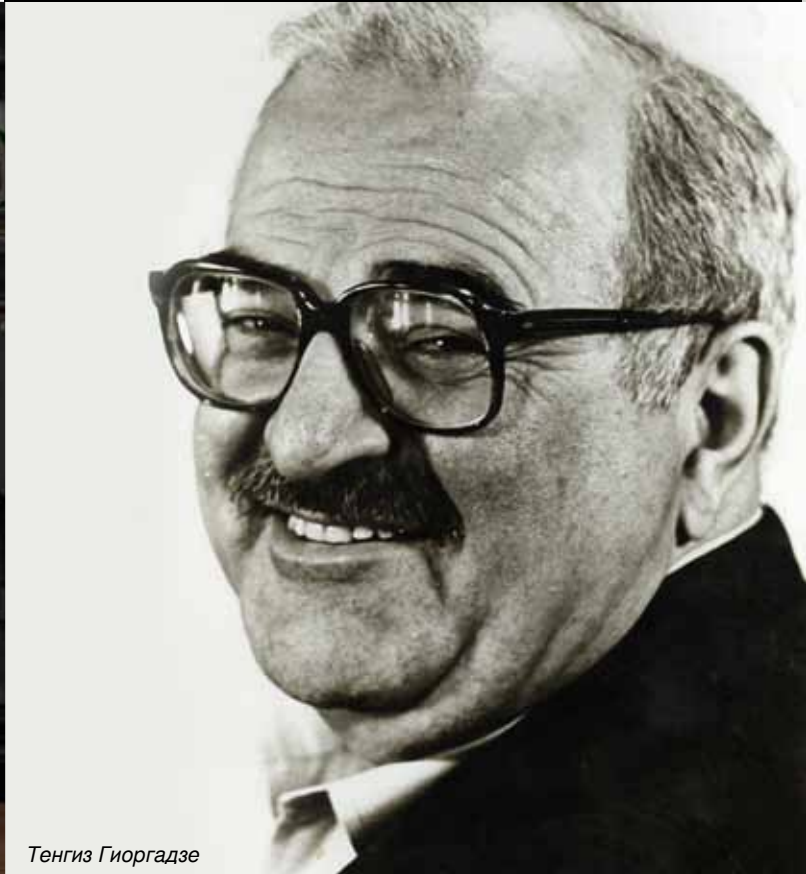
лись им в дальнейшем. В этом году Георгию Джапаридзе исполнилось бы 100 лет!

Интересно, как выглядит наш герой в глазах нового поколения. Поколения, давно убежавшего в Интернет-пространство, где нет границ, а войны и зло виртуальны. Спросите своих детей или внуков.

Для них и на их языке он «Воин света»!

ИРИНА МАСТИЦКАЯ

ЛЕТОПИСЕЦ В ШАХМАТНОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Тенгиз Гиоргадзе

Если справедливо предположение, что средством общения землян с внеземными цивилизациями будут шахматы, в наибольшем выигрыше окажется этот человек, которому исполнилось 86 лет. Уж кого, а Тенгиза Шалвовича Гиоргадзе, родившегося 1 апреля 1925 года, эта встреча не застанет врасплох – будет что рассказать. Всеми томами своих шахматных книг, а их 51.

Знаю его не один десяток лет, награжден дружбой с ним, а все не устаю удивляться многогранности его таланта, равного которому история еще не знала. Во всяком случае, в Грузии. Человек – оркестр!

И сколько рабочих часов вмещают его сутки, как он успевал писать книги, а их только по горячим следам матчей на первенство мира с участием Ноны Гаприндашвили и Майи Чибурданидзе написано и издано десять. А еще он 30 лет руководил шахматной специализацией в Академии спорта и физического воспитания, которая по его инициативе была открыта в 1977 году. Среди выпускников специализации шесть международных гроссмейстеров – Зураб Азмайпарашвили, Георгий Багатуров, Игорь Ефимов, Нато Эдзгверадзе, Давид Шенгелия, Давид Арутюнян. Тенгиз Шалвович ввел преподавание двух новых предметов – истории грузинских шахмат и судейства в шахматах. Его лекции способ-

ствовали подготовке тренеров с высшим шахматным образованием. Судил соревнования самого высокого уровня, включая Всемирные шахматные Олимпиады, почти четыре десятка лет заведовал отделом шахмат в редакции республиканской спортивной газеты «Лело», редактировал журналы и бюллетени, вел шахматные отделы в газетах. Чудеса, да и только!

Любители спорта постарше помнят его неоднократно защищавшим спортивную честь Грузии на Спартакиаде народов СССР (удержимся от вздоха по утерянно шахматному раю!), на турнирах и в международных

литературных памятников и счастливых находок, озвученных литератором и заслуженным журналистом, прослеживается логическая цепочка от светлейшего князя Андрея Дадияни, который прорубил окно в шахматную Европу, до пятикратной чемпионки мира Ноны Гаприндашвили, почетного президента НОК Грузии, названной на референдуме лучшей грузинской спортсменкой XX века.

Где как не в этом фундаментальном труде можно найти сведения о поединках под знаменитым ореховым деревом в Сагурамо Ильи Чавчавадзе и Нико Николадзе,

о месте шахмат в жизни Акакия Церетели, о редких минутах отдыха, отводимых шахматам Котэ Марджанишвили в санитарной «летучке» времен Первой мировой войны, и какому радостному событию в спортивной жизни посвятил Паоло Яшвили свой знаменитый экспромт «мастеру грузинских шахмат», о матче Андрея Дадияни и Вано Мачабели в Гейдельбергском университете, о «новинке» Галактиона Табидзе, которой его научил историк шахмат Михаил Вадбольский ...

И таких жемчужин из истории древнего искусства рассыпано на страницах книг великое множество.

Кто не захочет прослыть эрудитом. Такую счастливую возможность представляет читателям Тенгиз Гиоргадзе – узнать все, или почти все, о прошлом и настоящем шахмат Грузии, ее спортсменах, судьях, тренерах...

Через годы и расстояния прослеживается история соревнований – от первых чемпионатов Тифлиса, проводимых без шахматных часов, без регламента. В чемпионате 1925 года имела место легендарная история, связанная с победителем соревнования Вартаном Агамалюном. В партии с мастером Андреем Смородским этот преподаватель физики над каждым ходом думал более часа. За это время мастер успевал с женой сходить в кинотеатр и даже поужинать в ресторане. Партия продолжалась три дня. Наконец терпению мастера пришел конец, и в лучшей позиции он сдался.

А еще до традиционных Мемориалов Виктора Гоглидзе и Вахтанга Карселадзе, участие в которых считали за честь чемпионы и чемпионки мира. Во втором томе «Летописи...» представлено творчество шахматистов всех поколений, партии приводятся в международной нотации, принятой в «Шахматном информаторе», и, таким образом, доступные для изучения в большой шахматной семье всех стран и континентов. Третий том объединяет очерки, исследования и воспоминания Т.Гиоргадзе, заслуженного деятеля физической культуры и спорта Грузии, первым из спортивных журналистов, удостоенного Ордена Чести, лауреата премий Национального Олимпийского Комитета и Ассоциации спортивных журналистов Грузии.

«О Викторе Гоглидзе, первом грузинском мастере и первом заслуженном мастере спорта среди шахматистов (1941), – вспоминает Тенгиз Шалвович, – я узнал, когда обо мне, 9-летнем московском школьнике, стали говорить в кружке студенческого городка в Дорогомилове – наш Гоглидзе. Я попросил познакомить меня с этим Гоглидзе. Второй Московский международный турнир проводился в феврале-марте 1935 года в Музее изобразительных искусств им.А.С.Пушкина. Было очень много народу. Первым делом я нашел Гоглидзе. Правда, я не знал его в лицо, но прочел фамилию на та-

С Михаилом Ботвинником. Тбилиси. 1961

матчах.

Какие любопытные подробности истории, почерпнутые в архивных источниках, литературных памятниках, хранит его безошибочная память.

И невольно подумает, каких спортивных и творческих высот достиг бы этот национальный мастер, не уйдя он в спортивную прессу, в шахматную прессу.

Перо его все так же отточено и талантливо. Без этих обязательных условий, как сказала мне Нана Александрия, дважды вице-чемпионка мира и многократная олимпийская чемпионка, мы не имели бы истории шахмат в Грузии.

Среди книг Тенгиза Гиоргадзе, а среди них нет ни одной малоинтересной или скучной, – есть одна прелюбопытная: о выдающихся грузинских деятелях литературы, искусства, науки второй половины XIX – XX веков. И название ее – «Влюбленные в шахматы» – можно с полным основанием отнести к автору, пропагандисту и организатору шахмат.

Что задумал и осуществил Тенгиз Гиоргадзе?

Ни много ни мало написал и издал три тома «Летописи грузинских шахмат», начиная с седьмого века и завершая событиями новейшими. Никогда ранее эта проблема не знала своих исследователей и автор выступает, по существу, первопроходцем. От древнейших

бличке. Гоглидзе сидел за столом и обдумывал свой ход. Внешне он выглядел грузным, с большим чубом. Партия затянулась, мое «детское время» вышло, и мы покинули зал. Только через несколько лет узнаю, на каком историческом соревновании посчастливилось побывать. Гоглидзе держался уверенно и играл с полной отдачей сил. Это отмечали многие, в том числе Капабланка, с которым Виктор Арсеньевич сыграл вничью. Гоглидзе рассказывал об этой встрече: кто-то перед нашей партией выдал меня, сказав Капабланке, что он мой кумир. Я решил играть до последней пешки, но партия недолго продолжалась. Когда я отбил атаку, Капабланка предложил ничью. Он сказал журналистам: «Счастлива страна, у которой есть такой шахматист». Виктор Арсеньевич гордился своей дочерью Мариной Гоглидзе-Мдивани, лауреатом международных конкурсов пианистов. Когда я спросил Виктора Арсеньевича, от кого у нее музыкальный талант, он улыбнулся: «Ты что, не знаешь?» - «А что я должен знать?» - «В молодости я играл в духовом оркестре. Музыка с детства увлекала меня. Когда я переехал из Ташкента в Тбилиси, научился играть и записался в оркестр». Последняя наша встреча состоялась в мае 1964 года, за три месяца до кончины Виктора Арсеньевича. Марина вернулась из Америки, сказал он, когда мы присели на скамейку в парке имени Кирова. Вспомнили Московский международный турнир 1935 года, Ласкера, Веру Менчик, у которой он выиграл на 19-м ходу. Признался, что наша сегодняшняя беседа разбередила воспоминания. Наверно, настало время написать о них. Сейчас он неважно себя чувствовал, но как только поправится, непременно напишет. Это обещание, к сожалению, осталось невыполненным. О Викторе Гоглидзе я написал книгу».

Я затрудняюсь назвать другого шахматного журналиста, который бы так просто и по-дружески общался с патриархом шахмат. Михаил Моисеевич Ботвинник говорил нашему земляку: «Зови меня Михо!» Это право на кахетинскую транскрипцию имени шестого чемпиона мира было дано не только на время общения в устном журнале «Саморинэ» на Грузинском телевидении, который три десятка лет вел Тенгиз Гиоргадзе, выпускник философского факультета ТГУ.

«С Ботвинником мы познакомились в сентябре 1961 года, - рассказывает Гиоргадзе, - тогда он вместе с Сало Флором приехал в Тбилиси, вернув себе титул чемпиона мира в матче-реванше с Михаилом Талем. Из выступления гостей на телевидении запомнился один эпизод. Я вел интервью с обоими гроссмейстерами. Рассказывая о Флоре, отметил, что он «родился» (получил советский паспорт) в Тбилиси в 1942 году. После этого я спросил Флора, почему он не пишет воспоминания об Алехине, Капабланке, Ласкере и других корифеях, на что Флор остроумно отреагировал: «Какие воспоминания, вы только что сказали, что я родился в сорок втором». Я тогда не нашелся, что ответить. Выручил меня Ботвинник. Он сказал Флору: «Тенгиз имеет в виду ваши воспоминания, которые имеете до своего рождения!»

Дружба с Ботвинником продолжалась. Они переписывались (в личном архиве Т.Гиоргадзе имеется 28 писем Ботвинника). Осенью 1963 года, после проигрыша Ботвинника матча на первенство мира Петросяну, придя в номер гостиницы «Тбилиси» Ботвинника, я увидел его беседующим с Гиоргадзе. Оба потом выехали на отдых в Леселидзе, в пансионат «Спорт». Тогда Михаил Моисеевич много работал над своей компьютерной шахматной программой «Пионер». Однажды он сел в лодку и увез Гиоргадзе в море – уже и берега не было видно. «Я, естественно, поинтересовался, умеет ли он плавать. Он ответил: «Нет, я рассчитываю на вас». Узнав от меня, что и я не плаваю, поспешно развернул лодку к берегу. Встречались мы с Михаилом Моисееви-

чем и позже. Он еще раз приезжал в Тбилиси, высоко ценя дружбу с нашими шахматистами. С его обидчиком Петросяном, который, как известно, родился в Тбилиси в 1929 году, я познакомился зимой 1944 года. До этого впервые увидел во Дворце труда, на пятом чемпионате Грузии. Мы сразу подружились, несмотря на разницу в возрасте, я был на четыре года старше. Шла война, жили бедно, плохо питались. Тигран был одет в очень изношенное пальто, я – в телогрейку, которую мне выдали на Зестафонском ферросплавном заводе, где я какое-то время работал электромонтером. Мой отец после окончания московского института получил распределение в Зестафони и работал начальником цеха

Тигран Петросян и Нона Гаприндашвили. Фото Михаила Заргаряна

на том же заводе, что и я.

Друзья называли Тиграна Санчиком, я – по имени. Мы как-то легко переносили жизненные невзгоды, были молоды и у нас была большая любовь – шахматы. У меня было много книг, журналов и газет. И Тигран набросился на них, читал запоем. Уже тогда можно было угадать большое будущее юноши. На чемпионате Грузии в декабре сорок пятого нам объявили, что приз победителя – ордер на пальто. Тигран сразу же вышел в лидеры. Перед нашей встречей договорились играть по-боевому. И случилось так, что он не смог отразить мою атаку в защите Каро-Канн. Это была моя первая и единственная победа над будущим девятым чемпионом мира, хотя потом мы сыграли еще не одну партию.

На следующий день, как обычно, он пришел ко мне домой. «Тетя Нина, из-за Тенгиза я потерял пальто», - сказал он моей матери. Она удивленно посмотрела на меня, потом успокоила Тиграна: «Не переживай, следующую партию ты выиграешь. А теперь садитесь и подготовьтесь к главной встрече». Главной встречей была партия с мастером Николаем Сорокиным, в по-

следнем туре. Тигран выиграл партию, а с ней и звание чемпиона Грузии. Стал обладателем нового пальто. Только не подумайте, что я в те годы играл сильнее Тиграна, который за короткий срок титаническим трудом выдвинулся в число выдающихся шахматистов мира. Человек, о котором Михаил Таль сказал: «Петросян – совершенно феноменальное дарование. Подчас он находил за соперников идеи, которые им абсолютно не приходили в голову. Для меня он был совершенством. У Петросяна был просто фантастический стиль игры. Ему абсолютно невозможно подражать. На партиях Петросяна в шахматах можно научиться всему».

В сентябре-октябре 1962 года в Москве проходил матч на первенство мира между Елизаветой Быковой и Ноной Гаприндашвили. Тигран присутствовал на каждом игровом дне и, естественно, «болел» за Нону. Кстати, они вместе готовились в Подмоскowie. Нона к матчу с Быковой, Тигран – с Ботвинником. Здесь они подружились. Когда Нона выиграла матч, Петросян в тот же день – 17 октября – примчался в гостиницу «Москва», где жила наша спортивная делегация, поздравил землячку со званием чемпионки мира и первым попросил у нее автограф. Он написал для «Правды» статью о матче. И вот что сказал мне на просьбу поделиться впечатлениями о матче: «Победу Ноны можно оценить двойкой. Первое, с точки зрения женских шахмат, то, что чемпионке 21 год – это полная гарантия того, что развитие женских шахмат идет верным путем. Так и должно быть исторически. Молодые и талантливые должны нести тяжелую чемпионскую ношу. Что касается второго. Дело в том, что последнее время шахматы стали игрой молодых. Удивлен? Существует мнение, что шахматисты взрослеют к 30-ти годам, а чемпионства достигают позднее. Но пример Таля, Спасского, Фишера и Гаприндашвили в корне разрушает эту теорию».

Тигран, конечно, свободно владел грузинским языком. При встречах в Москве просил меня говорить по-грузински. «Не хочу забывать язык!» Однажды рассказал с улыбкой: «Летом 1954 года я в составе сборной Советского Союза приехал в Нью-Йорк для участия в товарищеском матче с американскими шахматистами. В аэропорту нам предложили заполнить личные анкеты. Был и такой вопрос: сколько языков знаете? Я написал: «Знаю русский, армянский, грузинский, английский и сербо-хорватский». На следующий день газеты написали: оказывается, Петросян полиглот».

Наша беседа с хозяином дома затягивалась, а я

ловил себя на мысли, что многое еще не вспомнили, оставили на потом. И я в который раз просматриваю фотоматериалы, смотрю на знакомые лица, которые навсегда останутся в летописи истории шахматы - в результате подвижнической жизни моего старшего друга.

И сколько самых неожиданных ипостасей составляет его портрет.

Летописец – в трехтомном труде «Летопись грузинских шахмат» ему удалось проследить за каждым шахом и матом.

Деятель – свыше полувека он выполнял обязанности члена президиума Федерации шахмат Грузии, а в 1972-1975 гг. входил в президиум Федерации шахмат СССР.

Шахматист – национальный мастер. Член сборной команды Грузии на протяжении многих лет, и только в возрасте 37 лет отошел от практической игры.

Тренер – работал преподавателем в шахматной секции Республиканского Дворца пионеров и школьников. В ходе турниров был консультантом известных шахматистов.

Судья – международный арбитр. Председатель судейской коллегии. Судил на трех Всемирных шахматных Олимпиадах и на всех значительных международных и республиканских соревнованиях в Грузии.

Преподаватель – с 1977 года возглавил шахматную специализацию в Академии физического воспитания и спорта Грузии, готовя кадры тренеров, автор «Азбуки

Нона Гаприндашвили - чемпионка мира! Москва. 1962

шахмат», выдержавшей четыре издания общим тиражом 100 тысяч экземпляров.

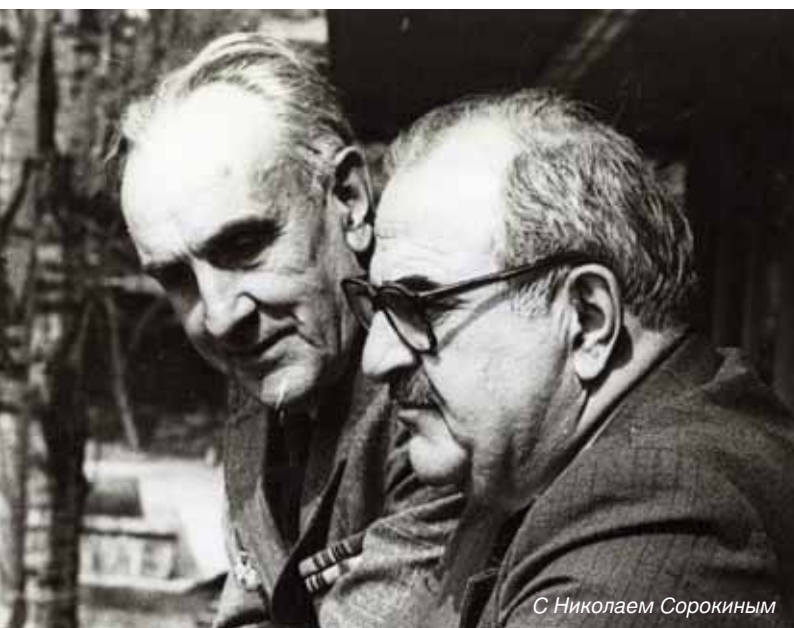
Ученый – 26 февраля 2004 года в Университете им. Сулхан-Саба Орбелиани защитил диссертацию на тему: «Методы изучения теории шахмат и история развития шахматной мысли» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Он профессор.

Вместе с супругой, Гугули Какитадзе, врачом-фтизиатром, создал замечательную семью. Примечательна надпись автора «Летописи...» ко второму тому: «Посвящаю светлой памяти моей супруги и друга Гугули Какитадзе. Ее большая поддержка способствовала написанию этой книги».

В большом родительском доме Тенгиза Шалвовича две дочери, два зятя, четыре внука и пять правнуков!

Пожелаем ему хорошего здоровья и радости общения с дорогими его сердцу людьми.

Арсен ЕРЕМЯН

С Николаем Сорокиным

В 2011 ГОДУ МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ «ТАРНОР МЕНЕДЖМЕНТ ЛИМИТЕД» ПРОФИНАНСИРОВАЛА ИЗДАНИЕ «ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ БЕСПОКОЙНОГО БОЛОТНОГО НАРОДЦА». В ПИСЬМЕ, АДРЕСОВАННОМ «РУССКОМУ КЛУБУ», ОТМЕЧЕНО: «ВЫСОКО ОЦЕНИВАЯ ЗАСЛУГИ И ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ ВАШИХ СОТРУДНИКОВ ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОДДЕРЖАНИЮ СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВАЖНЕЙШЕЙ ЧАСТИ МИРОВОГО НАСЛЕДИЯ, МЫ ВЗЯЛИ НА СЕБЯ СМЕЛОСТЬ НАПРАВИТЬ ВАМ ЭКЗЕМПЛЯР УКАЗАННОГО ИЗДАНИЯ ДЛЯ ПОПОЛНЕНИЯ ВАШЕЙ БИБЛИОТЕКИ...»

В
ГОСТЯХ

У СКАЗКИ

*Кому сказки для развлечения,
а иным для научения.
Хоть и не всякое поучение исполняется,
да хорошо хоть не забывается,
совесть отяжеляет
да задуматься заставляет.*

Философ Иван Ильин писал: «Не думайте, что сказка есть детская забава, несерьезное дело для умного человека: взрослый-де выдумывает, маленьким сказывает; а маленькие слушают и верят; верят, будто было то, чего не было, будто и вправду такое было, чего и быть не могло...»

В детстве ваша покорная слуга, автор этих строк, зачитывалась приключениями девочки-придумщицы Пеппи Длинныйчулок и так вошла в роль персонажа Астрид Линдгрэн, что сама стала на каждом шагу сочинять небылицы, в которые родные и окружающие взрослые мало верили.

Помните, как у Андрея Макаревича:
Наше общее детство прошло на одних букварях,
Оттого никому ничего объяснять и не надо...

Да-да, и на общих сказках. Нет их – нет детства. Удивительно, что сейчас проигрыватели и грампластинки с любимыми историями о бременских музыкантах, Голубом щенке, о приключениях Али-Бабы и сорока разбойников или кузнечика Кузи, ушли в небытие. Их сменили анимация в 3D формате и компьютерные игры.

Был такой ритуал – укладывать ребенка спать со сказкой на ночь... Почему был? В последнее время дети засыпают под «мультяшки» или в наушниках под веселые «бац-бац» звуки музыки...

А было время перед сном, когда мамы и папы, бабушки и дедушки дарили самые уютные часы малышам и именно эти часы остаются в памяти о счастливом детстве...

Мещерская сторона, воспетая Константином Паустовским, славится лесами, лугами, прозрачностью воздуха и ... непроходимыми болотами. «... Край этот обладает большой притягательной силой. Он очень скромнен – так же, как картины Левитана. Но в нем, как и в этих картинах, заключена вся прелесть и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы».

Именно из этого края к нам пришли эти удивительные истории, собранные Федором Кротовым в Мещерском краю Касимовского уезда Рязанской губернии.

Откуда есть пошла история о «болотном народце»? В первой же главе рассказывается, как образовалось болотное царство-государство: «Назовем мы наш град на болотных кочках Володеймир новейший, прочнейший и главнейший...» Как гласит сказание, «только в

болоте тьмы и нет, а вокруг мшары тьма кромешная...»

На страницах издания собраны истории о многих замечательных героях: царе Иване Горохе, об Игнатее-королевиче, Софье-царевне, скоморохе Всеславе, Федоте-стрельце, о сыне купеческом Герасиме-молодце. Читатель, взрослый и маленький, узнает о кузнеце Макаре и его сыновьях, которым отец должен передать заветные слова, а вот какие – это сказка расскажет.

Благодаря мифологу Александру Николаевичу Афанасьеву, выдающемуся собирателю русского фольклора, мы унаследовали «Русские заветные сказки». Почему они заветные? Свято хранимые, дорогие, секретные. А еще – завещанные.

В век 21-й, в эпоху Всемирной паутины собирательство сказок – это чудо чудесное. Поступок, заслуживающий уважения и восхищения.

Взрослые – большие дети. А потому родителям не будет скучно вместе с ребенком окунуться в мир «болотного народца», который так трепетно и честно доверили составителю сказительницы, четыре бабушки Варя, Груня, Уля и Стеша по фамилии Николаевы.

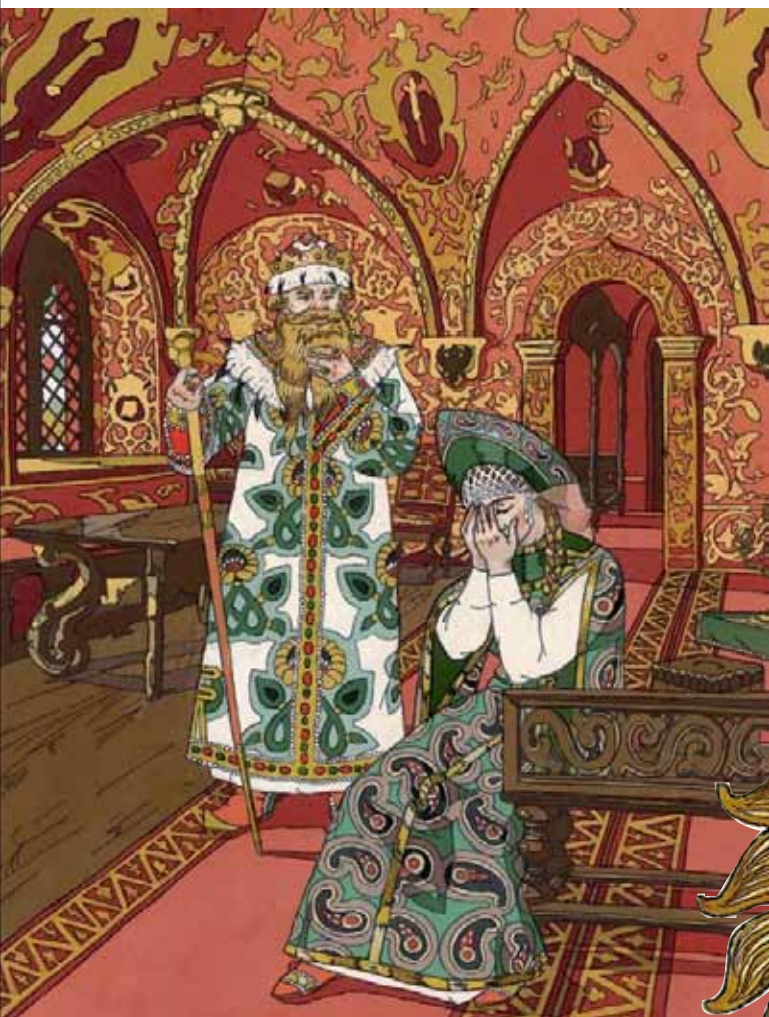
И, конечно же, нельзя не вспомнить деда Никиту, мещерского мужика. Он-то и стал первооткрывателем для Федора Кротова деревни Николаевки, откуда вся молодежь отправилась в город. Отгороженные болотами от суетного мира, оставшиеся жители Николаевки сохранили самобытность и богатство устной речи и культуры сказа. Представившись этнографом, Федор Кротов разговорился с дедом Никитой. И выяснилось, «такой человек им и нужен, так как бабки мрут, а с ними уходит и знание обычаев, трав и обрядов».

«Экспедиция оказалась для меня потрясением, открыв колонию русских людей, живущих рядом с цивилизацией и отдельно от нее, сохраняя язык, обычаи и предания пращуров».

Певучий язык повествования радует слух и хорошо ложится на память. Проиллюстрирована книга работами художницы Дианы Несыповой, они выдержаны в васнецовской и билибинской традиции.

В мире сказок свои правила, и ребенок, следуя им, словно попадает в стены театра – с переодеваниями, со сменой декораций и персонажами, роль которых может исполнить он сам... Главное – подключить фантазию. В народных сказках заключены вся мудрость и духовное богатство человечества, которые из века в век, из поколения в поколение несут добро и свет самым маленьким. Что бы представляло собой человечество без мифов, легенд, былей, сказаний, сказов и сказок? Сказка – это вымысел, иллюзия, но именно она прививает вечные ценности... Сказки для ребенка – путеводная звезда в мир взрослых.

Алена ДЕНЯГА

ДВА ДРУГА, ОДНА ЦЕЛЬ

Недавно я познакомился с двумя молодыми людьми. Они друзья и единомышленники. Сперва мне хочется сказать несколько слов об одном из них – Ираклии Тодуа. Ему тридцать пять лет. Он главный редактор газеты «Грузия и мир». Я немного знаю эту газету, ее основное направление. В ряде случаев она не уклоняется от критики власти, но при этом сохраняет определенную академичность, как заявил сам редактор, всячески избегает характерной лексики так называемой «желтой прессы» и старается представить читателю объективные картины происходящих в Грузии значительных процессов и явлений.

Мы вспомнили нашу общую беду, когда после развала Советского Союза больше всех пострадала Грузия. Отметим и то, что никто не понес ответственности за проигранные войны, за неоправданные жертвы, за инертность и безынициативность. Нельзя объяснять потерю пятой части нашей территории лишь агрессией внешних сил и не проанализировать собственные неосмотрительные шаги и досадные ошибки, порой и откровенную измену, что все вместе взятое, и привело нас к столь печальному результату. Ведь существует реальная опасность того, что суверенитет Грузии, завоеванный ценой долгой борьбы, превратится в фикцию, так как насущные проблемы страны, ее судьбу решают без нас другие, большие государства. Что удивительно, что при этом ущемляются и игнорируются наши интересы.

Несмотря на свой еще молодой возраст, Ираклий Тодуа накопил солидные знания и опыт. Такие люди, как он, постоянно стремятся к новому, не останавливаются на достигнутом. Как замечает выдающийся австрийский поэт Ингеборг Бахман, «если ты сам не приобрел новый опыт, с воздуха его не получишь. Чужим опытом пользоваться лишь тот, кто сам ничего не испытал». Эта истина применима в любой сфере человеческой деятельности.

Трудно не поверить в справедливость и логичность суждений редактора газеты, когда он говорит о наблевших и глобальных вопросах нашей жизни. Действительно тревожно, что со дня обретения Грузией независимости прошло вот уже двадцать лет, а в стране все еще не сформировалась тенденция формирования среднего класса, без которого не может существовать государство и не развивается культура (об этом свиде-

тельствует вся история человечества, начиная с античного периода).

Выразитель интересов нового буржуазного класса, великий английский писатель Даниель Дефо, который в молодости сам был коммерсантом и великолепно знал силу торгового капитала, в романе «Робинзон Крузо» писал о решающей роли среднего сословия и о тех благах, которые с ним связаны: «Среднее сословие – наиболее благоприятное для расцвета всех добродетелей, для всех радостей бытия; изобилие и мир – слуги его, ему сопутствуют и благословляют его умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность. Человек среднего сословия проходит свой жизненный путь тихо и гладко, не обременяя себя ни физическим, ни умственным непосильным трудом, не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, не мучаясь поисками выхода из запутанных положений, лишаящих тело сна, а душу покоя, не скупаемый завистью, не сгорающий тайне огнем честолюбия».

Не могут не привлечь внимания суждения Ираклия Тодуа о том, что в политике необходима гибкость, что не всегда следует радикально решать тот или иной вопрос, или раз и навсегда приклеивать какому-либо государству ярлык «извечный враг» или «преданный друг». Ведь со временем многое меняется, а утрата чувства реальности заводит в тупик. Поэтому чересчур жесткая политика, не допускающая никаких уступок неоправдана для любого государства и способна приносить лишь вред народу.

Мой собеседник особо подчеркнул, что ни одна партия не имеет права говорить от имени всего народа, так как партия лишь его часть и не может выражать всеобщие интересы и стремления.

На мой взгляд, бесспорна и та мысль Ираклия Тодуа, что разобщенность не принесет добра, сила в единстве всей нации (в сегодняшнем, политическом понимании этого слова) необходимо находить общее, объединяющее с людьми; каждый гражданин Грузии, независимо от национальности, должен чувствовать заботу со стороны власти, только так и будет заложено твердое основание для строительства государства.

Безусловно требуется большая занятость населения. Стране необходимы производства, создающие материальное благосостояние, мы не должны превращаться

в потребителей, уподобиться термитам, которые до последнего сгрызают огромные бревна. Страна, экономика которой почти всецело зависит от инвестиций, не в состоянии разрешить насущные проблемы населения. Мы не должны так часто слышать фразы: «на грани нищеты», «недостает прожиточного минимума» и им подобные. Именно поэтому мы должны неустанно трудиться и не бросаться ура-патриотическими лозунгами. Грузия не должна превратиться в транзитный коридор, место пролегания нефтепроводов, и население ее не должно стать обслуживающим персоналом. Мы должны вырасти в сильное государство, защищающее свою самобытность.

Говорили мы и о глобализации. По мысли Ираклия Тодуа, этот всемирный процесс нельзя игнорировать, однако нам необходимо сохранить свое лицо, европейцы – испанцы, французы, итальянцы, немцы и другие нации, несмотря ни на что, не утрачивают самобытности и именно потому они интересны, и тем более для таких немногочисленных наций как грузины насаждение субкультур является смертельно опасным.

Беседа коснулась и персоны Католикоса-Патриарха Всея Грузии Ильи II. Ираклий Тодуа сказал, что очень неприятно, когда патриархия подвергается нападкам людей сомнительной репутации. Нелишне вспомнить, какой моральный урон был нам нанесен за семьдесят лет гонений на церковь и религию вообще в период советской власти. Деятельность Ильи II направлена на возрождение и объединение всей Грузии и в этом ему необходима поддержка.

От Ираклия Тодуа я узнал, что его заместитель, известный журналист и общественный деятель Армаз Санеблидзе недавно встретил свое 75-летие. По этому поводу в февральском номере газеты «Грузия и мир» редакция тепло поздравила юбиляра. Я знаю Армаза Санеблидзе с юности, с университетских лет, и не помню случая, чтобы он отступил перед трудностью. Несмотря на высокие должности, которые он занимал, Армаз выезжал в Афганистан, Чернобыль, Спитак, Сухуми и передавал оттуда репортажи. О его благородстве и обостренном чувстве ответственности говорит его собственный ответ на вопрос: «Почему ты подвергаешь себя такому риску?» – «А что же я должен делать? – сказал он, – Поездка в Афганистан и Чернобыль представляет большую опасность, как я могу послать туда корреспондента?» В Чернобыле ему пришлось пробыть довольно долго и пребывания там оставило след на его здоровье – время от времени он проходит курс лечения.

Армаз Санеблидзе – один из тех заядлых читателей, которых сейчас, в компьютерно-интернетную эпоху, к сожалению, остается мало (помнится, мы с ним часами беседовали о гениальной прозе Андрея Платонова). Он человек поэтической натуры, и сам владеет пером. Несколько лет назад я опубликовал большую статью о его замечательной книге, написанной по следам путешествия в историческую провинцию Южной Грузии – Тао-Кларджети, находящуюся ныне в пределах Турции.

С какой теплотой говорил Ираклий Тодуа о своем единомышленнике и друге основателе и председателе общества «Историческое наследие» Тариэле Гагнидзе, совместная работа с которым оказалась столь плодотворной. За сравнительно короткий отрезок времени было издано десяти томное собрание исторических фактов и малоизвестных материалов – «Пора спасения», отображающих период, предшествующий Георгиевскому трактату и последующий. Исторические материалы

свидетельствуют о том тяжелейшем положении, которое сложилось в Грузии конца XVIII века, как разорена и обескровлена была страна и совершенно очевидно становится, что при всех существующих тогда реалиях единственным путем спасения от физического уничтожения был путь, избранный царем Ираклием II, – просить покровительства России. Правда, Россия впоследствии не однажды нарушала обязательства, определенные трактатом, однако главная цель была достигнута – в раздираемой войнами с турками, персами и набегами лезгин стране установился мир. Кроме того, через посредство России Грузия приобщилась к культуре и быту европейских стран, куда всегда устремлялись взоры лучших ее представителей, а это многое изменило к лучшему.

На следующий день после беседы с Ираклием Тодуа я встретился с Тариэлом Гагнидзе. Это оказался высокий, широкоплечий человек несколькими годами старше своего друга Ираклия, степенный и немногословный, как свойственно рачинцам.

Общество, основанное Тариэлом, начало функционировать с февраля 2009 года, и за это время уже сделало немало: выходит журнал «Историческое наследие» (редактор Темур Коридзе, ответственный секретарь Дареджан Андриадзе). Читатель уже получил 15 номеров этого журнала. В нем преобладают материалы исторического и литературного характера, отмечающиеся разнообразием тематики. Среди них встречаются и ранее опубликованные, но уже позабытые весьма примечательные статьи. Интересно то, что они и сегодня не утратили актуальность. Для наглядности полистаем второй номер 2011 года. На обложке – портрет грузинского царя Арчила, представителя Багратиони Мухранской ветви. Царь-поэт и воитель, которому не благоприятствовала судьба, Арчил II служил отчизне саблей и пером, был самоотвержен и смел, но победа была не на его стороне. В журнале мы находим его известное произведение, где он осуждает присущую грузинам амбициозность, которая так часто вредила общему делу: «Такая беда у грузинских вельмож: поднимутся, воскликнут – кто без меня тут поет!» В этом же номере помещен небольшой очерк о жизни и деятельности Арчила II, автор – Дея Сванидзе. Очерк содержит важные сведения о невезучем царе, который после потери трона поселился под Москвой, в селе Всесвятском, возглавил грузинскую колонию и создал мощный очаг грузинской культуры. Он познакомился с находившимся тогда в Москве бургомистром Амстердама и добился, чтобы амстердамский мастер Киш отлил грузинский типографский шрифт. Петр Великий дал согласие на печатание в Москве грузинской книги. В 1705 году вышло первое грузинское печатное издание – «Псалмы». Это был культурный факт большого значения.

Известно, что Арчил внес и утвердил в грузинскую литературу принцип «говорить правду». И это далеко не единственная его заслуга. Широко образованный поэт, он положил начало жанру исторической поэмы (его «Беседа Теймураза и Руставели»). Существует весьма обоснованное предположение, что знаменитый Донской монастырь, известный своими богатейшими реликвиями, по распоряжению Петра Великого был передан царю Арчилу. Позднее Арчил, скончавшийся в Москве в 1713 году, был похоронен в Донском монастыре, там же, рядом с ним, покоятся его дети. С тех пор в этой обители находится фамильный некрополь Багратиони.

Примечательно, что сотым архимандритом Донского

монастыря был приближенный к Багратиони духовный деятель, известный в России строитель церквей и монастырей Лаврентий Габашвили. Его мученическую жизнь изучил грузинский ученый Лали Дзоценидзе. Он же на основании неопровержимых документов установил и фамилию Лаврентия.

Большое место уделено в журнале столь ужасному явлению в Грузии как набеги лезгин, грабеж, угон людей и скота («Лезгинские набеги в Грузии»).

Родственной этой теме является «Шейх Мансур и османская авантюра на Кавказе». В этом произведении мы встречаемся с фигурой ловкого османского агента, харизматического шейха, проводника ислама на Кавказе. Всю Чечню и лезгинов поднимал он на борьбу против политического курса царя Ираклия II.

Особое внимание привлекает и фрагмент труда Бежана Гиоргадзе – «История трех грузинок». В нем живо, впечатляюще рассматривается книга анонимного автора, изданная в 1695 году в Париже. XVII век – это именно та страшная пора, когда из Грузии в мусульманские страны ежегодно вывозились на продажу тысячи красивейших грузинских юношей и девушек. Автор – француз с душераздирающим драматизмом повествует о похищенных из Грузии трех девочках необычайной красоты и об их трагической судьбе. По прошествии определенного времени, когда они повзрослеют, их поместят в гарем султана. Полагаю, что необходимо разыскать это произведение, перевести целиком на грузинский язык, снабдить соответствующим комментарием и издать книгой.

Глубиной, профессионализмом отличаются статьи «Из истории русско-грузинских отношений» Вахтанга Сидамонидзе, «Очаг грузинской культуры в Москве» Александра Барамидзе, «Э. Такаишвили – собиратель и хранитель грузинских древностей» Русудан Кавиладзе, «Христианская Картли в IV-V вв.» Тамилы Мгалоблишвили, «Кинцвисские фрески» Шалвы Амиранашвили и другие материалы.

Особо я должен сказать здесь о воспоминаниях замечательного ученого, обладавшего широчайшими знаниями, моего старшего друга и незабвенного учителя Акакия Гацерелия – «Встречи с Юрием Тыняновым». До напечатания он дал мне почитать эти воспоминания, которые меня восхитили. В одном из фрагментов А. Гацерелия показал, с каким почтением относился Ю. Тынянов к Руставели, как он хотел, чтобы перевод поэмы выполнил непревзойденный мастер высокого искусства поэтического перевода Михаил Лозинский. К сожалению, это его желание не осуществилось. Батони Акакий особенно любил представителя русской формалистической школы. Однажды он сообщил мне, что главнейшую работу Ю. Тынянова «Проблема стихотворного языка» виднейшие французские ученые признали «евангелием поэтики». Он рассказал мне, как вместе с Михаилом Джавахишвили и гостившим в ту пору в Тбилиси Юрием Тыняновым они беседовали в ресторане за дружеским столом и что высказанные тогда мысли Тынянова об историческом романе ему показались более правомерными и глубокими, хотя он и не сомневался в большом таланте Михаила Джавахишвили.

Весьма интересные и глубокие исследования эссеистского характера посвятил А. Гацерелия творчеству таких гигантов русской и мировой литературы как Лев Толстой и Федор Достоевский. Он переживал, что в ленинградскую блокаду погибла книга Бориса Эйхенбаума о Льве Толстом, итог его многолетнего труда. Акакий Гацерелия высоко ценил русскую литературу и культуру.

Часто в беседах с молодежью он говорил, что нам никак нельзя отрываться от богатейшей русской литературы и культуры.

В минувшем году, 2010-м, исполнилось 100 лет со дня рождения Акакия Гацерелия, и остается лишь сожалеть, что мы никак не почтили память этого замечательного ученого, литератора и воспитателя молодого поколения.

И наконец, я не могу не отметить еще одну публикацию в первом номере журнала за этот год под рубрикой «Культурные взаимоотношения». Это прекрасно переведенный и подготовленный Цисаной Квинтрадзе материал – письма большого русского поэта, почитателя грузинской поэзии, друга грузинских поэтов Николая Заболоцкого. Письма адресованы Симону Чиковани, Тициану Табидзе и Микеле Бажану. Известно, какая тесная дружба связывала его с Георгием Леонидзе, в семье которого он часто гостил.

Из писем явствует, как бережно и осторожно относился Н. Заболоцкий к каждому слову переводимого произведения, чтобы не допустить неточности или ошибки. Он тщательно работал над текстом, шлифовал его не только в процессе перевода, но и после опубликования не уставал вносить необходимые на его взгляд правки. Рядом с фотографией Заболоцкого напечатаны его слова: «Необходимо мне дышать воздухом Грузии, и почувствовать Руставели на его родине».

Грузинские поэты отвечали любовью на любовь своим русским коллегам. Недавно известный русский литератор Наталия Громова выпустила чрезвычайно интересную и нужную книгу «Узел». В ней собраны важные документы, материалы и неизвестные воспоминания. В частности, очень смелое письмо Симона Чиковани, отправленное им в Москву в 1937 году, в котором он защищал Бориса Пастернака от несправедливых нападок. Это был акт гражданского мужества, ведь Симон Чиковани прекрасно знал, что могло за этим последовать.

В том же номере журнала читатель найдет выдержку из речи одного из самых мудрых духовных пастырей Грузии – Католикоса-Патриарха, Святейшего и Блаженнейшего Ильи II. Слова его настолько значительны, что мне хочется повторить их здесь:

«Грузии нужна сильная Россия, так же как и России нужна единая и сильная Грузия. Думаю, что с помощью Божией мы достигнем этого.

...Мы братья, мы друзья, мы единовольцы, мы должны быть ближе друг к другу!».

Чем скорее постигнут правители истину этого мудрого высказывания, тем больше пользы будет для наших народов.

P.S. Писатель не может не задумываться о профессии журналиста, столь сложной, важной и почетной. В наш век, правда, не наблюдается недостатка журналов и газет, но уровень многих изданий оставляет желать лучшего. К сожалению, вес желтой прессы, которая зачастую становится источником дезинформации и дезориентации читателя значителен. Во многих случаях полюбленные понятия о морали позволяют иным журналистам пользоваться эпатажем, дешевыми сенсациями, не знающей границ дерзостью, что в общем привлекает внимание и способствует распространению тиража. Тут уместно вспомнить, что цель не всегда оправдывает средства.

Для творчества выдающихся писателей недавнего прошлого характерно было органическое единство бел-

летристики и журналистики. Художественное творчество и журналистская деятельность были как бы двумя сторонами единого творческого процесса. Примеров тому множество. Такие великие представители мировой литературы, как Марк Твен, Эдгар По никогда не порывали связи с журналистикой. Эрнест Хемингуэй сначала был газетным репортером, и именно в этот период он обрел свою неповторимую лапидарную манеру и стиль письма, благодаря чему завоевал всемирное признание.

Приблизительно такой же путь прошел его современник, не менее великий Уильям Фолкнер, к этой же плеяде принадлежит блестящий прозаик, автор эпохального романа «Гроздь гнева» Джон Стейнбек, до конца своей жизни не порывавший с журналистикой, что усиливало его интерес к сложной, полной внутренних противоречий и драматизма жизни.

Каждодневную деятельность журналиста хорошо знал гениальный англичанин Чарльз Диккенс. Именно журналистская практика давала ему богатейший материал, который служил основой его бессмертных романов. Вспомним также публицистику Бернарда Шоу, журнальные статьи и эссе Гилберта Кит Честертона. Из английских писателей нового времени в совершенстве владел профессией журналиста Джон Фаулз. Гармонично сочетали художественное творчество и деятельность журналиста французские мэтры пера – Шарль-Сент Бев, Гюстав Флобер, Андрэ Жид, Андрэ Моруа, Франсуа Мориак, Альбер Камю и другие романисты.

В России журналистика всегда считалась престижной профессией. Она была одной из главных форм проявления таланта писателя. Огромно значение журналистского наследия «солнца русской поэзии» Александра Пушкина. Он одновременно утвердил и документальную прозу, ареал которой так расширился в последующие столетия. Особо следует отметить заслуги Некрасова, Аксакова, Толстого и других русских художников слова. Не случайно, что два гиганта мировой литературы Лев Толстой и Федор Достоевский столько творческой энергии и времени отдавали журналистике. Журнальные публикации выдающегося русского мыслителя, обладавшего несравненным стилем, Василия Розанова составили десятки томов. Свое весьма значительное слово в истории журналистики сказали талантливейшие представители русской эмиграции – Иван Бунин, Владимир Набоков, Владимир Ходасевич, Георгий Адамович и другие.

Писателей советского периода Максима Горького, Алексея Толстого, Виктора Шкловского, Ильи Эренбурга, Андрея Платонова, Константина Симонова, Бориса Полевого невозможно представить вне журналистики.

Особенно значительна была роль журналистики в Грузии. XIX век в Грузии отмечен появлением таких мастеров художественного слова, как Илья Чавчавадзе, чей талант проявился не только в художественном творчестве, но и в публицистике, отразившей его философское мышление. То же можно сказать и об Акакии Церетели, чья многолетняя журналистская деятельность все еще не оценена по достоинству. Публицистические статьи Якова Гогешвили и Важа Пшавела могут украсить литературу любой страны. Можно (и должно!) назвать и безвременно погибшего Арчила Джорджадзе, автора прекрасных работ.

Большое место в истории грузинской журналистики занимает значительная фигура современника Александра Герцена Нико Николадзе. Журнальные и газет-

ные статьи одного из выдающихся прозаиков Михаила Джавахишвили, написанные на самые злободневные вопросы, составили большой том. Примечательно, что гордость грузинской поэзии Георгий Леонидзе с 12 лет активно сотрудничал в газетах того времени, публиковал корреспонденции, рецензии на литературные произведения и театральные постановки, статьи о культурном

прошлом и т.п. В 23 года он редактировал газету «Бахтриони». Журналистскую деятельность не прерывал до конца своих дней.

Вспоминается мне мое пребывание в Италии, в Турине, на международной книжной выставке, куда я был приглашен вместе с несколькими нашими писателями. Нам оказали необыкновенно теплый прием известный итальянский картвелолог, профессор Венецианского университета Луиджи Магаротто и замечательный ученый, писатель и политолог, живущий в Риме наш соотечественник Гага Шургая. Большое внимание уделяла нам также одна из организаторов этой традиционной ярмарки, очаровательная Летиция Тортелло. Мы приняли участие в прямых теле- и радиопередачах. Огромная территория выставки была разделена на 12 павильонов, где располагалось бесчисленное количество книг, изданных тысячами издательств.

На меня оказала неотразимое впечатление прямая телепередача, которую вел энергичный, темпераментный человек лет 50-ти. Он беседовал с лауреатом Нобелевской премии, очень своеобразным комедиографом Дарио Фос, который охотно и живо отвечал на вопросы журналиста. Посетители выставки выражали свою реакцию непосредственно и свободно. Слышались смех, аплодисменты. В речи ведущего проглядывали его образованность, начитанность, присущее итальянцам остроумие, искусство ведения диалога. По окончании передачи я подошел к ведущему и заговорил с ним, сказал, что восхищен его профессионализмом. Он открыто, радостно улыбнулся и поблагодарил меня. Похвала иностранного гостя была ему приятна.

Когда я вспоминаю этот случай, думаю, что хорошо было бы и нам иметь таких высокопрофессиональных, всесторонне образованных журналистов. Потому что каждодневная их деятельность оказывает большое влияние на культуру, литературу, искусство, спорт, - почти на каждую сферу нашей жизни.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевела Камилла-Мариам Коринтэли

ПУСТЬ ПАЦИЕНТЫ НЕ ВОЛНУЮТСЯ

Давид Зурабшвили

Беседа с доктором медицинских наук, профессором Давидом Зурабшвили

ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

- Начинать беседу с уважаемым профессором с обсуждения слухов о закрытии психиатрической больницы, наверное, не лучший способ поиска истины. Но дело в том, что людей это, несомненно, волнует. Имеется ли у них повод волноваться?

- Действительно, больница, где мы с вами сейчас находимся, в скором времени будет закрыта. Правильнее будет сказать – не больница, а само здание. Но у многих эти два понятия – больница и его здание – синонимы. Отсюда, вероятно и слухи, которые послужили причиной страха, смутнения не только у больных, но и у их родственников, и знакомых. Больница покидает здание, которое верой и правдой служило медицинской науке много лет, и переезжает на новое место.

Вы, - обратился Давид, к нам, - никогда не были в нашей больнице? (Задав этот вопрос, и поняв его двусмысленность, Давид рассмеялся) - Вам, можно сказать повезло, ведь здание и физически, и морально давно устарело: до 40 процентов палаты, места общего пользования, расположенные в коридоре, теснота вспомогательных помещений. Отсюда трудности с размещением и эксплуатацией оборудования и т.д. Это, назовем так, внешняя сторона медицинского сервиса. И она, конечно, отрицательно влияла на процесс лечения. Я бы выделил еще один фактор, снижавший в течение долгого времени эффективность процесса – это контингент больных, поступающих в больницу. Он был очень широк – от больных с самой тяжелой формой психических заболеваний, требующих длительных сроков лечения, до больных, чей срок пребывания мог измеряться, если не часами, то 1-2 днями. А происходило это по одной причине: больных в больницу везли

со всей страны. Много лет назад существовала кем-то разработанная «теория». Основывалась она на одном положении. Так как число больных психическими заболеваниями по сравнению с другими невелико, лучше всего собрать их в одном месте. Такая централизованная форма организации лечения считалась прогрессивной и современной. Вот и везли отовсюду бедных больных на поездах, машинах или лошадях, вместо того, чтобы оказывать помощь на местах. Все эти факторы и послужили основанием принять постановление, направленное на совершенствование медицинской помощи больным, организации профилактических мероприятий. Я не знаю, насколько мои слова успокоили больных, но могу смело утверждать: пациентам волноваться не следует, больница остается. Но какой она станет, я с удовольствием расскажу.

ОЖИДАНИЕ

- Вы на примере центральной психиатрической больницы Грузии обрисовали современное состояние психиатрии в стране. Картина не очень оптимистична. Какие положительные сдвиги произошли в этой сфере после правительственных решений?

- Я бы свой ответ разделил бы на три части: что уже сделано, что делается и что в планах на будущее. На сегодня практически во всех многопрофильных больницах страны созданы психиатрические отделения. Тем самым решен вопрос оказания помощи больным на местах. Чтобы эти отделения заработали, нам пришлось решить много задач. На правительственном уровне было принято беспрецедентное решение, согласно которому медицинский персонал психиатрических отделений многопрофильных больниц должен был пройти теоретическую и практическую подготовку и сдать экзамены. Эта процедура не носила формального характера. К экзаменуемым предъявлялись самые высокие требования, и далеко не все смогли

выдержать это испытание. Но те, кто сдал экзамены, становились ведущими специалистами отделений психиатрии на местах. Очень важно отметить, что уровень подготовки этих специалистов ориентировался на оказание лечебной помощи больным любого уровня заболевания. Завершается строительство нового здания Центральной больницы. Это будет 6-этажное здание современной архитектуры, удобное, светлое, свободное. В каждом реализуемом архитекторами и строителями элементе здания чувствуется забота о будущих пациентах. К их услугам 1-2 - местные палаты, оснащенные всеми необходимыми аксессуарами, со сантехническим узлом, душем. Запланировано много вспомогательных помещений для диагностической, аналитической и лечебной аппаратуры. В новом здании под нашу больницу отводится два этажа, в которых разместятся приблизительно 40 процентов от численности пациентов «старой» больницы. Но, если просуммировать количество коек для пациентов в «новой» больнице и в психиатрических отделениях на местах, то выяснится, что это количество не уменьшилось. На других этажах разместятся исследовательские лаборатории, кафедры вузов, здесь же будет помещение для амбулаторных приемов, разместятся курсы повышения квалификации со своей исследовательской базой. Со временем планируется создать ученый Совет для приема диссертаций. Центр станет кузницей научного кадров в сфере психиатрии. Одним словом, это будет современный научно-исследовательский, методический и практический центр психиатрической науки. Я хотел бы остановиться еще на одном аспекте развития психиатрической науки в Грузии. Нам трудно конкурировать с ведущими странами мира, такими, как Америка, Англия. Это относится и к объемам финансирования, численности и квалификации научных кадров, уникально оснащенным исследовательским лабораториям. Мы нашли компромиссное решение совершенствования научных разработок в стране, которое себя оправдывает. Наиболее талантливые, тяготеющие к научно-исследовательской работе сотрудники работают как бы на два фронта: практикуют здесь в больницах, а научной работой занимаются, скажем, в Англии. Имеется ли польза от такого научного обмена? Несомненно. Во-первых, он обогащает знания наших специалистов, повышает их мастерство, квалификацию, расширяет научный кругозор; во-вторых, решает практическую задачу: уточняет, а иногда и опровергает диагноз установленный на месте. Можно сказать, что такая форма сотрудничества – международная научно-практическая кооперация в действии.

ЖИЗНЬ БЕЗ ДЕПРЕССИЙ И НЕВРОЗОВ

- В средствах массовой информации любят приводить сведения о тенденциях, которые имеют место в различных заболеваниях. Как они изменяются в зависимости от времени или других факторов. Что можно сказать о психических заболеваниях?

- К счастью, доля психических заболеваний по отношению к другим заболеваниям очень незначительна. По статистике она не превышает долей процента. Но за последнее время во всем мире отмечается постоянный рост числа этих заболеваний. Сюда, в первую очередь, следует отнести неврозы и депрессию. А инициирует рост этих заболеваний постоянно растущий темп жизни. Депрессия – самое частое расстройство в современном мире, характеризовать его можно очень коротко – это расстройство настроения. Вот типичные проявления депрессионного расстройства: вы чувствуете, что вас мало что радует, мир потерял для вас свои краски, настроение на нуле, ничего не хочется, все кажется бессмысленным, вы не видите перспектив, вы почти не улыбаетесь. По данным различных иссле-

дователей депрессией страдают миллионы людей во всем мире. СМИ, которые любят образные сравнения, называют депрессию чумой XXI века. По их прогнозам к 2020 году депрессия вообще выйдет на первое место среди других заболеваний, обогнав сегодняшних лидеров – инфекционные и сердечно-сосудистые заболевания. В чем корни депрессии? Современной науке они известны: чисто биохимические причины. Нет биохимического сбоя – нет и депрессии. Никакие семейные разлады и разводы, неудачные романы, квартальные отчеты тут ни при чем. Биохимический механизм формирования депрессии доказан на огромном массиве исследований. Некоторые из них даже отмечены Нобелевской премией. Вылечить депрессию можно одним только путем: скорректировав эти обменные расстройства тщательно подобранными специальными препаратами – антидепрессантами. Для мировой фармацевтики борьба с депрессией – одна из наиболее актуальных и злободневных. К счастью, депрессия хорошо поддается лечению, более чем в 80 процентах случаев наступает полное выздоровление. Чтобы сегодня дать жизнь новому лекарству требуются громадные финансовые вливания – до десятков миллиардов долларов и длительные, порядка 8-10 лет сроки разработки. А время жизни нового лекарства измеряется годами; относительно быстро препараты устаревают и к ним на смену идут новые, более эффективные и еще более дорогие. Свой существенный вклад в психические заболевания вносят и неврозы. Многим известна народная мудрость: «Все болезни от нервов». Известна она многим, но парадокс – часто повторяя ее, мы, тем не менее, не вспоминаем об этом, пока сами не столкнемся с неврозом. И, если грипп или простуду лечим, то на неврозы машем рукой. Отоспишись, и само все пройдет, – решаем мы. А он не пройдет, более того,

может усугубиться. Неврозы считают порождением современной цивилизации. Постоянно возрастающий темп жизни становится тяжелым грузом для нервной системы и психики человека. Они сопровождаются нарушением общего самочувствия, неустойчивостью настроения, раздражительностью, нарушением других органов и систем. Есть такая версия: невроз – следствие сбоя в работе внутренних органов, в частности, надпочечников, щитовидной железы, печени, а это приводит к биохимическому дисбалансу в головном мозге. Факторами, способствующими развитию заболевания, являются стрессы как личного плана, так и бытового, социального. Невроз, думается, является одним из немногих заболеваний, понять сущность которого до сих

пор ученые так и не смогли. И уже более 200 лет длятся дискуссии о сущности невроза, корнях его возникновения и механизмах формирования. И, тем не менее, эта тема не становится менее актуальной и животрепещущей. Сегодня трудно найти в медицине другое такое понятие, как невроз, трактуемое различными научными школами многозначно и противоречиво. С лечением неврозов дело обстоит сложнее, чем с лечением депрессии. Здесь важно установить контакт с больным, выяснить психотравмирующие обстоятельства, вызвавшие заболевание, и помочь больному устранить причину. Неслучайно поэтому основной метод лечения – психотерапия неврозов. Ну и, конечно, медикаментозные средства – психотропные препараты, такие как нейролептики, антидепрессанты, транквилизаторы. Но если рассматривать комплексный подход к лечению неврозов, то хороший эффект дают спокойная обстановка, правильно подобранная диета, прогулки на природе.

- В каком направлении движется сегодня наука? Можно ли выделить главное направление этого движения?

- Давайте разделим психиатрию на клиническую и научную. Так вот научная психиатрия ориентируется на эндокринологию на уровне глубокой биохимии. Хорошо известно, что все процессы, происходящие в организме человека, зависят от проходящих на всех уровнях химических процессов: в мозгу, в сердце, в почках и т.д. Эти процессы проходят и в нервной системе. При их нарушении у нас появляется депрессия, страх, бессонница. Если мы будем знать, какие источники привели к нарушению этих процессов, то сможем использовать те препараты, которые быстро исправят разрушающие процессы. Эндокринология выходит здесь на лидирующие позиции.

- Существует такое образное выражение «мы все немного психи». Насколько оно верно?

- Наверное, у каждого человека, как индивида, имеется своя странность. Она может быть во внешнем виде, в действиях, в движениях, в поступках. И эта странность делает его, я бы назвал, человеком шарма. За этим нестрогим определением скрывается некая неординарность человека, что и выделяет его из окружающих. Часто люди из его окружения не понимают этого человека, и более того, считают его психом. Может быть, отсюда и родилась эта версия? Но шарм никогда не переходит в психические болезни. Более того, шарм – это «пусковой режим» движения вперед. Шармом наделены люди, ведущие за собой.

- Думается, что основная цель нашего интервью с Давидом Зурабашвили – обсудить день сегодняшний и день завтрашний психиатрии в Грузии - была достигнута. Но мы не удержимся, чтобы не обратиться к традициям этого рода, который подарил Грузии столько выдающихся медиков.

- Вообще наша семейная традиция началась не с моего дедушки, Авлипия Давидовича, а с его отца, священника – моего прадеда. Он лечил душу. А это очень близко к тому, чем занимается врач-психиатр. Поэтому ничего удивительного не было в том, что по стопам отца Давида пошли мой дедушка, а потом отец, дядя, мои двоюродные братья. И надеюсь, что это продолжится и в наших детях. Основное влияние на мой выбор жизненного пути оказал мой папа. Дети, как правило, интересуются делом, которым занимаются его родители. Я был совсем маленьким, когда папа впервые взял меня в свою лабораторию. Он занимался экспериментальной медициной. Мне было очень интересно там находиться. И я с детских лет стремился подражать папе. Кроме этого, в доме у нас была очень богатая библиотека. Я листал разные книги, медицинские атласы. Рано научившись читать, я начал читать даже то, что

детям вроде бы и не следовало. Любовь к книгам я сохраняю всю свою сознательную жизнь. У нас в доме часто бывали гости, в основном это были доктора. И присутствуя при разговорах взрослых, я невольно обогащал свой лексикон. Я думаю, что многие медицинские термины, выражения я стал произносить вместе со словами «папа» и «мама». Понятно, что после такой подготовки для меня открывался только один жизненный единственный путь – в медицину.

- Дато, мы с вами знакомы более двадцати пяти лет с международных конференций, проводившихся в Грузии. И вы тогда уже были самым первым помощником у папы. Частью наших культурных программ были вечера, где вы исполняли партии из классических опер и романсы. Казалось, что в скором времени грузинская медицина лишится своего молодого талантливого доктора.

- Действительно, такая возможность у меня была. Грузины очень любят петь, и поют профессионально. Такая любовь была и у меня. Более того, обладая лирико-драматическим тенором (говорили специалисты – неплохим), я на последнем курсе института поступил в музыкальный техникум на вокальное отделение. Однако для тенора есть масса запретов: острое – нельзя, мороженое – нельзя, алкоголь – нельзя и т.д. Я все взвесил и понял, что в психиатрии будет лучше.

- Выходит, Грузия лишилась своего Карузо, но зато приобрела талантливого психиатра. Как начался ваш путь в медицину?

- Еще в период студенчества я начал работать в детской клинике в отделении реанимации новорожденных и преждевременно рожденных. Мне повезло. Я попал в коллектив толковых, умных, трудолюбивых ребят. Наверное, именно здесь я начал понимать всю ответственность врача перед своими пациентами. Я убедился, что только постоянный профессиональный рост может быть гарантией успешной работы врача. А достигалось это чтением специальной литературы, причем не от случая к случаю, а постоянно. Мне это было особенно приятно, потому что, как я уже говорил, я рос в доме, где книга всегда была на самом почетном месте.

- Вы, помимо практической работы в больнице, преподаете и в университете. Ученики, как правило, стремятся подражать своим педагогам. А в вашем случае для этого оснований более чем достаточно. Учитель – доктор в четвертом поколении. Кто, как не он научит, покажет, объяснит, приоткроет все тайны медицинской науки? А, значит, пусть не традицию, а школу психиатрии Зурабашвили будут продолжать не только ваши дети, но и ваши студенты. Это – прекрасная перспектива. А вообще какой сегодняшний студент?

- Конечно, студенты разные. Но основная масса – ребята талантливые, способные, трудолюбивые. Они хорошо понимают, что будущее в их собственных руках. Хочешь чего-то добиться – трудись. Государство стимулирует студентов отлично учиться. Каким образом? Если студент хорошо учится, то ему предоставляется возможность продолжить учебу в любом университете мира. Естественно, выдержав конкурс. Учеба там платная. Так вот, наше государство берет на себя все расходы за обучение. А это десятки тысяч долларов. Но есть одно условие: после окончания учебы – вернуться на родину. Мне 45 лет, но я с удовольствием сел бы сейчас за студенческую парту. Не только, чтобы вернуть молодость; просто открываются возможности, которых прежде не было. Это касается не только близкой мне медицины. Это происходит и в других сферах жизни. Положительная тенденция такого движения вселяет оптимизм за наше будущее.

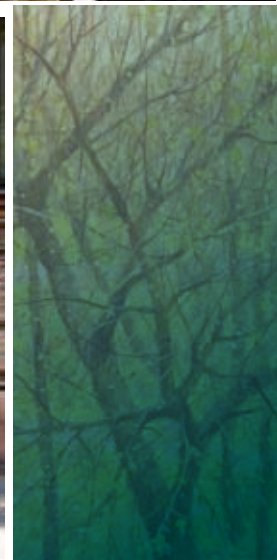
**Борис СОКОЛОВ
Георгий ХАТИСКАЦИ**

РОДИЛАСЬ Я В ТБИЛИСИ В 1959 ГОДУ. ЗДЕСЬ ЖЕ ОКОНЧИЛА ШКОЛУ И ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМ. И. ЧАВЧАВАДЗЕ. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ – АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК – ПОЧТИ НЕ РАБОТАЛА. С 16 ЛЕТ ЗАНИМАЮСЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКОЙ. С ДЕТСТВА ПРОБОВАЛА ПИСАТЬ СТИХИ, ПОТОМ РАССКАЗЫ И КИНОСЦЕНАРИИ. ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ НЕ ЗАНИМАЛАСЬ НИ ОДНИМ, НИ ДРУГИМ, НИ ТРЕТЬИМ, И ВОТ СНОВА НАЧАЛА. БОЛЕЕ ВСЕГО ЛЮБЛЮ ЧИТАТЬ, СМОТРЕТЬ НА МОРЕ И РАССМАТРИВАТЬ СТАРЫЕ ДОМА. ЛИТЕРАТУРНО МНЕ БЛИЖЕ ВСЕГО СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК И МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СВЯЗАННАЯ С НИМ. ВОООЩЕ ЖЕ ЧИТАЮ ВСЕ, ЧТО МНЕ СОЗВУЧНО.

Ирина ДЖОРБЕНАДЗЕ

Ирина Джорбенадзе

ТУПИК

Ничего не понимаю! Вчера эта собака хромала - сегодня носится по двору. Утром я дышала полной грудью, в полдень – задыхаюсь. Три дня назад ты был человеком - сегодня стал монстром. А что тут понимать, скажете вы: все течет, все меняется. Нет, на самом деле ничего не течет, ничего не меняется. Шарик крутится, но все стоит на месте. Просто все столбят свои места в пространстве. Сначала -- одно, потом – другое. Меняется только градус положения и видимость внутреннего содержания. Само содержание – неизменно.

А конец все равно один. Заглянуть бы туда, что после него. Скорее всего, там ничего нет. Но если что-то и есть, все равно – не в мою пользу. Стоп! Кто-то когда-то сказал мне, что внутри себя можно начать новый отсчет времени. Правда, кто-то не рассказал, как это делается. Значит, я сама должна понять, как. Но я могу ошибиться и начать с конца в никуда. А надо начать с конца в начало, и пройти новый путь до конца. Что мне взять с собой в этот путь? Одно я знаю точно – не собственную суть. Надо взять чужое эго, и примерить его на себя. «Чужие дни в чужом пальто вышагиваю по чужим проспектам. С чужой улыбкой на лице, под музыку чужих оркестров». Нет, это не пойдет. Не должно быть ощущения того, что все это чужое. Все чужое должно стать моим. Тогда что-то получится. Тогда и начнется новый отсчет времени, которое, закончившись, приведет меня к Нему, если Он все-таки есть. Ну а если Он есть, как Он воспримет чужое – мое, или мое – чужое. Ему это может не понравиться. И вообще Он может обвинить меня в смертном грехе – воровстве. Ну и что с того, что оно не материально. Чужие привычки, чужой характер, чужая суть – они ведь тоже собственность. Из них, в итоге, складывается материальное. Да, это тупик. Ну и пусть. В конце концов, в тупике нельзя жить, но можно существовать. Можно создать иллюзию жизни и поверить в нее. Но все равно – конец один. И если Он все-таки есть, Он спросит меня, почему я фарисействовала с открытыми глазами и не нашла нового отсчета времени. Собственного, своего. Он уже где-то рядом, но мне нечего Ему ответить.

УРОДСТВО

Я приду через час. Нет, через два. А может, вообще не приду. Может, я застыну, и не буду ни слышать, ни видеть, ни чувствовать. Скорее всего, я уйду в противоположную сторону. Не слыша, не видя, не чувствуя. В любом случае – не жди. А может, я махну на море, и восстановлю все свои функции. Кроме одной. Угадай – какой. Нет, не гадай. Все будет мимо. У тебя все всегда мимо. У меня – тоже. Но на море все же что-то попадает в цель. Ненадолго, на мгновение, но оно того стоит. Иногда это попадание всплывает как послевкусие. Как эманация чувств и запахов. Да, я морочу себе голову. Но только себе, и это прощительно. Вообще я решила все себе прощать. Это так приятно. И так порочно. Но, в принципе, это одно и то же. Итак, я все себе прощаю. Реальное и мнимое. Большое и малое. Расту в собственных глазах. Становлюсь огромной, как в детстве при температуре. А значит, становлюсь, как в детстве, невинной. При этом совершенно непонятно, что должен делать взрослый невинный человек. Человек-идиот без собственного «я», человек-овощ без грехов и падений. Я рву одуванчики и подставляю лицо солнцу. Я глажу барашка и блею вместе с ним. Я смеюсь несмешному и не плачу от горя. Нет, я не нравлюсь себе такой. Но я никакой себе не нравлюсь. Вот что: я нырну сейчас в ледяную воду, прямо здесь, у причала, и прислушаюсь к первому своему чувству. Оно будет самым верным. Оно решит, какой мне быть дальше. Хочешь знать, что я почувствовала? Я содрогнулась. Это значит, я буду жить, содрогаясь. То есть так же, как жила. Нет, это плохой тест, но другого я не придумала. Я должна найти кого-то, кто придумает вместо меня. Кто влезет в мою шкуру, но не полностью, частично, ровно настолько, чтобы мое «я» не повлияло на чужое «я», и не породило нового уродства. Смешно? Мне – нет. А вообще

вон там, вдали, чужие горы. Запах чужого снега. Тени чужих чувств и крики чужих птиц. Наверно, это то, что мне нужно. Сегодня и здесь мне ничего не нужно. Там – тоже. Но там, среди чужих, я помогу себе сама. Потому что помогать мне будет некому. Потому что моего языка никто не поймет и не станет изучать. Да, я опять содрогнулась. Знаешь, что? Пусть каждый сам несет свое уродство. Я не против.

ЗМЕЯ

Какое оскорбление! Ты лезешь в те участки мозга, которые закрыты для всех. Ты ковыряешься там, где можно только молча прислушиваться. Ты все трогаешь, трогаешь, трогаешь... Длинные руки, короткая память, грешная душа, нечуткое тело. Безобразный комплект. Безобразная комплекция. Ну и что с того? Все просто и обыденно. Все, как у всех. Так положено, и дергаться не надо. Договорились. Я не дергаю. Я наблюдаю за собой и за другими. Но не делаю выводов. Вот этого действительно не надо. А что надо? Надо жить совсем просто, совсем-совсем. И со всеми. Смотреть на качели – взлет-падение, падение-взлет, и ничего не чувствовать. Менять картинки: зима-лето, весна-осень, и только понимать, что все это – ничье и не мое, но зато красиво, и все равно почти ничего не чувствовать. Хорошо-то как! Так мило, незатейливо, спокойно. Вчера у колодца я встретила змею. Безобразно красивую. Порочную и гибкую. Она быстро скрылась в нескошенную траву, а я постаралась забыть о ней. Но сегодня вспомнилось, и я подумала, что все змеи – ядовитые и безобидные – умны, и хотя возмездия. Не может существо с такой внешностью и гибкостью хотеть чего-то другого. Не должно. Представь, что такая змея, пусть недовитая, приползла к тебе. Что ты с ней сделаешь? Ты ударишь ее палкой. Ты забьешь ее всем, что попадет под руку. Ты испугаешься ее. Нет, не змеиного укуса, а того, что она видит тебя насковзь. А раз зрит - хочет возмездия. Вот этого ты и боишься. Я не стану забивать змею. Я не тронусь с места. Я дам ей посмотреть на себя, или уползти. И вовсе не потому, что не боюсь возмездия. От него не уползешь. Просто я ее люблю. За красоту, за ум, за гибкость. За справедливость. Вот и славно. Начали с простоты жития, а закончили изгибами змеиной души. В то, что она есть, я верю. Я никогда не смогу влезть к ней в душу, но смогу мысленно проследить за ее лабиринтами. Лезть к себе в душу мне больше не хочется. Искать твою – тем более.

КОСТЕР

Хочу быть блудливой. И красивой, и веселой, и отчаянной. Да! Очень хочу. И вот тогда... А что тогда? Тогда я расскажу, почему я такой не была. Не надо смеяться. На самом деле, это довольно грустная история. Но сейчас я не хочу о грустном. Сейчас я хочу думать о том, что все получится, все удивится и скажут: «Вот это да-а-а!». Вообще, «да», с любым оттенком, почти всегда лучше, чем «нет». И в дипломатии, и в жизни, и в любви. Я как-то не усекла этого раньше. Я всегда говорила «нет», не подразумевая «да», и говорила «да», подразумевая «нет». Ничего хорошего из этого не вышло. С другой стороны, есть люди, которые это понимали, и приятная интрига все же была. Но они боялись ее, боялись меня, а я боялась их. Теперь я никого не боюсь. Кроме себя, да и то не всегда. А сейчас я расскажу, почему я решила стать такой. Мне помогли. Просто заглянули в меня и своими словами рассказали мне

обо мне. Я ужаснулась. Примитивности, которую принимают за оригинальность. Комплексам, которые путают с неприступностью и честностью. Тому, как легко меня обмануть, и тому, как иногда это трудно сделать. Но вы не напрягайтесь. Блуд – он не всегда телесный. Он в поступках и делах, и когда привыкаешь, блудить начинает тело. Автоматически. Наверно, это приятно. Я еще не знаю, я только готовлюсь. Долго готовишься, скажете вы. А я вообще такая – заторможенная. Поздняя. Надо решить, с чего начать. Кого обобрать, и кого «осчастливить». Кого казнить, а кого миловать. А главное, как это сделать с удовольствием, чтобы потом не вернуться к исходной позиции – серой мышки с обманчивой внешностью. Как-то сложно все складывается. Еще немного, и я раздумаю. Нет, этого делать нельзя. Половина пути уже пройдена – я заявила об этом. Осталось совсем чуть-чуть. Нет, это страшное напряжение. Огромный расход энергии. Мозги разболелись физически. Сейчас начнет болеть все тело. Блуждающие боли, на нервной почве. Надо поспать, чтоб не заболеть и не раздумать. Надо готовиться к завтрашнему дню. Честно-блудливо, блудливо-честному. Совсем не моему, но все же желанному. Спокойной ночи. Что в ней родится – я не знаю. Или вы снова расставите мышеловки, или сожжете меня на костре. В любом случае, выхода два. И это меня радует.

ОСЕНЬ

У тебя руки шершавые, как персики. Я не люблю их касаться. Не люблю касаться твоих губ, твердых, как фанера. Не люблю твоих щек, колючих, как наждак. И вообще я тебя не люблю. Я люблю летний сад, и себя в этом саду, и вкус летнего дождя, и запах земли, и те мысли, которые приходят в дождь. Недавно большая капля разбилась на столе в саду, из нее вышел маленький человечек и сел мне на ладонь. Кажется, это был эльф. Он спел мне веселую песенку, посоветовал оставаться с тобой и испарился. Я жду следующего дождя. Может, эльф появится снова, и я спрошу его, почему он это сказал. Но скоро осень, и летнего дождя может уже не быть. А дождь осенний – совсем другое дело. У него другой вкус, другой запах, другой голос. И мысли в осенний дождь другие. В осенний дождь тянет к камину, которого нет, к теплой постели, которой нет, к рыжим хризантемам, которые стоят в чьих-то домах в тонких и нервных вазах. В моем саду в это время период упадка и такой тоски, что собаки воют. Собак можно впустить в дом и утешить, но в моем осеннем доме такой холод, что и собак непустишь. Сегодня я хватаю уходящее лето за хвост и стараюсь надумать хорошей думой впрок, до следующего лета. Глупая затея. С первой осенней сыростью запас хорошего вытеснит холод, и в голову полезет плохое. А самое плохое то, что мне будет лень расставаться с тобой, лень объясняться. Как только я открою рот, из него повалит пар, и мои бедные железы снова разболются. Поэтому в холод я буду молчать, а ты воспользуешься этим и понесешь ерунду. Твои старые железы не столь чувствительны. Не только железы. Твои мысли не зависят от времени года. Раньше они казались мне свежими. Но когда мысли свежи всегда, от них пахнет сундуком, чем-то старым и лежалым. Весь мой дом пропах лежалым. Его спасает только лето, когда окна открыты, сквозняк гуляет по комнатам и выветривает все, что скопилось за зиму. И пока на дворе лето, мне надо расстаться с тобой. Не зря же в голову приходят такие хорошие мысли! Где ты? Поди сюда и послушай. Что? Ты решил уехать, пока тепло? Пока лето... Пока

в голову приходят хорошие мысли... Да, зимой холодно объясняться. Я как-то не подумала о том, что когда люди так долго живут вместе, они могут оказаться на одной волне. Правда, ненадолго, на мгновение. Но это мгновение меняет всю жизнь и не избавляет от холода. Послушай, скоро осень. В нашем доме так сыро. Что я буду делать в нем одна? О, ты договорился с печником. У меня будет камин... И в глубине сада растут рыжие хризантемы... Когда он успел их посадить? А в буфете, на нижней полке, пара тонких нервных ваз... Что ж, ступай. Теперь я смогу впустить в дом собак. Им будет тепло. Мне тоже. Еще лето, а мне почему-то по-осеннему зябко.

Я – ЭТО Я

За несколько дней я успела все – сойтись, разойтись, забеременеть. Не успела одного – полюбить. Живот растет не по дням, а по часам, и мой парень так активен, что глаза лезут из орбит. Наверно, он будет регбистом, а может, контрабандистом, а может, гэбистом. А может, я не доношу его, и его вообще не будет. Будет или не будет? Быть или не быть? Я сижу на кухне, пью кофе, курю сигарету и знаю, что ни того, ни другого мне делать нельзя. Но я люблю делать то, чего нельзя, и ненавижу делать то, что можно. У меня парадоксальное мышление, абстрактные чувства, буйная фантазия и ни копейки денег. Утром я думаю, что не доживу до вечера, вечером, что не доживу до утра. Пока жива. Но на кой мне такая жизнь, знаем Бог, да я, потому как Он, да я, ее придумали. Коза-дереза, говорили в детстве. Секс-бомба, говорили в юности. Дура, говорят сейчас. Старая дура, скажут скоро. Да, это я. Завтра я сошью себе балахон. Из занавесок. На пузо. На пузе зацветут пионы, пропахшие кофе и сигаретами. Потому как занавески из кухни, а цыплят на ней не жарят. Цыплят жарят в домах, где муж – как муж, а жена – как жена. А я – это я. И ничего больше. Одна моя знакомая ведет дневник. Такая занюханная серая тетрадь, которую она всем дает читать. Знакомая тоже серая. Серая в крапинку, или в клеточку, или в яблочко. Нет, яблочко – это у лошадей. Я их люблю. Знакомая пишет, что ее бросил жених, и она очень переживает. Что течет кран, и у соседней мыши. Что перманент лучше бигуди, а маргарин дешевле масла. Правильно сделал, что бросил. Телевизор я подарила соседям. Радио – дворнику. Сажу, как глухая. Как слепая. «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». Завели моду на зимнее время. Экономят электричество. А я и так экономлю. Лампочка в кухне давно перегорела. Уже полпятого, а я сижу впотьмах. И живу впотьмах. Потому что яркий свет мне противопоказан. Когда светло, видно все, что люди должны скрывать. А они не скрывают. То ли по лени, то ли по глупости. Или от того и другого вместе. Тушите свет! Или вообще не включайте. Идея электрификации всей страны – провозаки. Ее выдумали для того, чтобы люди видели пороки и достоинства друг друга, и грызлись, грызлись... Вот перегрызутся все, и я останусь одна, впотьмах. Кто будет роды принимать?!

Ирина ДЖОРБЕНАДЗЕ

СВОБОДНЫЙ ВЫБОР – ЭТО ПРИВИЛЕГИЯ

*В ДЕКАБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА
В ВЫСТАВОЧНОМ ЗАЛЕ СТОЛИЦЫ
АЗЕРБАЙДЖАНА «KİSİK QALART»
СОСТОЯЛАСЬ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА
ТБИЛИССКОГО ХУДОЖНИКА ОЛЕГА ТИМЧЕНКО
ПОД НАЗВАНИЕМ ««ALİ VAVA». БЫЛО
ПРЕДСТАВЛЕНО ОКОЛО ПЯТИДЕСЯТИ РАБОТ
МАСТЕРА, КОТОРОГО НАЗЫВАЮТ ЗНАКОВОЙ
ФИГУРОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА
ГРУЗИИ. ОДНАКО ТРУДНО НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА,
НАСТОЛЬКО НЕ ВПИСЫВАЮЩЕГОСЯ В
ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
КОНТЕКСТ.*

ПЕРВАЯ ЖИВОПИСНАЯ РАБОТА

- Она называется «Мертвый воробей». Сразу по окончании Академии художеств я не занимался живописью, не рисовал – был на распутье. Думал, стоит ли посвящать себя этому вообще. Попытка сделать коллажи, смотрел кино, ходил в театр, на выставки. Наблюдал, что где происходит, как развивается. Наверное, все эти впечатления во мне накапливались, аккумулировались... Однажды я увидел во дворе раненого воробья. Забрал домой – надеялся выходить... Но наутро птичка умерла. В том, как он лежал бездыханный, я увидел глубокую драму. Если бы это была какая-нибудь красивая птица – павлин или фазан – мне бы, наверное, не захотелось его запечатлеть. А это был простой серый воробей, которого и за птицу-то не считают. И жизнь его была серой, и смерть трагичной. Я увидел в этом... что-то чеховское. Мне захотелось зафиксировать этот момент, и я просто натуралистично положил изображение птицы на серый фон. Сделал все очень быстро, хотя к тому времени я уже почти позабыл запах красок... Именно после этого я почувствовал вкус к живописи. Стал писать натюрморты, пейзажи – все, что видел вокруг, даже старое здание напротив моего дома. Работал, глядя на него прямо из своего окна. Стремился передать чувство одиночества – пустая улица, дом и свет в окне. И назвал картину «Ностальгия»... Какое-то время я работал в такой сероватой гамме. Но я не собирался, конечно, всю жизнь писать в этом стиле. Меня

стало привлекать загадочное, сказочное. Иногда я просто вижу эти образы, даже не закрывая глаз. Они появляются и улетучиваются. Это мой внутренний мир, абсолютно не похожий на тот, что мы видим вокруг нас. И я старался зафиксировать эти образы. Я делал тогда первые шаги, экспериментировал – шел вслепую... И в этом был известный риск, можно было заблудиться, пойти не по той дороге. Это хуже всего - всю жизнь делать что-то абсолютно не нужное. Но в моем случае риск все-таки оправдался.

У меня получилось работать и в стилистике экспрессионизма. Я стал использовать яркие краски – всю палитру! Мне в тот период просто не хватало цветов. «Почему в палитре нет более выразительных, ярких цветов - таких, как в природе?» – задавался я вопросом...

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ

- Сильное влияние на меня оказал Серго Параджанов. Он очень редко высказывался... Я просто наблюдал за ним, его творчеством, и это было для меня большой школой. Сергей Иосифович никого ничему не учил. Вернее, он учил своим поведением, стилем жизни. Просто нужно было уметь увидеть, как он жил, что делал. На каждом шагу Сергей Иосифович что-то придумывал, выдавал какие-то идеи, подходил ко всему как режиссер. Я понял не только, что такое писать, рисовать, но и что значит соприкоснуться с искусством. Узнал, что существуют вещи, которые почему-то считаются искусством, хотя сделаны менее профессионально. При этом написанное очень хорошо и профессионально не имеет ничего общего с искусством! Почему? Параджанов чувствовал, что есть настоящее, формировал вкус. Говорил: «Что ты ищешь? Ничего не нужно искать, все у тебя под ногами!» Вроде бы абстрактная фраза... Что значит – «под ногами»? Важно быть всегда в состоянии готовности. В этом случае ты замечаешь – многие вещи то, что действитель-

но у тебя под ногами.

- Были у тебя периоды спада, когда казалось, что ты ничего не можешь, что исчерпал себя?

- Нет, такого не было, пожалуй. Просто были периоды, когда мне не хотелось писать. Я не писал и вообще ничего не делал. Но я не считаю это время потерянным, не считаю, что это творческий спад. Мешали обстоятельства личного характера... Иногда в этом состоянии и подъемы бывают. Но случаются и запои, депрессии. И в то же время в сложные периоды ты по-другому выражаешь себя. В один из таких моментов я начал писать стихи. Не потому, что у меня был творческий кризис... Скорее - жизненный. А муза не приходит и не уходит, она рядом всегда! Муза – это скорее, простите, девочка по вызову. Позовешь – придет. И я не понимаю этого: «Я жду вдохновения!» Это все - неправда. Для меня во всяком случае.

Олег Тимченко

ДЕСЯТЫЙ ЭТАЖ

- В нашу группу «Десятый этаж» первоначально входили Акакий Рамишвили, Мамука и Нико Цецхладзе и я, все выпускники Тбилисской Академии художеств. Проводились первые совместные выставки. Это был кислород! Когда рисуешь что-то сам, то находишься в каком-то замкнутом пространстве. И у тебя все хорошо получается – такое камерное искусство! Пока ты еще ничего не попробовал, то многое представляешь чисто теоретически и, естественно, боишься. А когда вместе, то не так страшно. Общие интересы, общий досуг, шутки, развлечения. И потом, когда ты видишь интересный результат, пусть не твой, а твоего товарища, на тебя это тоже позитивно влияет. Ведь ты видишь пример того, куда еще можно двигаться. Это развивает мышление, ты становишься более мобильным. Многие художники боятся рисковать, что-то радикально менять в своем творчестве. Хотя ради идеи можно совершенно поменять стилистику. А это не любой может себе позволить. Ведь у каждого художника - свой однажды найденный имидж. И многие больше думают о том, чтобы сохранить лицо, а не о том, что реально делают в искусстве. Понимают, что не получится, и остаются в том, что привычно и апробировано. А я не боюсь рисковать. Наоборот, ищу момент, чтобы попробовать себя в чем-то новом. Если меня спрашивают, в какой стилистике я работаю, я не могу ответить на этот вопрос определенно. Многие удивляются, когда видят разные мои работы: и это твое, и это, и то? Потому что разные выставки – это, как правило, разные идеи и разное их воплощение. Многие зависят от пространства и от того, что ты хочешь сказать. Не могу я работать в одном стиле. К тому же возможности искусства так разнообразны, и мне интересно пробовать. Тем более, когда подход - концептуальный. Выставки-то разные бывают – в том числе тематические. Иногда живопись вообще не при чем: она не будет работать в конкретном пространстве. К примеру, если тема политическая. В этом случае нужна какая-то концепция, лозунг, плакат, видео. Если ты чувствуешь искусство и понимаешь его законы, то можно работать в разных направлениях, жанрах, стилях. Для меня это вполне естественно...

ДРАМА

- Однажды ты сказал, что стремишься к тому, чтобы в каждой твоей работе была отражена драма. А как же твои чисто эстетские произведения?

- Драма есть и в этих работах. Или одиночество, или пустота... Может быть, трагизм, выраженный в глазах.

Самая моя красивая работа – в то же время самая драматичная. Это живопись, концептуальная работа. Диптих. На них изображены куклы и оловянные солдатики всех чинов – вплоть до генерала. XIX век. Картина называется «Солдаты и проститутки». Эти фигурки очень красиво работают. Как игрушки. Но если задуматься, тут заложена большая драма. Что общего между солдатами и женщинами легкого поведения? И те, и другие сами себе не принадлежат. Они служат, действуют по приказу, играют со смертью! Это уже драма... запах опасности и безысходности. И у солдат, и у проституток привлекательный внешний вид. У первых – эффектная униформа,

у вторых – красивое белье, макияж и все такое... Есть у меня еще одна эстетская работа – «Посвящается Андерсену». Но если посмотришь на эти фигурки, то заметишь: они словно остолбеневшие. «Канатоходец» - тоже красивая картина. Но мой герой постоянно рискует жизнью, балансируя на канате без страховки. Словом, всегда за любой моей работой скрыта драма.

- А как же серия «Драгоценности»?

- Здесь тоже есть нюанс. Драгоценности собираешь, собираешь... но это миф! Можно их собирать, но с чем в итоге останешься? С бижутерией? Это выдуманный, иллюзорный мир. А что на самом деле важнее? Этот внешний блеск или красота внутренняя? Так что и тут скрыта драма... не совсем веселая история. Кстати, среди этих «Драгоценностей» есть и мое собственное обручальное кольцо, которое я потерял. Я назвал картину «Потерянное кольцо». Ее можно считать каким-то символом утраты. Мы теряем порой самых близких, дорогих людей, а тут... Хотя проба золота моего кольца самая высшая – 995!

- В твоих работах есть и момент рока...

- Очень красивая работа – «Казненная королева». Королевские особы, инфанты... Я специально их назвал инфантами, чтобы в наш век не забывали испанского художника Диего Веласкеса. Приятно, когда его вспоминают... Ведь очень многие знают имена великих художников, но не смотрят, не любят, не чувствуют их работы. Просто владеют информацией, не больше. Иногда говорят, что мои картины – это романтика! А ведь романтизм – не всегда веселая штука. Хотя поэзия, романтика – думаю, это обязательно должно быть в работах.

- Романтическое мировосприятие – способ защититься от реалий?

- Не совсем... Есть, конечно, такой момент, когда ты обособляешься, когда у тебя возникает некая оболочка. Искусство само по себе обособленно, интересных, выразительных работ очень много, но жизнь и искусство – все-таки разные вещи. Всегда сквозь эту оболочку пробивается напоминание о том, что ты живешь, что жизнь сама по себе очень ценная вещь – со своими драмами, проблемами. «Легкую жизнь шукать. Может, и ты со мной?» - предлагают Григорию Мелехову из «Тихого Дона». Но он отказывается: «Нет, топай один!» Но красота в таких специально завуалированных работах нужна, иначе будет очень грустно, трагично и страшно! Серьез нужно подавать очень тонко, интеллигентно, чтобы на человека это действовало. Чтобы не отпугнуло и не вызвало отвращения. Есть искусство, которое вызывает отвращение своей откровенностью, излишней жизненностью. Некоторые художники просто впадают в маразм – что только не рисуют, не печатают! Кому-то, возможно, на пять минут это интересно, но подобное не останется. Потому что не имеет настоящей ценности.

- А ты знаешь, для кого работаешь?

- Для всех. Но каждый принимает, так сказать, свою дозу. Сколько нужно взять, столько и возьмут. Кому-то нравится, другим – нет, но для меня это абсолютно ничего не значит. Круга как такового у меня нет. По моему убеждению, минимальный процент человечества может

понять искусство, и не только изобразительное, но и кино, музыку, театр, поэзию. Любят ведь по-разному. Кто-то – от нечего делать, чтобы развлечься, убить время. Для восприятия искусства нужно быть готовым. Иначе просто впустую ходишь на концерты, выставки. Ты-то слушаешь, смотришь... Но получаешь ли то главное, ради чего все это сделано? Тебе же предлагается условный мир, игра, в которую ты можешь играть или не играть. От зрителя требуется столько же души, сколько отдает художник, идя на контакт с аудиторией. Без обоюдного движения все впустую. Картина может быть гениальная, но ничего не стоит для тебя, если ты не готов ее увидеть.

- А случалось, когда какие-то твои работы не находили отклика у публики, когда ты не достигал жела-

емого эффекта?

- Конечно. В этом случае я очень переживал и переписывал работу, все равно доводил ее до конца, что-то в ней менял. В конце концов я обязательно добиваюсь того, что хочу. Сделаю лучше, но не хуже. Просто иногда идея не совпадает с формой. Речь идет о неправильной форме материализации идеи, самовыражения. Когда переносишь идею в конкретное пространство или плоскость, включаются свои законы, которые нужно соблюдать. Иначе совершенства не будет. А без совершенства не бывает организованного пространства. Я имею в виду чисто технический момент, чтобы довести работу до конца. Нравится – не нравится, это уже другое. Иногда из-за какой-то детали можно изменить абсолютно все. И тут тоже огромный риск – очень трудно стереть то, что писал неделю. Тут тоже нужно обрести известную смелость, разозлиться, дойти чуть ли не до самоубийства, все уничтожить и сделать что-то абсолютно новое. Вспомним черновики гениального Пушкина – сколько он работал! Есть у меня одна очень яркая по колориту работа. Она поначалу была настолько красочной, что у меня получил-

ся просто китч. Я мучился, писал, стирал, снова писал. И в конце концов добился нужного результата. Назвал картину «Золотая ночь». Она и в самом деле как золотая – светится, мерцает. ...

ЭПАТАЖ

- Олег, многие считают тебя любителем эпатажа.

- А что в этом плохого? Всегда приятно, когда ты кому-то нравишься. Есть такой момент: когда ты что-то предлагаешь зрителям, они не должны оставаться равнодушными. Лучше пусть что-то решительно не понравится, чем вообще не заметят. Конечно, нужен какой-то момент провокации.

- Вспоминаю, как ты приехал на открытие выставки в Караван-сарай на лимузине, в окружении охраны.

- Я давно хотел заявить, что уважаю всех художников, но каждый человек в искусстве один. У тебя там не может быть друзей... Мне захотелось однажды ни с кем не поздороваться на очередной выставке. Ведь на любой выставке ты попадаешь в тусовку. На картины, как правило, собравшиеся смотрят лишь мельком. Захочешь внимательно посмотреть работы – не дадут сосредоточиться. Те, кто хочет действительно посмотреть экспозицию, должны прийти либо до открытия выставки, либо после. И вот я решил явиться на какую-то масштабную выставку не как художник, а как... олигарх или член правительства. Словом, человек из другого мира. Для этого мне понадобились отличные костюм, галстук, часы, лимузин и жесткая охрана. Все было по-настоящему! Ко

мне никто не мог даже приблизиться – ни знакомые, ни телевидение... Некоторые меня не знали, и для них я был загадочной персоной. А для тех, кто знал меня, это стало настоящим шоком. В данной акции был, конечно, момент иронии и самоиронии. Какой я миллионер, какой я олигарх?! Кто-то увидел политическую подоплеку – дескать, политикам, бизнесменам

Картины Олега Тимченко

когда много поклонников и постоянно берут интервью? Пусть говорят, плохого я в этом ничего не вижу. Но определение «модный» в отношении меня – это просто неправда!

- Разберемся с терминами. То, что ты делаешь в искусстве, – это постмодернизм?

- Конечно. Понятие «постмодернизм» включает очень много разных направлений. К примеру, авангард – это целая эпоха, связанная с большими историческими катаклизмами. То же самое произошло с искусством. Авангард – явление не только XX века. Авангардистами можно считать и классиков, которые в свое время нарушали какие-то каноны и предлагали нечто новаторское. Просто термина такого не было... А в Помпее я видел фрески – это настоящий импрессионизм. До нашей эры! И наскальная живопись настолько современна, что дальше некуда... Они были носителями того, что через, допустим, два тысячелетия должно было стать актуальным. В человеке все это существует. И когда это взрывается, появляются авангардные выбросы. Терминология все-таки нужна. Импрессионизм и постимпрессионизм – нужно это различать... От внешнего настроения произошел переход к внутреннему миру. До того, как появился «Черный квадрат» Малевича – с этим дорога живописи на время закрылась. А потом родилась целая плеяда трансавангардистов – они вернулись к живописи. Только это был мистический мир, связанный с имажинацией, инспирацией. Учитывая опыт классицизма, импрессионизма, экспрессионизма, концептуализма – произошел такой микс. А посмотришь – традиционная живопись! Но все это уже постмодернизм.

- Кто-то считает, что это уже тупик в развитии.

- Тупика в этом быть не может... Тупик – в том, что искусство стало доступным, массовым. Очень много развелось художников – в широком смысле этого слова. Уже и школа не нужна. Они не знают историю искусства, не владеют ремеслом... Очень все стало просто, девальвировалось. Акцент делается на качество. Но оно может затмить хорошую работу. Если, конечно, ты не подготовлен. Меня, например, глянец не обманешь. Конечно, нравится то, что эффектно. Сейчас очень много каталогов, галерей, информации. Все делается открыто – и провокации, и хорошее, и плохое... Уже не знают, кого перерисовывать, какие идеи использовать. Естественно, это принесло время – технологические новшества, компьютер.

Художники питаются уже готовыми образами, из этого складывают пирамиду и называют это хорошими работами. А на самом деле сам человек – носитель того, что является ценным. Пусть это будет не так эффектно, главное – чтобы это было правдой и чтобы это было твоё.

- Новая эпоха привела к тому, что мы стали менее восприимчивы к искусству?

- Да, это есть. И чем дальше, тем хуже. Это большая проблема современного художника – доносить до зрителя свое искусство. Поэтому он и придумывает новые формы, чтобы пробивать эту глухую стену.

- Какова сегодня твоя задача?

- Хочу оставаться свободным в выборе. Можно не знать, что делать, но надо точно знать, чего не надо делать. Это я, слава богу, знаю. Моя задача – сохранить свободу выбора того, что я хочу делать. Это большая привилегия – заниматься тем, что тебе интересно сегодня. Если я это сумею, остальное все приложится...

Инна БЕЗИРГАНОВА

Коба Гурули

МИРОЛЮБИВЫЙ ХУДОЖНИК

«Время принято сравнивать с рекой, но оно отличается от нее, — через его мутный, неиссякаемый и бесконечный, как вселенная, поток нельзя перебраться ни вброд, ни по мосту, и, хотя философы уверяют, что он может течь и вперед и вспять, календарь упорно регистрирует лишь одно направление», писал в романе «Конец главы» Джон Голсуорси.

Порою откладываясь навещать замечательного человека, полагая, что еще успеется...

А потом приходишь в Государственный Музей грузинской литературы, где были прежде памятные встречи, -- и узнаешь, что никогда больше не увидишь детской улыбки доброго художника.

Как мастер чеканки Коба Гурули был оценен уже при жизни. И чувствовал благодарность судьбе за эту редкую для подлинного таланта честь — быть понятым современниками.

Светло и радостно было у него на душе даже в последние дни земной жизни. Ведь сбылись все мечты — и личные, и профессиональные. Всего лишь одно желание осталось неисполненным -- мир во всем мире!

«Хочу, чтобы никогда и нигде не было войны! — постоянно, как молитву, повторял грузинский мастер. — Чтобы ласковое солнце согревало гроздья вызревающего винограда, женщины украшали себя для того, чтобы их воспевали в песнях мужчины. Хочу, чтобы беззаботно резвились дети — и не знали, что такое страх...»

Мир во всем мире! Несбыточная, но такая прекрасная мечта! Мечта человека, чистого сердцем...

Всю жизнь Коба Гурули стремился быть счастливым и осчастливить окружающих.

«Был у меня знакомый пекарь. Он горевал, что не стал художником. А я ему говорил: если ты чувствуешь, что лучше других выпекаешь хлеб, ты уже нашел свое призвание! Значит, ты — счастливый, только еще не понял этого... И Белле Ахмадулиной я как-то сказал, что ощущение праздника надо носить в собственном сердце, а не искать в поездках и знакомствах», — однажды рассказал мне чеканщик. И добавил: «А она ответила, что не все так умеют, но очень хотелось бы научиться!»

Впрочем, со своими чеканками Коба Гурули побывал в Венгрии, Турции, Канаде, Германии, Югославии, Японии... Его тбилисскую мастерскую посещали знаменитости, одаривая комплиментами и откровениями. Ирвин Робинс, Джордж Баланчин, Аркадий Райкин, Тамоцу Кавасаки, Ираклий Абашидзе, Серго Закариадзе, Отар Тактакишвили... Сотни гостей — всех не перечислить...

Коба общался с любым человеком как со знакомым с детства односельчанином — душевно. Внутренне художник всегда оставался простым деревенским парнем. Запахи свежеспаханной земли и парного молока запомнились Кобе как дыхание радости весеннего дня. Здоровое крестьянское начало — ощущение неразрывной связи человека и природы, вера в богоизбранность родного края — всегда присутствовало в творчестве Гурули: будь то статуи, пастели, стихотворения или главное дело жизни — чеканка...

«Автопортрет», «Я и моя собака», «Я и мой дом», «Добрый паук», «Колыбельная», «Чурчхела», «Мерани», «Женщина и лошадь», «Царь Ираклий Второй», «Статуи ищут солнце», «Боги Армази», «Царица Тамар», «Арго», «Святой Георгий», «Дева Мария», «Земля и Материя», «Полет в Космос», «Вечность» -- ряд названий чеканок, укрепленных на потемневшем дереве, трогателен сам по себе. Гурули запечатлевал историю одной семьи как часть истории нации, а историю народа — как пласт мировой истории. Личное и общественное были для него неразрывны. Однако как художественная натура Гурули ценил воображаемое мироустройство более реального...

Изумительная плавность линий, кажущаяся легкость металлоизображений и оригинальные находки цвета не дают забыть чеканок Гурули тем, кто увидел их хотя бы один раз.

Расцвет творческих идей грузинского мастера пришелся на 1953 — 1991 годы. Но прежде, чем поведать о чудесной тайне этих лет, я слегка коснусь основных фактов биографии художника.

Коба Гурули родился 23 июня 1930 года в селе Кведа-Сакара Зестафонского района.

В 1947 году художественным руководством Дворца пионеров г. Зестафони был отмечен как перспективный

ваятель за оригинальную статую «Шота Руставели». Фотографию его работы поместили в газету «Соплис цховреба» («Сельская жизнь»).

В 1951 году Коба поступил в Тбилисскую Академию художеств. Его любимыми преподавателями стали скульпторы Константин Мерабишвили и Шота Микадзе.

С 1953 по 1962 год Коба создал цикл статуй деятелей культуры Грузии, одновременно продолжая живописать.

В начале шестидесятых годов вся страна была охвачена модой на чеканку. Однажды попробовав свои силы в работе по металлу, Коба обнаружил, что она дает ему большие возможности самовыражения, чем скульптура.

В 1963 году Гурули уже осознал себя как пожизненного чеканщика...

Но вернемся к 1953 году, в котором состоялся брак Кобы Гурули с его первой и единственной возлюбленной – с Елизаветой Чумбуридзе, ласково называемой им просто Лили. Девушка, похожая на одуванчик, стала бессменной музой чеканщика. Образ возлюбленной запечатлен в десятках чеканок, а ее романтическое влияние на мастера отразилось во всех его работах. Дочери Лили и Кобы – Тамара и Гванца – сделали семейное счастье полным. Но главной в жизни Кобы всегда оставалась девушка его осуществленной мечты.

Мотив земной любви к женщине воплощен в чеканках Гурули необыкновенно нежно. Так, работа «Гранат» соединяет воедино священный крест, небесную звезду и «гранаты любви» - женскую грудь. Многочисленные торсы Гурули возвышенно-благородны.

Цельность темы «Вселенная-родина-жена» была нарушена трагической гибелью Лили в 1991 году. И лишь пять лет назад Коба сумел вернуться к ее образу в своем искусстве...

Свою формулу любви к жизни Гурули выражал посредством общеизвестных символов, не требующих особых расшифровок.

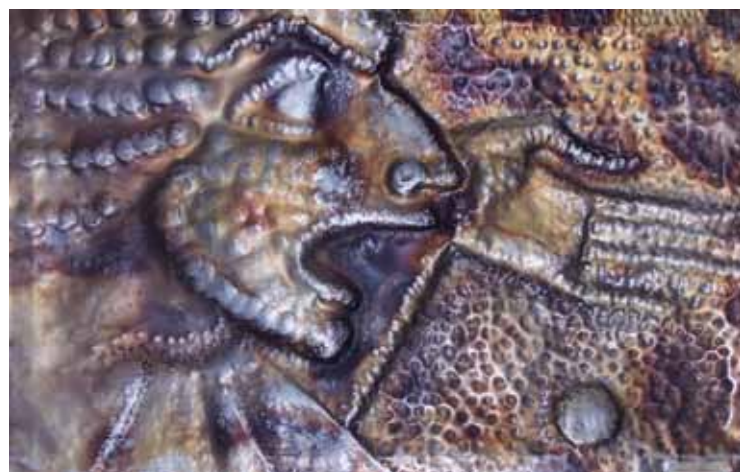
В 2010 году он ушел в миры иные в день, 9 апреля – день памяти погибших за свободу...

Как истинный художник Коба всегда был выше политики. Он считал, что внутреннюю свободу человека невозможно отнять. По-шиллеровски: «Свободными люди рождаются на свет, свободными даже в окопах!»

Коба никогда не жаловался, что его деятельности мешает цензура. На любые попытки официальных лиц воздействовать на его творчество чеканщик отвечал дружелюбной улыбкой, мягкой шуткой и продолжал дело так, как подсказывало собственное сердце...

Мы часто сетуем, что «родились не в то время» или «живем не в том месте». Но вопреки американской поговорке - «Если вы находитесь в Чикаго, то вы не можете позвонить ниоткуда, кроме как из Чикаго», - бывает, что мы можем «позвонить» людям из своего внутреннего мира, свободного от ограничений географических карт и демагогии текущей эпохи. Можем «позвонить» из того лучезарного мира, где цари отвергают мечи во имя Солнца и где каждый из нас любим и вечен.

Катя ЦИБЕР

На открытии мемориальной доски

ВОЗВРАЩЕНИЕ

По инициативе посольства Речипосполитой Польши в Тбилиси в июне во дворе Тбилисской Академии художеств торжественно была открыта мемориальная доска, посвященная профессору Академии художеств, одному из ее основателей, художнику и архитектору Генрику Гриневскому, жертве сталинских репрессий. Событие собрало достаточно большое количество людей, - это были представители польских Обществ в Тбилиси, преподаватели Академии художеств и, что особенно отраднo, студенты Академии, выражавшие большой интерес к происходящему событию. Перед собравшимися выступили ректор Академии художеств

Гия Бугадзе и посол Речипосполитой Польши в Грузии Урсула Дорошевска.

Одновременно состоялась презентация книги «Генрик Гриневский» в основу которой легли материалы научной конференции проведенной мною в Академии художеств в 2005 году, а также собранные мною же по крупицам сведения о его творческой деятельности.

Возможно ли вернуть ему имя и место в памяти человеческой после чудовищной трагедии, постигшей его, отдававшего свой талант и всю жизнь служению народу и стране, где он родился? Имя, вытравленное из памяти старшего поколения, стало труднопонимаемым молодыми. Долгие годы его нельзя было произносить вслух. Возникает вопрос почему и второй – за что? Да, это были годы бушевавших большевистских репрессий, но почему.это зло коснулось Гриневского? Возможно потому, что он отличался от навязываемых тогда большевистских стандартов, возможно еще потому, что не скрывал свое дворянское происхождение или потому, что занимал видное место в культурной жизни Грузии? Он был необычайно одарен, был одним из двигателей грузинской культуры, во многих областях культурной и общественной жизни был незаменимым авторитетом.

Генрик Гриневский родился в 1869 году в г. Кутаиси в семье сосланного на Кавказ поляка.

Образование получил в Европе – Академию художеств закончил во Флоренции, архитектуре учился в Германии, владел пятью иностранными языками.

Гриневский был выдающимся художником, архитектором, исследователем древней грузинской архитектуры, общественным деятелем, педагогом.

Вернувшись из Европы в 1898 году, он постоянно проживал в Тбилиси, где принимал участие во всех выставках, которые устраивало «Кавказское Обще-

ство Поощрения Изыщных Искусств», а также преподавал в художественной школе при этом обществе. С 1918 года по 1921 был директором этой школы, уже называвшейся Школой Живописи и Скульптуры и находившейся под патронатом Петербургской Академии художеств. Гриневский, занимавший в 1921 году должность заведующего отделом изобразительных искусств при Главном художественном комитете Наркомпроса Грузии, принял активное участие в организации Академии художеств. Его поддержали Г.Чубинашвили, Г. Габашвили, Я.Николадзе и др. Гриневский был избран профессором, в дальнейшем проректором, до конца жизни он оставался деканом архитектурного факультета. Написанное им Положение об Академии художеств оставалось актуальным многие годы. С 1927 года будучи проректором, стремился расширить Академию, открыть новые факультеты.

Интеллигентный, мягкий и отзывчивый, он становился твердым и непреклонным, если затрагивались интересы Академии. Когда в конце 1920-х годов встал вопрос о закрытии архитектурного факультета, Гриневский мужественно защищал интересы Академии и архитектурный факультет остался в Академии художеств.

В 1912 году специальная комиссия, возглавляемая Иване Джавахишвили поручила Гриневскому создание иллюстраций к первому тому собрания сочинений Ильи Чавчавадзе. Книга была издана Михаилом Гедеванишвили в 1914 году и стала настольной книгой в каждой грузинской семье. Ценность работы Гриневского за-

ключается в том, что здесь литературные образы и их художественное воплощение слиты в единое целое.

С такой же ответственностью и воодушевлением Гриневский работал над проектом Дворянского банка. Проект в грузинском стиле, созданный совместно с архитектором А. Кальгиным, получил первую премию и был осуществлен в 1914 году. Здесь в настоящее время находится Парламентская Национальная библиотека Грузии. Интерьеры здания также оформлены Гриневским – уникальные росписи стен и потолков.

В 1910 году он создал иконы для иконостаса в церкви Квашети, построенной по проекту архитектора Билфелда.

Г.Гриневский был личностью выдающейся – ни одно значительное мероприятие не обходилось без его участия или рекомендации. Он участвовал в создании историко-этнографического музея, состоял членом комиссии по оценке музейных ценностей в Кавказском музее. Заседание комиссии, рассматривавшей проект памятника Илье Чавчавадзе, проходило при его участии в его мастерской, оценка ценностей в музеях Боржоми также проходила при его участии, он был приглашен для работы в Художественной галерее как эксперт по оценке художественных произведений и их реставрации, создал мастерскую дизайнера, преподавал в Обществе борьбы с неграмотностью.

В своей автобиографии, написанной в 1934 году, он писал, что является автором двух монографий – «Анализ грузинского орнамента» и «Линейная перспектива

Генрик Гриневский

Г.Гриневский. «Муша»

для художников и архитекторов», последняя была издана в 1934 году, однако «Анализ грузинского орнамента» исчез бесследно.

Арестованный в страшном 1937 году и расстрелянный через три месяца, Гриневский был стерт с лица земли, произносить его имя было запрещено. Лишь через суд, благодаря помощи общества «Мемориал» он был полностью реабилитирован в 1989 году.

Чтобы увековечить память о Гриневском, мемориальная доска установлена во дворе Тбилисской Академии художеств на стене недалеко от того места, где некогда находились его мастерская и квартира, где он жил с супругой – известной балериной и педагогом Марией Перини, а теперь высится новый многоэтажный корпус Академии.

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

Нина Залдастанишвили

НЕСТИРАЕМЫЙ ВРЕМЕНЕМ СЛЕД

На титульном листе книги заслуженного тренера Грузии Левана Гиоргадзе «Рекорды Грузии в легкой атлетике» из моей библиотеки есть надпись: «Нине Залдастанишвили! На примере которой развивалась женская легкая атлетика в Грузии».

Кто она, «яркая представительница грузинского спорта», заслужившая «глубокое и искреннее уважение» автора книги?

В конце двадцатых – середине тридцатых годов заметно выросли в Грузии спортивные результаты Бориса Дьячкова, Георгия Шхвацабая, Гертруды Майер, Дмитрия Иоселиани. К этому кругу избранных, способствовавших популярности «королевы спорта», принадлежала и Нина Залдастанишвили, сильнейшая грузинская легкоатлетка десятилетия, которая была также незаурядной баскетболисткой – членом сборной команды республики, волейболисткой и гимнасткой.

Любопытный факт: в списке рекордсменок в легкой атлетике всех лет Нина Залдастанишвили удерживает пятое место, уступая по числу установленных ею рекордов Грузии (14) только Елене Гокиели, Надежде Двалишвили – Хныкиной, Гертруде Майер, Нине Думбадзе.

Н.Залдастанишвили более десяти лет выходила победительницей во всех грузинских и закавказских соревнованиях, а также межвузовских стартах по прыжкам и в беге на спринтерские дистанции. Ей принадлежали ре-

корды по прыжкам в длину и высоту с места и разбега, а также в беге на 60 и 100 метров, эстафетном беге 4x100 метров. Высокие (по тем временам) достижения помогли ей выйти победительницей в международных соревнованиях с участием норвежских и шведских легкоатлетов (1931), ее самоотверженные тренировки, бескорыстное служение спорту были примером для молодежи, способствовали появлению в 30-х годах целой плеяды грузинских легкоатлетов, как это отмечала выдающаяся дискоболка, заслуженный мастер спорта СССР, председатель Федерации легкой атлетики Грузии Нина Думбадзе. Были отмечены Почетной грамотой Всегрузинского ЦИК и грамотами всесоюзного и республиканского комитетов физической культуры.

Нина Залдастанишвили родилась в 1908 году в Ташкенте в семье служащего Алерциани. В 1922 году мать, Ольга Ильинична после смерти мужа вместе с дочерью вернулась в Тбилиси. Двадцати пяти лет от роду Нина поступила в Грузинский индустриальный институт им.С.М.Кирова, который закончила в сорок первом по специальности «геология», одновременно работала в физкультурных организациях.

В моем домашнем архиве сохранились дипломы Высшего Совета физической культуры при ЗакЦИКе, выданные т.Залдастанишвили Нине на 1-ом Закавказском празднике физической культуры Тифлис, 23 июня – 2 июля 1928 года за победы в соревнованиях по прыжкам в высоту с места (высшее достижение ЗСФСР), по прыжкам в длину с места (высшее достижение ЗСФСР), в беге на 100 метров, а также за второе место в беге на 500 метров.

Глубокого уважения заслуживает деятельность Н.Залдастанишвили по инженерной специальности. Ей присвоены звания заслуженного геолога Грузинской ССР и ветерана труда (1967). Нина Евстафьевна с 1965 года была начальником тематической партии гидрогеологии и инженерной геологии Грузинского производственного геологического управления. Под ее руководством и авторстве составлен ряд сводных гидрогеологических карт республики. Ниной Евстафьевной непосредственно прорабатывались вопросы перспективного планирования гидрогеологических и инженерно-геологических работ республики на пятилетия, ею курировались важные работы народно-хозяйственного значения – водоснабжения пастбищ отгонного животноводства на Северном Кавказе, по разведке артезианских бассейнов – Алазанского, Колхидского и других, разведки глубоких горизонтов Боржомского месторождения минеральных вод. В результате поисково-исследовательских работ были подсчитаны и переданы на использование эксплуатационные запасы боржомской минеральной воды и пресных вод Алазанского артезианского бассейна.

Два года назад исполнилось 100-летие со дня рождения Нины Залдастанишвили, чья жизнь была отдана во благо родного края, развития и славы отечественного спорта, в историю которого она вписала нестираемый временем яркий след.

Юрий СЛОВИНСКИЙ

Фото А.Сватикова

Обновленный театр марионеток Резо Габриадзе

კინძმარაულის მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge